ОЗИЛ

АВТОБИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автобиография Месута – история мальчика из турецкой семьи, которому удалось вырваться из иммигрантского гетто. Озил рассказывает, как он сумел стать лучшим ассистентом английской Премьер-лиги и достичь успеха не только в европейских грандах, в «Реале» и «Арсенале», но и на международной арене.

- Месут Озил
  -
  - Предисловие
  - Вступление
  - 1. Дом, не слишком приветливый дом
  - 2. Возьмем Маттиаса, а не Месута
  - 3. Большой футбол – это не шоу талантов
  - 4. Клин между Германией и Турцией
  - 5. С «Шальке» к вице-чемпионству
  - 6. Гнусная травля
  - 7. Один дома
  - 8. Футболисты далеки от политики
  - 9. Кунг-фу Визе
  - 10. Обладатель Кубка Германии по футболу
  - 11. Мой королевский трансфер
  - 12. Здравствуй, новый мир!
  - 13. Дуэль двух «галактикос»
  - 14. Лондон взывает[17]
  - 15. Прочь из золотой клетки
  - 16. Чемпион мира – 2014
  - Послесловие
  - Благодарности
  - Иллюстрации
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Месут Озил
Озил. Автобиография

Посвящается моим родителям, без которых я не стал бы собой.

Без которых я не достиг бы теперешних высот.

Без которых я смотрел бы на мир совсем другими глазами.

Моим родителям, которые всегда поддерживали меня на моем пути.

Я вас очень люблю.

Mesut Özil
DIE MAGIE DES SPIELS: UND WAS DU BRAUCHST, UM DEINE TRÄUME ZU VERWIRKLICHEN

В книге присутствуют фотографии из личного архива Месута Озила, а также предоставленные корреспондентом Bild Деннисом Брозда

© 2017 by Bastei Lübbe AG, Köln
© Морозова П. А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Месут Озил очень импонирует мне, я считаю его во всех отношениях ценным игроком. Он один из тех, на ком держится наша сборная. Он принимал участие почти во всех играх со мной в качестве главного тренера, и я знаю, что всегда могу на него положиться. Кроме того, стиль Месута всегда позволяет ему активно участвовать в самых ключевых моментах игры – а ведь в футболе именно от них нередко зависит исход. Вдобавок Месут отлично умеет перестраиваться и обладает сильно развитым чутьем, что делает его особенно значимым игроком в моих глазах, ведь я могу свободно задействовать его на разных позициях. Месута нельзя назвать разговорчивым, но каждое его слово высоко ценится товарищами по команде. Он прирожденный командный игрок, и мы все очень рады, что в наших рядах оказался такой талант.

Йоахим Лёв

Предисловие

Я нахожусь в вечном поиске молодых игроков. И однажды под Бременом я нашел одного потрясающего – Месута. Парнишку, который нутром чует, как выдавать волшебные пасы, который хорош в дриблинге, который делает результативные передачи так же хорошо, как забивает сам.

Смог бы он стать частью команды мирового класса? Физически – еще нет, ментально – возможно, а вот его техника не вызывала никаких сомнений! Поэтому я мысленно занес его в свой шорт-лист.

Потом я вернулся в Мадрид и отметил, что мне не хватает волшебника распасовки. Того, кто мог бы бесподобно начинать наши атаки. И тут я вспомнил о Месуте.

После того как на чемпионате мира он продемонстрировал, что уже справляется с невероятным напряжением, было принято решение взять его в команду. Мы заключили контракт – и это стало началом потрясающих взаимоотношений Озила на поле под Роналду и Ди Мария, на одной линии с Бензема или Игуаином.

Многое из пережитого я вспоминаю с радостью – и, разумеется, речь не только о новых титулах, которые мы завоевали вместе, и рекордах, которые были установлены с приходом Месута. Мне запомнилось множество неповторимых эпизодов как передачи, так и приема мяча в его исполнении, а также некоторые голы.

Месут Озил пользовался любовью зрителей на таком особенном стадионе, как «Сантьяго Бернабеу». Его многочисленным товарищам по команде было очень приятно играть с ним. Я думаю, что его прекрасные манёвры с мячом завораживали даже противников.

Извлек ли он что-нибудь для себя из общения со мной как с тренером? От всей души надеюсь на это. Впрочем, игроки вроде Месута не нуждаются в наставничестве. Они такие с рождения.

Что же еще сказать об этом парнишке? Мне его не хватает. Он стал моим другом. Несмотря на славу, Месут не забывает, откуда он родом, и умеет получать удовольствие от самого процесса игры.

Он – титулованный чемпион мира, и более того – победитель по жизни, который справляется со всеми трудностями, возникающими на пути.

Я горжусь тем, что стал частью истории его успеха.

Жозе Моуринью

Вступление
Самая серьезная взбучка в моей жизни.

Если он скажет еще хоть слово, я не выдержу. Одно лишь слово. Да что же этому типу от меня нужно? Чего это он так на меня взъелся? Странно все это. Сумасшествие какое-то. Не понимаю, в чем дело. Как бы то ни было, это ужасно несправедливо!

Перерыв, я сижу в раздевалке мадридского «Реала». Моего клуба. Справа от меня пустует одно место. Обычно тут сидит Карим Бензема. Но он уже ушел разминаться, во втором тайме ему предстоит выйти на замену. Сами Хедира задумчиво теребит шнурки на своих бутсах. Криштиану Роналду уставился в одну точку. А Жозе Моуринью, наш тренер, кричит. Всё кричит. И кричит. В первую очередь на меня. Сказать по правде, все камни до этого летели исключительно в мой огород.

Но ведь я носился как угорелый. Очень даже неплохо играл. Ей-ей. Я сразу же признался бы себе в обратном. Мы ведем против «Депортиво» (Ла-Корунья), счет 3:1.

На 16 минуте счет открыл соперник. После этого за 21 минуту дважды сумел забить Криштиану Роналду, отличился и Анхель Ди Мария.

Оба играют на флангах, на острие – Гонсало Иуагин. Опорные полузащитники Хедира и Лука Модрич прикрывают меня сзади. Все очень даже хорошо. Нет бы похвалить всех и меня заодно; но я снова получаю нагоняй. Как и за несколько недель до этого, когда Моуринью так же разносил меня в пух и прах. Всю первую половину матча с «Райо Вальекано» он продержал меня на скамейке запасных. А в том провальном матче с «Севильей» заменили после первого тайма. С этим я, кстати, даже соглашусь. В первые же минуты наметилось наше отставание после гола Петра Троховски, и в конце матча мы имели очень бледный вид.

Но теперь-то что? Все до одного проявили характер. Я был на высоте. Передачи удавались.

Ну хорошо, за несколько минут до финального свистка я позволил себе немного, самую малость расслабиться. Буду честным. Поэтому и не перечу тренеру, который критикует мою сегодняшнюю игру. Вместо того чтобы двигаться по полю на предельной скорости, я пару раз возвращался к своим воротам трусцой. Выкладывался от силы на 80—90 процентов. Но играл

ли я настолько плохо, чтобы сейчас вот так пилить меня в присутствии всей команды?

Украдкой я переглянулся с Серхио Рамосом. Мы с ним друзья. Затем я снова погрузился в раздумья, пока Моуринью продолжал метать громы и молнии.

Не самое приятное место, эти раздевалки. Неважно, дышат они стариной или обставлены по последнему слову техники, находятся они на стадионе или на тренировочной базе. Не секрет, что болельщики со всего света стремятся попасть в раздевалку к любимой команде. Наши футболки притягивают их как магнит. Каждый из них мечтает хоть одним глазком увидеть эту святая святых любого футбольного клуба. А некоторые готовы раскошелиться только ради того, чтобы во время экскурсии по знаменитому стадиону заглянуть в шкафчик Криштиану Роналду или Лионеля Месси.

В моих глазах раздевалки лишены всякой тайны. В них нет ничего притягательного, абсолютно ничего особенного. В первую очередь это – центр управления, наподобие диспетчерских вышек в аэропорту, где тренер, как авиадиспетчер, превращает в орднунг кажущийся хаос. Но это не делает раздевалки священным местом. Перед игрой или между таймами я чувствую себя запертым здесь, как в клетке. Скорее бы вырваться отсюда. Я будто тигр, который рвётся на волю. Эти пятнадцать минут до свистка на второй тайм всегда кажутся мне вечностью. Ведь всё, чего я хочу, – это вернуться на поле, к мячу!

В раздевалках происходит лишь подготовка к матчу. Поле – вот моя сцена, зеленый газон – вот то, что меня воодушевляет. Здесь я чувствую себя на месте. С каким облегчением я всякий раз переступаю боковую линию! Повседневная жизнь, наполненная трудностями, ссорами и спорами, отходит на второй план, как только я выхожу на поле. У меня целых девяносто мирных минут, а то и больше, если назначено дополнительное время. Истинное наслаждение! Даже если газон попался не самый ухоженный, разметка далека от совершенства и мои бутсы не лучшие на свете. Для меня важно просто начать бить по мячу. Именно на футбольном поле я переживаю самые счастливые мгновения, а не в раздевалке, этой клетушке 6 на 10 или 9 на 10 метров.

Выпустил бы кто меня отсюда. Особенно сейчас, когда на меня сыпятся оскорбления.

Моуринью возвышается посреди раздевалки. Он не умолкает ни на минуту и срывается на крик: Месут такой, Месут сякой, и то ему не так, и это – не эдак.

Я стараюсь пропускать резкие слова мимо ушей, не принимать их близко к сердцу. Но все равно чувствую, как

начинаю закипать от злости.

– Думаешь, с тебя хватит двух хороших передач? – бушует Моуринью. – Считаешь, что ты выше того, чтобы выходить один на один? Никак, ты теперь у нас звезда, стало быть, можешь играть в полсилы?

Он умолкает и пристально смотрит на меня. Я тоже гляжу прямо в его черные глаза. У нас идёт дуэль взглядов, как у боксеров перед боем.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Стоит и наблюдает за моей реакцией. Как же он бесит меня в эту минуту! Хотя вообще-то я очень привязан к Жозе Моуринью.

Именно ради него я перешёл из бременского «Вердера» в «Реал Мадрид». Выбор был сделан не в пользу клуба – определяющей была личность их тренера. Я во что бы то ни стало хотел попасть к Жозе Моуринью, и только к нему.

С 2008 года я жил этой мечтой. Помню, как в первый день октября мы с «Вердером» играли против миланского «Интера» на стадионе «Джузеппе Меацца». На воротах стоял итальянец Жулио Сезар[1]. В нападении играли Адриано, Златан Ибрагимович и Марио Балотелли. Вот это имена! Вот это команда! Их гениальную тактику выработал не кто иной, как Жозе Моуринью. На первой же минуте Адриано взвился в воздух над нашей штрафной, выполняя удар в падении, – мяч пролетел всего в нескольких сантиметрах над воротами Тима Визе. Чуть погодя мяч попал уже в сетку с внешней стороны – это Ибрагимовичу совсем чуть-чуть не хватило до гола. Через 14 минут Майкон нам таки забил.

«Интер» оказался серьезным противником. Все игроки действовали предельно точно. Иногда, если у меня выдавалась свободная секунда, я искал взглядом Моуринью и наблюдал за тем, как он работает с командой. Меня восхитило, как азартно он подбадривает игроков, какой заряд позитивной энергии от него исходит.

На 62-й минуте я практически идеально навесил с левого фланга на Клаудио Писарро, которому удалось сравнять счет: 1:1. Я снова взглянул на Моуринью; его это как будто бы впечатлило. После матча он коротко пожал мне руку, одобрительно похлопал меня по спине. В ту же ночь я сказал своему тогдашнему агенту Резе Фазели: «Настанет день, когда я буду играть под началом Жозе Моуринью». И вот мы одна команда.

Что же так привлекло меня в нем? Благодаря манере говорить, двигаться и одеваться он неизменно выглядел собранным, спокойным и гордым. Лишь единицы среди знакомых мне на тот момент тренеров обладали таким обаянием, как у

него.

Два года спустя, в 2010 году, когда в ЮАР подошел к концу чемпионат мира по футболу, он уже подумывал о том, чтобы взять меня к себе. Моуринью только что вывел свой «Интер» в победители Лиги чемпионов. А затем стало известно, что он возглавил «Реал Мадрид».

В то время я рассматривал варианты сотрудничества с пятью клубами. Интерес проявил лондонский «Арсенал», подоспел и «Манчестер Юнайтед». Остальными были «Бавария», «Барселона» и «Реал».

Перво-наперво мой агент устроил встречу с руководством «Баварии». Ему описали в красках, как именно они собираются меня задействовать, чего планируют со мной достичь. Параллельно велись переговоры и с остальными клубами. Ведь было ясно, что «Бавария» образца 2010 года уступала по уровню «Реалу» и «Барселоне». Возглавляемая Луи ван Галом «Бавария» переживала недавнее поражение в финале Лиги чемпионов – тогда, в Мадриде, они встретились именно с «Интером» Моуринью. Оба испанских клуба представлялись мне с объективной точки зрения и в глобальных масштабах, и престижнее, и крупнее, и значительнее. К этим двум в итоге и свёлся мой выбор.

Чуть позже, во время отпуска на Майорке, где я провёл несколько дней с кузеном Сердаром и старшим братом Мутлу в компании добрых друзей, в числе которых были Барыш и Рамазан, явился мой агент и сообщил, что в ближайшее время должен позвонить Жозе Моуринью.

Я отлично помню, какой вихрь мыслей вызвала у меня новость о предстоящем телефонном разговоре – не каком-то дежурном, из ряда вон выходящем.

Я не из тех, кто много и с удовольствием говорит, кто привлекает к себе всеобщее внимание и умеет добиться того, чтобы окружающие ловили каждое твоё слово. Более того, я не владел ни португальским, ни итальянским и не мог свободно объясняться на английском. Словом, у меня не было ни единого шанса поговорить напрямую с Моуринью. А ведь у меня было к нему столько вопросов, которые мне непременно хотелось задать. Когда я думал о приближающемся разговоре, мне становилось прямо-таки дурно. Я нервничал, как мальчишка, который впервые набирает номер любимой девушки.

Я не из тех, кто много и с удовольствием говорит, кто привлекает к себе всеобщее внимание и умеет добиться того, чтобы окружающие ловили каждое твоё

слово.

И вот мы устроились в дальнем уголке майоркской усадьбы. Зазвонил телефон. На экране мобильника моего агента высветился скрытый номер – это был Моуринью. Когда связь была установлена и он поздоровался, я не смог издать ни звука в ответ. Сердце мое билось чаще, чем после двух десятков интервальных упражнений во время нашей подготовки к сезону.

Агент взял инициативу в свои руки, включил громкую связь и положил телефон на стол передо мной, чтобы я отчетливо слышал каждое слово. Я вслушивался в голос Моуринью и пытался хоть что-нибудь разобрать, цепляясь за обрывки фраз, не зная в точности, что они означают.

Мой агент вынужден был снова и снова прерывать разговор, чтобы по-немецки пересказать мне, о чем до этого шла речь.

Это сводило меня с ума. Иногда они подолгу говорили и смеялись, уже ничего не переводя. Тогда я тормошил своего агента, требуя пояснений. Но он только отмахивался и просил набраться терпения.

Через сорок минут с небольшим разговор подошёл к концу. Взбудоражившись, я не находил себе места. «Он действительно берет меня к себе. Поверить не могу, Моуринью хочет, чтобы я играл в его команде!»

Через несколько дней «Реал Мадрид» прислал за мной частный самолет, будто я был звездой Голливуда. Мне еще не доводилось путешествовать с таким шиком. Частные самолеты я вообще видел только издалека. А теперь меня самого обслуживают на Майорке в отдельном терминале. Никаких тебе очередей на регистрацию, никакого взвешивания багажа. Так в августе 2010 года для меня открылся новый мир.

В Мадриде нас встретил лимузин, на котором мы отправились прямиком к Хорхе Вальдано, тогдашнему генеральному директору клуба «Реал Мадрид».

Он оказался славным малым. Переход моего кумира, Зинедина Зидана, а также Криштиану Роналду и Дэвида Бэкхема в «королевский клуб» состоялся во многом благодаря ему. Он вышел к нам в рубашке, белее которой я в жизни ничего не видел. Его аккуратный галстук был затянут точно посередине. Прочие детали стерлись у меня из памяти на фоне предстоящей встречи с Моуринью. Впервые мы должны были увидеться в неформальной обстановке. И вот он, наконец, появился: человек, которому «Порту» был обязан победой и в чемпионате Португалии, и в Лиге чемпионов. Человек, который вывел «Челси» в чемпионы, а затем праздновал с ними победу в финале Кубка Англии. Человек,

благодаря которому «Интер» выиграл на национальном и международном уровнях все, что только можно.

С порога комнаты, где меня ожидали, я заметил эмблему «Реала» на тренировочном костюме, который, судя по всему, являлся для Моуринью предметом особой гордости. Ни с чем не перепутать эту королевскую корону и сочные цвета. Я уже видел себя в сливочном трико и мысленно бежал в нем по мадридскому стадиону «Саньтяго Бернабеу». Я замечтался и толком не расслышал, что Моуринью произнёс при встрече.

Впрочем, я недолго парил в мечтах – суровая реальность заставила меня спуститься на землю. А вдруг я не потяну уровень легендарной команды? Ишь, чего захотел, из «Вердера» да в «Реал Мадрид», из команды – скромной участницы Бундеслиги – в величайший футбольный клуб на свете? Чего стоят все мои успехи по сравнению со звездами «Реала»? И как будет принят никому не известный игрок на мировом уровне?

Я трезво смотрю на вещи и готов к неудачам. Было бы безрассудством не допускать возможного провала. Для начинающего дело обстоит так: недостаточно просто выдавать хорошие результаты. Твои достижения перестают что-либо значить с финальным свистком судьи. Играй ты на приличном уровне хоть десять матчей подряд – это быстро забудется. Футболист не может выигрывать впрок. Неубедительно отыграл пару матчей – и уже выпал из обоймы. Тогда все приходится начинать с нуля. Так есть ли у меня шанс в составе «Реала»? Этот вопрос не давал мне покоя.

«Да, я даю тебе этот шанс, – сказал Моуринью. – Уникальный шанс! Тренируйся как следует. Потом выйдешь на поле. Покажи, на что ты способен ради места в команде, и я в долгу не останусь. Чем больше усилий приложишь, тем больше получишь от меня. «Реал Мадрид» для тебя вовсе не прыжок выше головы. «Реал Мадрид» – это твой единственно верный путь. Доверься мне. Станешь играть у нас в основном составе. После чего для тебя будут открыты все двери. Ты еще явишь миру, что в тебе заложено. А заложено в тебе чертовски много, уж поверь».

Тут все мои сомнения как рукой сняло. Моуринью сказал именно то, что мне необходимо было услышать, чтобы решиться на переход.

Затем мы отправились на «Сантьяго Бернабеу». Вальдано провел меня через анфиладу залов славы в самом сердце королевского стадиона. Перед моими глазами предстали трофеи, собранные за более чем вековую историю «Реала». Я увидел свое отражение в блестящих, тщательно отполированных кубках. Невероятное зрелище. Очень заманчиво! И посыл ясен: добро

пожаловать в клуб лучших! Здесь одерживают славные победы и завоевывают высшие награды.

Краем глаза я заметил, что руководство «Реала», в свою очередь, присматривается ко мне. Наверное, стоило вести себя сдержаннее при виде всех этих наград, кубков и скульптурных фигур. Но разве можно было скрыть свой восторг! Трофеи сверкали, и лицо мое тоже просияло.

Как раз такого приема мне и не хватило в случае с «Барселоной». Каталонцы не устроили никакой экскурсии по «Камп Ноу», решив обойтись без демонстрации своих успехов, которая в Мадриде у «Реала» проняла меня до мурашек. «Барселона» не оставила особого следа в моем сердце. Не пустили на стадион, не показали свои тренировочные площадки и вообще проявили гораздо меньше радушия, тогда как я был горячим поклонником их стиля игры.

Решающим фактором стало то, что тренер команды, издревле соперничающей с «Реалом», не нашел времени для встречи со мной.

До этого приезда в Барселону я почти не колебался. «Барса» казалась правильным выбором. В ту пору с ними никто не мог сравниться. Величайшим наслаждением было наблюдать за колдовскими комбинациями, которые они разыгрывали на поле. Они способны были выполнять по двадцать, а то и по тридцать передач друг другу с такой виртуозной точностью, что их движения напоминали отрепетированный танец.

Помнится, отсутствие Пепа Гвардиолы меня насторожило. По приезде из Барселоны я изводил своего агента одним и тем же вопросом: «Почему же не пришел тренер?» Ответом было: «Тренер уехал в отпуск». Позднее Гвардиола все равно не позвонил, не снизошел даже до коротенького сообщения. Энтузиазма по поводу «Барселоны» у меня заметно поубавилось.

Посетив оба маститых клуба, мы с агентом стали думать. «Ну, Месут, – сказал он мне, – вот твой расклад. В пяти местах зараз играть нельзя». Поэтому мы решили набросать список со всеми «за» и «против». Прямо как в школе.

«Круто играют» значилось в графе за «Барселону». Там же: «Товарищи по команде: Хави, Иньеста, Месси». Всего у меня набралось не меньше десяти положительных моментов, ради которых я был почти готов сказать каталонцам «да». Впрочем, было одно «но», которое перечеркивало все. «Пеп Гвардиола – он вообще во мне заинтересован? Сработаемся ли мы?» Мой скепсис нарастал.

Поведение Пепа Гвардиолы стало причиной моего отказа от сотрудничества с «Барселоной». Особенно на фоне того, как за

меня боролся Моуринью. Он был так красноречив, так ласков, так неутомим. Полная противоположность тренеру «Барсы». Так я, наконец, сделал выбор в пользу Жозе Моуринью и «Реала».

И этот самый человек сейчас утверждает, что я кругом виноват. Тем временем десятиминутный[2] перерыв почти кончился. Чего не скажешь о гневной тираде Моуринью. Всё, с меня хватит.

«Ну, и чего ты так раскричался?» – бросаю я зло. И потихонечку говорю Рамосу: «У меня от него уже крыша едет. Пусть замолчит. Все время он чем-то недоволен».

«Я не вижу, чтобы ты старался изо всех сил! – взревел Моуринью. – Я хочу, чтобы ты боролся как мужчина. Ты себя на поле-то видел? Нет? Так я покажу».

И Моуринью встает на цыпочки, прижимает руки к бокам, вытягивает губы в трубочку и скачет между шкафчиков. «Вот как ты играешь. Ой, не трогайте меня, ах, только бы маечку не запачкать», – с этими словами он снова пародирует меня.

Он очень разгорячился. Пульс у него сейчас, наверное, под 180. А мой давно за 200. Я не могу больше сдерживаться. Южная кровь взыграла у меня в жилах.

«Ах так! – кричу я в ответ. – Раз ты такой умный, выходи и играй сам, – срываю я с себя форму и бросаю к его ногам. – Вот. Это тебе. Давай надевай».

Моуринью саркастически смеется. «Сдаёшься, значит? – спрашивает он. – Ну ты и трус, – говорит он с вызовом, стоя в каких-то сантиметрах от меня. – И что теперь? Залезешь в теплый душ? Намылишь головку? Будешь грустить в одиночестве? Или пойдешь и покажешь своим товарищам, болельщикам и мне, чего ты стоишь?»

Сейчас Моуринью вдруг стих. Перестал сыпать едкими фразами на всю раздевалку, принял деловой вид, что окончательно вывело меня из себя. Как он может оставаться таким спокойным, тогда как я чуть не лопнул от злости? Я и сейчас все еще злюсь. Мне хочется запустить ему в голову бутсами. Я хочу положить этому конец. Пусть оставит меня, наконец, в покое.

«Знаешь что, Месут, – произносит Моуринью так, чтобы слышали все. – Иди поплачь! Хоть обрыдайся! Ты ведёшь себя как ребёнок. Отправляйся в душ с глаз моих. Ты нам больше не нужен».

Я медленно встаю, скидываю бутсы, срываю полотенце и молча плетусь в душ, демонстративно не глядя на Моуринью. А вот он знает, чем меня добить. «Тебе не сравниться с Зинедином Зиданом. Ни за что! Никогда! Тебе до него как до Луны!»

У меня перехватывает дыхание. Его последние слова ранят меня в самое сердце. Моуринью бил наверняка. Ему лучше других было известно, как велико мое уважение к Зидану и что этот француз – единственный, на кого я равняюсь.

«Тебе не сравниться с Зинедином Зиданом!» Слова Моуринью все еще звенят у меня в голове. Раздевалка тем временем опустела. Ребята продолжают игру. Меня заменили на Кака. Позже я узнал, что Серхио Рамос подобрал мою футболку и поддел под свою. Моя черная десятка покоилась у него на спине во втором тайме под его собственным номером.

Пока я, потрясенный, отмокал в душе, Пепе и Роналду забили по голу – «Депортиво» разгромили со счетом 5:1. До сих пор у меня не было столь серьёзного конфликта с тренером. Еще никогда мне не приходилось ставить под сомнение свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, которые только что так сильно пошатнулись. Что это вообще было? Что заставило Моуринью, этого замечательного тренера, закатить такой спектакль? Что он пытался до меня донести?

В тот вечер, 30 сентября 2012 года, в районе девяти вечера, я начал пересматривать свои жизненные установки. Да так, что не осталось и камня на камне. Неделями я мысленно возвращался к этой сцене в раздевалке. Кто я такой? Откуда я пришел в футбол? Чего я пытаюсь добиться? Из ответов на эти вопросы и стала складываться моя автобиография.

1. Дом, не слишком приветливый дом
Что может значить дружная семья

Я стою у подвала и вглядываюсь с верхней ступеньки в кромешную темноту. Выключатель во дворе, надо полагать, не работает. Как и многое в этом доме по Борнштрассе в районе Бульмке-Хюллен городка Гельзенкирхен – моей малой родины.

Взять, к примеру, покосившуюся входную дверь, которая поддается нам, детям, только если мы навалимся на нее всем телом. Каждый раз металлическая кромка проезжается по полу – там внизу видны глубокие царапины. Все серые железные почтовые ящики погнулись. Сколько себя помню, на стене нашего дома не висело никакого номера. Возможно, цифры однажды просто стащили. Либо они не выдержали очередного порыва ветра, и потом никто не удосужился вернуть их на прежнее место. Вместо этого цифру «тридцать» – номер нашего дома – намалевали зеленой краской из баллончика прямо на стене.

Мне нужно сходить в подвал за велосипедом. Но одному боязно. Никто из местных детей не решается в одиночку переступить порог этого жуткого места. Спускаться и подниматься надо бегом со всех ног, задержав побольше воздуха в легких – такая в подвале вонь. Стойкий запах мочи перебивает все остальные. При этом непонятно, гадит ли здесь кто-то из соседей или это крысы метят свою территорию.

Ох, эти противные жирные крысы попросту оккупировали подвал – год от года их становится все больше и больше. Дети постарше рассказывали о том, что кое-кого из соседей уже сильно искусали. Они внушили нам, что грызуны нападают на всякого, кто переступает порог их подвала, и чуть что пускают свои острые зубы в ход.

Но оставлять велосипеды у дома – не вариант, их тут же украдут. А я не могу допустить, чтобы это случилось с моим драгоценным железным другом. У меня не так много по-настоящему ценных вещей. На этот велосипед мои родители долго откладывали деньги, заработанные тяжелым трудом. Поэтому не остается ничего другого, как раз за разом штурмовать этот мерзкий подвал с мерзкими крысами. Впрочем, даже вдвоем все еще страшно спускаться по крутым, потрескавшимся бетонным ступенькам. Дело сдвигается с мертвой точки, только если нам на помощь приходит мой старший брат Мутлу. Если мы

собираемся впятером, то мы кричим во всю глотку и с силой топаем ногами, чтобы крысы от страха попрятались по углам.

Наша квартира находится на пятом этаже, под самой крышей. У нас тесновато. Сестры Неше и Дуйгу делят одну комнату, мы с Мутлу спим в другой. Он на постели, а я на полу, и мой матрас каждое утро сдвигается в сторону, чтобы высвободилось чуть больше места для игр. Никакого личного пространства нет и в помине.

Но я люблю нашу квартиру. Этому не может помешать вонючий подвал. Родители изо всех старались создать здесь уют.

Впрочем, позднее, уже в составе «Рот-Вайсс Эссен», где за всеми заезжают на служебной машине, я стыжусь того, как мы живем. Условия жизни других детей невообразимо прекрасны – они выходят из роскошных коттеджей с садом прямо за калиткой. Наш же дом кажется мне тогда таким ужасным, что я называю водителю неверный номер. Вместо того чтобы сесть у дома номер 30 по Борнштрассе, я отхожу чуть дальше и жду перед зданием на противоположной стороне улицы, где, по крайней мере, целы все стёкла.

Но о более просторной квартире, с отдельной комнатой для каждого ребенка и не в таком запущенном доме, нам приходится только мечтать.

Моя мама и так работает на пределе своих сил. Она – уборщица в местной школе, каждый день у нее по две смены. Первая длится с 7 до 16 часов, вторая – с 19 до 22. Она просто выворачивается наизнанку. И при этом не позволяет себе ни единой жалобы. Но я-то вижу, как она измотана. Иногда, если ей кажется, что ее никто не видит, она расправляет натруженную спину и устало потягивается.

Она отдаёт нам всю себя – и моет, чистит, скоблит. Смысл ее жизни заключается в том, чтобы прокормить семью. То, что при этом ее личная жизнь проходит мимо, будто бы ее не волнует. У мамы нет времени на хобби и увлечения. Она пропадает на работе, а потому маме также и не до нас.

После школы вместо горячего обеда меня ожидает пустой стол. Улыбчивая мама не открывает мне дверь, не треплет ласково по голове, не расспрашивает о том, как прошел день. Ее также нет рядом, когда мне надо помочь с домашним заданием.

Маму саму забрали из школы девятого класса по решению моих бабушки и дедушки. Она должна была начать приносить деньги в семью. Мои родители, как и их собственные родители, не могли позволить себе такую роскошь, как хорошее образование. И мы, их дети, также не понаслышке узнали, что

такое нужда.

Поэтому меня и не отдали в садик. Родители просто-напросто не потянули этого финансово. Так же как позднее и услуги репетиторов для меня, брата или сестер.

После школы я всегда был предоставлен самому себе. Никто не проверял у меня домашнее задание и не читал сказок на ночь. Разумеется, нам не полагалось никаких карманных денег. Откуда им было взяться? У отца каждый цент был на счету. Сначала он работал на фабрике кожи. Затем какое-то время держал чайную, а после – маленький магазинчик. Перед тем как осесть на заводе «Опель», он владел бильярдным салоном. Каждый раз он изобретал что-то новое, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Не раз он вовсе оставался без работы, но старался как можно скорее начать трудиться на новом месте.

Всего в нашем доме проживало десять семей. Девять из них имели иностранные корни. На всей Борнштрассе было редкостью встретить хотя бы одного немца. Мы – иностранцы, ясно ощущал тогда я, и жили мы вроде как изолированно. Мигранты и немцы жили рядом, но отнюдь не вместе.

Первые четыре года жизни я разговаривал исключительно по-турецки. Прежде всего с семьей. Да и вне дома мне также не приходилось иметь дела с немецким языком. Раз я не ходил в детский сад, в моей жизни не могло возникнуть неловких ситуаций, которые вынудили бы меня учить язык.

После школы я всегда был предоставлен самому себе. Никто не проверял у меня домашнее задание и не читал сказок на ночь.

Так что подвал назывался у меня «bodrum». Там было не темно, а «karanlık». И это нагоняло на меня не страх, а «korku». Боялся я в первую очередь «sıçan», то есть крыс. По утрам я говорил домашним, сидящим на кухне за завтраком, «Günaydın», а не «С добрым утром».

Турецкий волей-неволей учили даже мои товарищи по спортплощадке – ливанские мальчишки, которые в любой игре всегда оказывались в меньшинстве.

До того как стать первоклассником, я целый год посещал подготовительную группу, смысл которой, строго говоря, заключается в том, чтобы облегчить переход от садика к школе. Но так выходит, что сюда в основном приходят дети, которые пока совсем не готовы сесть за парту.

Без малого 99% подготовишек были детьми мигрантов. Да, уроки велись на немецком. Но на переменах, на школьном дворе и по дороге домой никому и в голову не приходило общаться на

каком-то другом языке, кроме родного. Поэтому я так и не заговорил по-немецки свободно. Разве что если учитель меня вызовет. Выходило, что в школе я в основном разговаривал по-турецки, несмотря на четыре урока немецкого в день.

Вдобавок немецкий на слух казался таким нелепым, грубым и резким. Немецкие интонации сильно отличались от тех, к которым я привык в турецком. Кроме того, меня сбивало с толку произношение отдельных букв. Взять, к примеру, хотя бы то, что турецкая «Z» произносится как «эс».

С грамматикой у меня была катастрофа, хуже просто некуда. Долгое время я игнорировал всякие знаки препинания. Сплошным расстройством было смотреть на свои сочинения после проверки – все в красных пометках и учительских исправлениях, и по краю страницы постоянно эти жирные «О», то есть ошибка на ошибке. То же самое выходило по итогам диктантов. Мне понадобилось время, чтобы понять, что же такое артикль. Как по-немецки будет собака – der, die или das Hund? Лишь много позже я сообразил, что к чему.

Если на уроке меня просили прочитать что-нибудь вслух, это было пыткой. Книги отталкивали меня своей сложностью. О чем я по прошествии стольких лет очень сожалею. За это время я осознал, как важно получить образование. Поэтому сейчас моя сестра Дуйгу постоянно выслушивает от меня напутствия – пытаюсь сподвигнуть ее на выпускной экзамен. Пусть хотя бы она попробует – первая из всей родни. И пойдёт дальше. Я все ей повторяю: «В наше время экзамен – это только первый шаг. Ты должна оказаться в числе лучших учеников в своем классе. Должна стать образованной. Найти себе дело по душе». Мое заветное желание – чтобы Дуйгу когда-нибудь поступила в университет, учебу ей я тогда, разумеется, оплачу. Вот и доктор Эркут Сёгют, наш с братом агент, пытается внушить ей мысль о том, как важно учиться. Что быть студенткой – это здорово. Я-то ничем не могу воспламенить ее воображение. Как можно всерьез описывать прелести университетской жизни, если ты в глаза не видел лекционного зала? Зато Эркуту есть что рассказать. Выходец из простой семьи, он упорно трудился, изучал юриспруденцию и выбился в люди – стал уважаемым адвокатом. У него больше шансов вдохновить Дуйгу, к его словам она скорее прислушается, чем к моей болтовне.

То, что родители с малых лет не разговаривали с нами по-немецки, кажется мне теперь большим упущением. Я ни в коем случае не упрекаю их, ведь они делали это безо всякого умысла. Именно на родном языке маме с папой было приятнее всего

общаться с друзьями и соседями. По-турецки они лучше всего могли выразить свои мысли и чувства. Более того, это был язык их предков – наши бабушка и дедушка, в свою очередь, также выросли в туркоязычной среде.

В середине 60-х оба моих деда приехали в Германию. Раньше они добывали уголь в черноморском городе Зонгулдак. Платили им, как водится, мало и с перебоями. В то время работы не хватало, особенно в провинции. Когда между Германией и Турцией был подписан договор о привлечении рабочих, сотни тысяч турецких граждан получили рабочие визы, и мои деды также рискнули уехать в поисках лучшей доли. Almanya. Здесь найдется работа. Здесь изобилие и перспективы. Немцы готовы были нанять моих дедушек на работу. Поэтому они, пусть и с тяжелым сердцем, оставили жён и детей и отправились в погоню за мечтой. Изначально план был таков: подзаработать и вернуться. Перед отъездом они даже получили небольшую нравоучительную брошюру о правилах поведения в чужой стране. «Что нужно знать работнику в Германии?» – гласил заголовок брошюры, распространяемой турецкими властями. А вот что: «Усердно работайте и побыстрее учитесь всему, чего еще не знаете. Строго следуйте уставу вашего предприятия. Приходите на работу без опозданий. Не берите больничный без крайней на то необходимости».

Дедушки восприняли эти рекомендации самым серьезным образом. Работали на совесть. Самоотверженно. Много. Не жалуясь на судьбу. От объема выполненной работы зависел размер их зарплаты. Поэтому работали и с насморком, и с больной спиной. Откладывали каждый заработанный пфенниг – а тогда были пфенниги, еще не евроценты. Мечтали дать своим семьям шанс на лучшую жизнь. При этом никаких языковых курсов по договору с Германией, по крайней мере моим дедушкам, не полагалось. На предприятиях были переводчики, которые должны были переводить рабочие указания и распоряжения начальства. Траты на изучение немецкого дедушкам казались лишними. Они же не планировали задерживаться в Германии надолго. В конце концов, они приехали сюда не тратить, а зарабатывать деньги, на которые потом зажили бы лучше в Турции.

Через некоторое время к дедам в Германию перебрались жены. И взяли с собой детей – моих маму и папу, которому к тому времени уже исполнилось два года.

Дедушки и бабушки скучали по шуму прибоя за окном, песчаным пляжам Капуза и Узункума, прогулкам под сталактитовыми сводами пещеры Гёкгёль. Они тосковали по

гудкам кораблей в порту, крикам чаек, собственноручно пойманной свежей рыбе, которую дедушка приносил с причала. Им пришлось покинуть насиженные места, оставить старых друзей. Но мечты о стабильности, достижимой благодаря немецкой марке, заработанной тяжким трудом, как ни крути, перевешивали ностальгию.

Вот так моя семья и осела в Германии. В какой-то момент мои деды сговорили своих детей – мама должна была выйти за папу, когда подрастет. При этом им толком не удалось узнать друг друга до свадьбы. У них не было никаких первых свиданий. Конфетно-букетный период тоже был пропущен. Их брак был совершен по решению родителей, так, как это было принято раньше. Впрочем, потом, насколько я себя помню, мама с папой поддерживали друг с другом неизменно добрые и доверительные отношения.

Итак, круг общения моих родителей состоял из них самих, а также их собственных пап и мам. Сюда же относились турецкие друзья и турки, живущие по соседству. Если они куда-то выбирались, то все равно были окружены соотечественниками. Таким образом, в повседневной жизни немецкий им, в сущности, не был нужен.

Поэтому они полагали, что без немецкого проживут и их дети – то есть я, братец Мутлу, сестры Неше и Дуйгу.

Думаю, тогда многие семьи по незнанию совершали ту же ошибку, упуская возможность с самого начала прививать своим детям интерес к языку страны, в которой они оказались.

Для меня каждый урок немецкого в школе превращался в своего рода бег с препятствиями. И он никогда не давался мне легко. При виде нового препятствия я либо тормозил, либо отступал. В очередной раз на чем-то споткнувшись, я думал, что мне ни за что не прийти к финишу.

Не могу не обратиться ко всем, откуда угодно переехавшим в другую страну: не упускайте шанса выучить местный язык. В Германии ищите себе друзей-немцев. Расширяйте свое окружение. Не замыкайтесь в кругу соотечественников. И главное, побольше читайте!

Телеведущая с турецкими корнями Назан Эккес выпустила целую книгу о своей жизни в Германии «С добрым утром, Запад» (Guten Morgen Abendland), где есть пара слов и от меня. В этой книге Назан замечательно выразилась: «Внутренне я и с немцами, и с турками». То же самое я могу сказать о себе: у меня немецкий ум и турецкое сердце.

Пока я рос, нередко задавался вопросом: кем же себя считать? Турком? Или все-таки немцем? Действительно ли я привержен

турецкой культуре? Или, скорее, онемечился?

Пожалуй, не выберу ни один из этих вариантов. Я ни то и ни другое. Да, у меня много отличных друзей-турок. Но и среди немцев я нашел друзей, которыми очень дорожу. Моим первым немецким другом был Фабиан, мы познакомились в ту пору, когда я играл за молодежную команду «Вестфалии» в юношеской лиге F. Он был капитаном команды и выступал на позиции вратаря.

В детстве я играл с ливанскими мальчишками и, став профессиональным футболистом, завёл еще кучу друзей по всему свету. Среди них француз Карим Бензема, испанец Серхио Рамос, португалец Криштиану Роналду. А еще я успел пожить в Мадриде и Лондоне.

Мне посчастливилось впитать лучшее, что есть в обеих культурах. Я следовал турецким обычаям и в то же время приобщался к немецким традициям.

Взять, к примеру, то обстоятельство, что в детстве к нам под Рождество не приходил ни святой Николай, ни младенец Иисус. В Турции эти события не отмечают как религиозные праздники. Только когда я пошел в школу, узнал, что немецкие дети оставляют свои башмаки за порогом вечером 5 декабря, чтобы наутро обнаружить в них сладости. Мне так и не представился случай испытать то же самое.

Ничего не праздновали мы и 24 декабря. Только когда мне уже было за двадцать, я решил порадовать свою тогдашнюю девушку Мэнди, устроив настоящее Рождество по всем правилам. Мы выбрали ёлку, которую потом вместе украшали, заготовили подарки, устроили грандиозный семейный ужин. Вышло что надо.

Праздничный ужин в канун Рождества в кругу близких людей, когда все дышит покоем, в чем-то перекликается с ураза-байрамом. В моей семье его отмечали наряду с другими религиозными праздниками.

Ураза-байрам празднуется по окончании тридцатидневного поста. Тогда, в конце месяца рамадан, люди собираются семьями и празднуют сообща несколько дней.

Я больше не соблюдаю пост. Это несовместимо с моим образом жизни профессионального спортсмена. Летом спортивные нагрузки оказываются непосильными, если ты постишься от рассвета до заката. Вода, как и любые другие напитки, также не рекомендуется к употреблению в светлое время суток. А в моем случае это недопустимо. Спортсмены, которые все же постятся в рамадан, достойны восхищения, я их очень уважаю.

Пост месяца рамадан, или рамазан по-турецки, ежегодно сдвигается на десять дней назад, то есть каждый раз он наступает

в разное время. Когда мне было 14 или 15 лет, пост пришелся на зиму. Солнце появлялось на горизонте около семи. Выдержать десять часов зимой было гораздо легче, чем шестнадцать часов до заката летом. А в прошлом году время поста совпало с Евро-2016, проводившимся во Франции, – тогда мои родители в Гельзенкирхене встречали восход в шесть утра. Садилось солнце после девяти вечера.

Подростком я пробовал поститься. Было интересно испытать на себе, каково это – целый день ничего не есть. Так мы могли почувствовать себя старше. К этому примешивалось еще и желание быть крутым – если ты постишься, значит, ты на равных со взрослыми, ведь дети освобождаются от поста. Наконец, имело место и что-то вроде группового давления. По вечерам мы обычно собирались у друзей или родных. И было бы очень странно оказаться единственным человеком с сытым желудком среди тех, кто целый день, как полагается, воздерживался от еды.

Родители никогда не заставляли нас поститься. Они оставляли выбор за нами – соблюдать пост или нет. Я пробовал два или три раза. Один раз постился пять дней, в другой раз удалось продержаться целых десять.

Помнится, за первый в своей жизни день поста я так обессилел, что еле приплелся из спальни на кухню. Там был накрыт стол, который ломился от еды. Мама с папой приготовили богатырский завтрак, чтобы после sahur (сухур) – так называется прием пищи до восхода солнца – мы встали из-за стола с плотно набитыми животами.

Однако во время поста ты не просто должен отказаться от пищи, также нельзя сквернословить и совершать безнравственные поступки. Вечерний прием пищи во время поста известен как iftar (ифтар). Порядок его совершения остается неизменным: после краткой молитвы разговляются финиками и водой.

Мне еще никогда не приходилось оправдываться за несоблюдение поста. Не припомню, чтобы в этом меня упрекал кто-то из турок. Не встречал я и немцев, которые воротят нос от постящихся мусульман.

Оглядываясь назад, я понимаю, что принадлежность сразу к нескольким культурам, осознанная в детстве, предопределила мою дальнейшую карьеру. Однажды освоившись в очень разных средах, я без особого труда принимал все необычные изменения, которые происходили в моей жизни с каждым новым переходом из клуба в клуб.

Помимо всего прочего, совершенно особенное влияние на меня оказала мама. Я не переставал удивляться ее неутомимости. А также ценить то, что она пожертвовала всем ради счастья своих

детей, которых ей пришлось растить на чужбине, и, несмотря на житейские трудности, окружала нас безграничной заботой. Так незаметно для себя я с малых лет усвоил, что, только приложив огромные усилия, можно чего-то добиться. Жертвенная любовь моей матери по отношению ко мне и всем нам укрепила мысль, что я должен чем-то вознаградить ее за это. Я хотел достичь больших высот в жизни, чтобы она гордилась мной и радовалась бы, что не напрасно свернула такую гору.

2. Возьмем Маттиаса, а не Месута
О людях, способных разглядеть, что ты собой представляешь

Идти прямым путём к вершинам футбольной карьеры мне не удавалось. Не в последнюю очередь это было связано с моим происхождением. И пусть меня никогда не обзывали канаком[3], в свой адрес я услышал, что я «немец по паспорту», от пресс-секретаря Национал-демократической партии Германии (НДПГ) Клауса Байера, которому за нанесенное оскорбление была направлена жалоба. Недружественное отношение ко мне проявляли и в юные годы. Долгое время я не мог от этого освободиться. С десяти лет я два года подряд участвовал в просмотрах, чтобы пробиться в юношескую команду «Шальке 04». Там выделяется гораздо больше средств для работы с молодежью, чем в клубах без громкого имени, где труба пониже и дым пожиже.

Первую попытку я предпринял, когда играл за «Тевтонию Шальке», затем попробовал еще раз, будучи в составе гельзенкирхенского «Фальке». Четырежды я, преисполненный энтузиазма, оказывался почти у цели.

Я стремительно обводил мяч змейкой между стоек. Пожалуй, всеми частями тела, кроме ушей, наносил удары по воротам. Я ощущал, что многое делаю правильно во время финальных матчей. Но, несмотря на все это, так и не попадал в списки мальчиков 10—13 лет, которых в итоге брали в «Шальке». Мне казалось тогда, что какой-нибудь Маттиас, Маркус или Михаэль по определению считается лучше меня, хотя по уровню подготовки они ничем особенным не отличаются. Была ли моя фамилия виной отказам? Им не хотелось, чтобы у них в команде появился Месут? Неужели это из-за того, что я сын мигранта? Каждый раз меня не отпускали подобные мысли.

Отец придерживался того же мнения. Когда в очередной раз стало известно, что меня не берут в команду, по пути домой я в расстроенных чувствах спросил его напрямую, почему у меня все наперекосяк. «Папа, что же я сделал не так?» – «Ничего не поделаешь, сынок, – откликнулся он. – Фамилию, которая досталась тебе от нас с мамой, увы, не изменить».

Но не всегда мне мешала одна лишь фамилия. Трудностей добавляло незавидное финансовое положение нашей семьи. По крайней мере, так было в случае с «Рот-Вайсс Эссен», куда я

перешел после «Фальке». До моего прихода они всегда терпели поражение за поражением от команды «Шварц-Вайсс», своих извечных противников из того же города. Их встречи заканчивались одинаково: «Рот-Вайсс» удалялись побежденными с позорным счетом.

> «Папа, что же я сделал не так?» – «Ничего не поделаешь, сынок, – откликнулся он. – Фамилию, которая досталась тебе от нас с мамой, увы, не изменить».

После того как я присоединился к их составу в 2000 году, все изменилось. В первом же матче я забил конкурентам сразу семь голов! Неожиданное поражение «Шварц-Вайсс» потерпел со счетом 8:1. То была первая в моей жизни победа в местном дерби.

Но в следующий раз меня не выпустили на поле. Достижения, достойные похвалы, вышли мне боком. Позже выяснилось, что это было дело рук родителей одного из моих товарищей по команде, отец которого был спонсором «Рот-Вайсс». Финансовая поддержка оказалась важнее, чем победные голы.

Впрочем, конфликт вскоре исчерпал себя. Через несколько недель тренер определился с приоритетами и вместо новых футболок для игроков сконцентрировал внимание на игре.

Кроме того, ко мне проявил большое участие легенда нашего клуба, Вернер Кик. Тот самый, выступавший за «Рот-Вайсс Эссен» в 293 играх в период с 1960 по 1970 год и причисленный к одиннадцати лучшим игрокам этого клуба за минувшее столетие. Именно благодаря Кику у меня появились первые настоящие футбольные бутсы. Прежде я вынужден был играть в обуви попроще, а именно в потёртых дырявых тапочках, то и дело скользящих при беге. И сейчас, в 12 лет, я становлюсь обладателем настоящих «найков». Новое сокровище затмило самую большую ценность, связанную со спортом, которая имелась у меня, – кожаный мяч, полученный в подарок на восьмилетие. Каждый вечер я натирал его средством по уходу за кожей и мог сидеть и чистить его часами. Каждая новая царапина на мяче причиняла мне муки. А ведь он был сплошь в царапинах, ведь покрытие «обезьяньей клетки» – так прозвали площадку у нас в Гельзенкирхене, где мы гоняли мяч, было из шлакового щебня, из-за чего грубая кожа мяча начала портиться с первых же дней. Когда мой мяч вконец износился, я с превеликим трудом отодрал оставшиеся кожаные треугольнички – и мы играли одной только камерой.

Случай с «Шальке» и якобы имевшим место предубеждением

против игроков-мигрантов еще долгое время не давал мне покоя. А потом, три года спустя после прихода в «Рот-Вайсс Эссен», мне повстречался Норберт Эльгерт. В то время от клуба мне поступило предложение начать профессиональную карьеру. Уже с пятнадцати лет я должен был бы подписать соответствующий контракт и играть в составе команды эссенцев во второй Бундеслиге. Речь шла о 4 тысячах евро ежемесячно, насколько я помню. Сумма казалась огромной и мне, и родне. Это могло бы в одночасье изменить нашу жизнь. Прежде я получал суммарно «всего» 150 евро в месяц, что, впрочем, по моим меркам, было очень много. Более того, Вернер Кик добился, чтобы меня, игрока юношеской лиги D, возили на тренировки за 20 километров от дома. Как правило, такой привилегией пользовались лишь те, кто играл в лигах B и A. Один из водителей поначалу ворчал, не принимая сделанного для меня клубом исключения: «Что же мне теперь, и детсадовцев развозить?»

И все же мы отклонили то предложение о профессиональном контракте. Причиной тому был Норберт Эльгерт.

Тогда я учился в школе Бергер Фельд, она расположена как раз напротив стадиона «Шальке». Чтобы попасть на тренировочное поле, мне достаточно было просто перейти улицу. И в этом заключалась особенность моей школы. Здесь предусмотрено и всячески поддерживается получение спортивного образования. Поэтому для спортивно одаренных учеников, таких, как мы, футболисты, уроки математики, английского и рисования в первой половине дня трижды в неделю заменялись на тренировки. Благодаря гибкому расписанию мы могли наверстать упущенное во время дополнительных занятий, которые проводили в основном во второй половине дня.

Большинство юных футболистов, посещавших школу Бергер Фельд, уже играли за «Шальке» в юношеских командах разных возрастов. Ученики вроде меня, игравшего за «Рот-Вайсс Эссен», были редким исключением. Занятия футболом проводил Норберт Эльгерт. По его заданию почти сразу же после летних каникул 2004 года мы должны были сыграть три на три против ребят из «Шальке» на уменьшенном поле.

Я уже позабыл имена двух других ребят из нашей школы, с которыми мы оказались тогда в команде. Но мне не забыть, что тогда мы с огромным перевесом в счете одолели юниоров лиги B из «Шальке». После тренировки я уже было направил стопы обратно в школу, как меня подозвал Эльгерт.

– Где ты занимаешься? – кратко спросил он.

– «Рот-Вайсс Эссен», – ответил я.

– А живёшь где?

– В Гельзенкирхене.

– В следующем году будешь играть у нас!

Я не придал тогда особого значения словам Эльгерта. Мне и в голову не могло прийти связать себя с «Шальке». Четыре раза они отвергали меня. Четырежды они делали выбор в пользу какого-нибудь Маттиаса, Мартина или Маркуса. С чего бы это я должен забывать обиды, если в «Рот-Вайсс Эссен» все так хорошо складывается?

Но и на следующей тренировке Эльгерт подозвал меня: «Мне надо побеседовать с твоим отцом. Ты должен играть за «Шальке».

Я рассказал отцу о намерениях Эльгерта, и мы решили дать ему возможность высказаться. В конце концов, этот тренер производил впечатление порядочного человека и был явно намерен вести себя честно. Эльгерт пригласил нас на переговоры в ресторан «Кронски», расположенный в гельзенкирхенском универмаге Буэр (Buer).

По дороге на встречу мы с отцом почти не разговаривали. У нас не было плана действий или чего-то в этом роде, мы решили просто выслушать то, что до нас хотел донести Эльгерт. Мы и представить себе не могли, чего ожидать от этой беседы. К тому же мы больше не питали иллюзий после общения с «Шальке» в прошлом, поэтому не позволяли себе замечтаться.

И вот мы сделали заказ, и в ожидании блюд Эльгерт обратился к отцу: «Ваш сын, – проговорил он, – пока необученный, но очень одарённый мальчик».

Мы лишь переглянулись; между тем он продолжал: «Я не ручаюсь, что Месут в первый же год попадет в основной состав. Не могу я и утверждать, что он подпишет профессиональный контракт с «Шальке». Я также не обещаю, что он когда-нибудь начнет выступать за национальную сборную. Только одно я могу сказать вам, и в первую очередь, тебе, Месут: под моим руководством ты на высочайшем уровне овладеешь всем необходимым в области техники и тактики, системы и принципов игры, займешься физической подготовкой, развитием скорости принятия решений, эмоциональной устойчивости, а также поддержанием командного духа и правильного питания. Но не более. Я могу гарантировать тебе лишь то, что сделаю для тебя все. И твои шансы достичь высот смогут увеличиться в «Шальке»».

Все это звучало многообещающе. Ничего общего с пустыми разговорами, которые обожают вести многие спортивные агенты или охотники за талантами. Но наше недоверие к «Шальке» было велико. «В «Шальке» ведь совсем не хотят брать Месута», – заявил отец суровым тоном. И рассказал Эльгерту нашу историю. Тот

выслушал до конца, немного поразмыслил и затем сказал: «Тогда я пообещаю вам еще вот что: у Месута будет столько же возможностей, что и у остальных. В моих глазах ценность имеет лишь талант, и ничего больше».

После встречи мы с отцом вернулись домой в глубоких раздумьях. Один-единственный разговор, разумеется, не мог изменить наше отношение к «Шальке» после многочисленных неудач во время предыдущих отборов. То, как с нами сперва обошлись, не так просто было забыть.

Стоит упомянуть, что отказ за отказом я переживал, будучи десятилетним, одиннадцатилетним, а затем двенадцатилетним мальчишкой. И тогда я определенно не был готов к такому повороту. Это горько – узнать в таком юном возрасте, что тебя не берут из-за того, что ты недостаточно хорош. А если ты определенно что-то можешь, но твои способности сами по себе мало что значат, ведь для будущей карьеры принципиально твое происхождение, вот тогда становится по-настоящему обидно.

Эльгерт поступил очень умно. Он не прибегал на каждую тренировку сломя голову и не наседал на меня. Около месяца прошло, когда он предложил встретиться еще раз, на этот раз пригласив нас в «Кортъярд» (отель Марриотт), расположенный по соседству от стадиона.

«Видите ли, – начал Эльгерт уверенным тоном, обращаясь к отцу так, будто бы предубеждения у нас не было и в помине, – я не всесилен. Но мне кажется, что я неплохо умею ладить с людьми и кое-что понимаю в футболе».

Затем он изложил нам свою философию: «Я занимаюсь наставничеством и поддержкой. Мы в «Шальке» обучаем молодежь совсем не для того, чтобы завоёвывать с ними чемпионские титулы. В первую очередь мы нацелены на то, чтобы вырастить как можно больше профессиональных футболистов».

С этими словами он снова обратился к моему отцу, чтобы прояснить свою позицию: «Ясное дело, новичкам надо объяснить, что в профессиональном футболе работают на результат. Но мы не имеем права вдалбливать в их юные головы, что важны лишь победы. Так становятся безумными, помешанными невротиками. Наше обучение построено так, чтобы завтра работать лучше, чем сегодня. А послезавтра – лучше, чем завтра. Когда футболист это осознает, придут и титулы».

За этим последовало еще одно обещание Эльгерта: «Поверьте, я предусмотрителен. Ваш сын не перейдет рубеж раньше времени. Пока подготовка не закончится, юные футболисты остаются у меня. Только когда они действительно готовы, я отпускаю их».

Мы поверили в слова Эльгерта. Его убеждения

соответствовали нашим. Поэтому отец преодолел свою боязнь и спросил: «Вы вправду считаете, что мой сын настолько одарен, что сможет играть в «Шальке»?»

«Я не могу гарантировать вам место в основном составе. Месут недостаточно развит физически. Он у вас все-таки очень щуплый. Кроме того, мы должны разработать его правую ногу и отработать удары по мячу головой. И технику отбора надо улучшить. Но если мы с этим справимся, он будет способен на многое».

На прощание мы пообещали Эльгерту подумать над его предложением. Хотя к тому времени от «Рот-Вайсс Эссен» подоспело предложение подписать контракт профессионального футболиста. Сумма завораживала. Впервые я понял, что, играя в футбол, можно разбогатеть. Но нам было очевидно, что с «Шальке» мои шансы построить карьеру гораздо выше.

Когда я играл за «Рот-Вайсс Эссен» в оберлиге Нижний Рейн, то заприметил Эльгерта за боковой линией. Когда бы ни бросил я взгляд в его сторону, он пристально наблюдал за мной.

Наконец, я обратился за советом к своему тренеру в «Рот-Васс Эссен» Михаэлю Кульму. Мне было важно узнать, что бы он ответил «Шальке», окажись он на моем месте. Он ответил без обиняков: «Доверься чутью. И тебе воздастся».

И вот, после того как Эльгерт несколько недель спустя пригласил нас в школу-интернат «Шальке» – Кнаппеншуле, желая показать свой клуб, мы приняли окончательное решение. Этот человек внушал огромное доверие. Должно быть, он что-то сумел разглядеть во мне, раз проникся таким участием и решил пригласить меня в «Шальке». Ему было решительно все равно, как меня зовут – Месут или Маркус. Интерес для Эльгерта представляли мои качества как футболиста, а не мое происхождение. Так в 2005 году я распрощался с «Рот-Вайсс Эссен» и перешел в «Шальке».

3. Большой футбол – это не шоу талантов
Важно иметь хорошую базу

На заре футбольной карьеры мне казалось, что моя жизнь проносится так быстро, как если бы ее поставили на двойную перемотку вперед. Столько новых впечатлений, столько новых событий. Столько перемен за такой короткий отрезок времени. После перехода в молодежную команду «Шальке» жизнь в корне изменилась. Первые полгода здесь пролетели для меня как один месяц.

Летом 2005 года мы отправились на тренировочные сборы. Мы проехали 70 километров до города Биллербек и поселились в отеле, подобных которому я не видел прежде. Он был окружен парком и стоял на холме, откуда можно было смотреть на нижележащие окрестности.

После расселения по комнатам наш тренер Норберт Эльгерт созвал всех в конференц-зале. «На самом деле с вас хватило бы и хостела, – начал он, и все мгновенно стихли. – Здесь вам, по большому счету, делать нечего. Восемнадцатилетние футболисты не заслуживают такой чести. Но мы сознательно пошли на то, чтобы поселить вас здесь. Так вам будет продемонстрировано, какие возможности открывает ваша профессия. Чего вы можете добиться. В каких чудесных условиях вы сможете жить, если будете стараться изо всех сил. Мои родственники много трудились, прежде чем отдых в таких отелях стал им по карману. Когда вы достигнете профессионального успеха, то сможете позволить себе то же самое. Сейчас самым важным я считаю научиться это ценить. Прошу правильно истолковать наш жест. Не принимайте это как само собой разумеющееся. Будьте подчеркнуто вежливыми с персоналом. Я не хочу слышать ни от кого из них, что вы ведете себя заносчиво, дерзите или забываете о вежливости. Или, к примеру, не здороваетесь с горничными. Будьте скромными. Достижения профессионального футболиста ценятся так же, как труд врача, журналиста или уборщицы. Проявляйте уважение и не уставайте благодарить за то, что оказались здесь».

Напоследок Эльгерт дал нам еще два наказа: «Вы можете парить очень высоко, но не теряйте при этом связи с реальностью, и мы в «Шальке» глубоко уверены в том, что подрастающее поколение все в жизни должно заслужить своим трудом. Сначала

ты ходишь в учениках, затем в подмастерьях и только потом становишься мастером».

В «Рот-Вайсс Эссен» с членами команды тоже проводили подобные беседы. Но такого рода обращение было для меня в новинку. Слова Эльгерта нашли у меня отклик, равно как и мысль о том, что когда-нибудь я действительно смогу останавливаться в таких первоклассных отелях, как этот.

До этого я ни разу не жил в отеле. К этому миру я не принадлежал. Летом в моей семье никогда не ездили отдыхать, попросту не имея для этого средств. Так что я практически никуда и не выезжал из Гельзенкирхена. Разве что однажды съездил к бабушке с дедушкой в Мюльхайм, куда надо было ехать 29 километров по рурской скоростной дороге. Раньше я считал Гельзенкирхен мегаполисом. Город казался мне таким необъятным. У меня было ощущение, что у него нет границ. Сейчас я, разумеется, думаю совсем иначе.

В школьные годы после летних каникул мы всегда садились в кружок с другими ребятами, чтобы каждый мог поделиться своими впечатлениями. Один за другим мои одноклассники рассказывали о том, кто как провел лето. Кто-то отдыхал в отеле в Испании. Другой – в частном доме во Франции или Турции. Среди нас были дети, летавшие с родителями в страны, о которых я никогда не слышал. Мне же делиться было нечем. Ни захватывающими дух путешествиями, ни пребыванием в заморских отелях похвастаться я не мог.

После собрания Норберт Эльгерт дал нам задание: разработать девиз нашей команды, записать на большом листе бумаги то, чего мы хотим все вместе добиться и как мы представляем нашу игру. Кроме того, он предложил придумать список «штрафов». «В любом обществе существуют правила, – объяснил Эльгерт. – Но устанавливать их должен не я, а вы. Сами определите нормы поведения, которых будете придерживаться».

Когда мы покончили с этим, он расхохотался. В нашем списке штрафов получилось пятнадцать-двадцать пунктов. За отсутствие защитных щитков полагалось 20 евро штрафа, опоздавших – насколько я помню – карали штрафом в 100 евро. Между собой мы быстро пришли к соглашению по поводу величин штрафов. А Эльгерт посмотрел и сказал: «Нельзя же всерьез себя так урезать. Мы платим вам пару сотен евро в месяц на карманные расходы, чтобы вам не пришлось устраиваться на работу, параллельно занимаясь футболом в школе, чтобы вы смогли сконцентрироваться исключительно на карьере. Для вас это единственный шанс подкопить денег, чтобы потом, к примеру, сдать на права. А вы хотите установить штраф в 100 евро за

опоздание? Многовато будет. Так все ваши карманные деньги быстро разлетятся. Давайте-ка вдвое снизим штраф. Это будет достаточно ощутимо».

Через несколько дней тренер пригласил меня для личной беседы. Каждый участник наших сборов имел такую возможность. Эльгерт намерен был познакомиться со мной поближе, узнать о моих желаниях и устремлениях. Летом 2005 года я изложил ему следующее, рассказывал потом Эльгерт: «Сначала я подпишу профессиональный контракт с «Шальке». А потом буду играть в Испании, за «Барселону» или «Реал».

На это Эльгерт тогда ответил, что он поощряет амбициозные мечты. «Думаю, это правильно, – сказал он. – Но отдаешь ли ты себе отчет, что в таком случае я буду от тебя требовать? Если кто-то заявляет, что станет игроком мадридского «Реала» или «Барселоны», то подвергается с моей стороны особенно пристальному вниманию. Ты талантлив. Но сам по себе талант лишь указывает тебе на дверь. Чтобы войти в нее, ты должен обладать соответствующим характером, иметь соответствующий настрой, должен соображать и упорно трудиться». И тут он объяснил мне: «Знаешь, в этом проблема современности: все хотят кем-то быть, но никто не хочет кем-то становиться».

> «На карьерных вершинах поджидает столько всего, к чему ты должен подготовиться. И только прочный фундамент – залог длительного успеха.»

Затем он спросил, слышал ли я о передаче «Германия ищет суперзвезду». Тогда она только появилась, вышло всего пару сезонов. «Участников возносят до небес после первого же удачного выступления, – продолжал он. – Один раз произведя впечатление, они сразу корчат из себя великих. Причем их успех не имеет под собой прочной основы. А ведь именно это – самое важное для любой хорошей карьеры. На карьерных вершинах поджидает столько всего, к чему ты должен подготовиться. И только прочный фундамент – залог длительного успеха. Поэтому я советую каждому футболисту не спеша продвигаться по карьерной лестнице. Само собой, ты можешь перескочить пару этапов, если чувствуешь себя в силах. Но тебе не следует с низов в одночасье подниматься к вершинам. Стремительно оказавшись там, так же быстро ты можешь оттуда упасть».

Я кивнул. В общих чертах мне был ясен посыл Эльгерта. Но до этого мне регулярно говорили, как важно верить в себя, если хочешь добиться успеха. Как же это сочетается друг с другом? Этот вопрос я задал Норберту Эльгерту. И тот ответил: «Вера в себя обязательно должна быть, иначе у тебя вообще нет шансов.

Но при всем при этом ты должен быть способен трезво оценивать свои силы. Внутри себя ты должен чувствовать себя исполином, но тем не менее я ожидаю от тебя, чтобы ты оставался реалистом на свой счет, не слишком *пере*оценивая себя. Нет никакого противоречия в том, чтобы быть готовым ко всему и в то же время не останавливаться на достигнутом. Нетерпеливо выжидать – вот ключ к успеху».

Пока я обдумывал его слова, Эльгерт продолжил: «Если для новичка мир кончается, когда он не может добиться мгновенного успеха, это дурной знак. Хорошего нет и в том, если у начинающего футболиста ничего не зудит внутри в случае, когда он не развивается дальше и малодушно сдается, как бы говоря: «Ах, однажды я все равно добьюсь своего».

Из общения с Эльгертом я вынес для себя очень многое.

Эльгерт сыграл ключевую роль в моей карьере. Он увидел во мне то, что до сих пор оставалось незамеченным другими тренерами. Он спрашивал с меня по полной программе и всегда был рядом. Так что я смог невероятно многому у него научиться. А я с большой охотой играл, и каждый раз мне было интересно, что можно усовершенствовать. Однако частенько я метался по полю, как безголовый петух. Только от Эльгерта я впервые узнал о существовании такой вещи, как тактика. Он – пусть даже если многие после такого сравнения лишь покачают головой, не желая это принять, – очень напоминал мне Жозе Моуринью.

Норберт Эльгерт всегда высказывал свое мнение. И никогда не останавливался на достигнутом! Он дал мне ценнейшие наставления и подготовил к профессиональной деятельности.

К примеру, первые несколько недель моего пребывания в группе юниоров «Шальке» он постоянно ворчал, что я медленно возвращаюсь в оборону. «Если не покажешь мне ничего большего, – с угрозой говорил он, – сядешь на скамейку запасных».

Норберт Эльгерт был не единственным, кто старался проявить ко мне участие. Главным образом на заре моей карьеры снова и снова объявлялись незнакомцы с честолюбивыми планами. Например, когда речь заходила о том, кого выбрать в агенты, чтобы разобраться в непростом футбольном бизнесе. Или в какой клуб мне следует перейти. Именно пока ты молод, тебе постоянно встречаются люди, которые предлагают свою помощь, раздавая пустые обещания. Но если карьерный рост случается слишком быстро, есть вероятность растратить силы попусту до того, как ты состоишься как футболист.

Жизнь – это не голливудский фильм, и успех не сваливается

на тебя с неба. Поэтому начинающим футболистам стоит всякий раз тщательно обдумывать, какие предложения принимать, а какие – отклонять.

В январе 2006 года я отправился в составе «Шальке» на турнир среди юниоров Mercedes-Benz Junior Cup в Зиндельфинген, где он проводится ежегодно с 1991 года. Карлос Дунга, Хайко Херлих, Ральф Рангник и Гвидо Бухвальд наблюдали за нашей игрой. И Йоги Лёв там был, уже тогда он мог видеть меня, вихрем гонявшего по полю. В Зиндельфингене собрались команды со всего света. Была даже одна из Вьетнама. Когда эти парни впервые в жизни увидели снег, то поначалу не решались выйти из автобуса и пройтись по этому белому великолепию.

До начала турнира все команды друг за другом входили в зал. Как на церемонии открытия Олимпиады, мы появлялись на пороге, в то время как африканские музыканты били в барабаны и вокруг переливались лазерные лучи.

На мне была форменная футболка с номером 11. И выглядела она на мне как мешок, свешиваясь с моих худеньких плеч.

В групповом турнире мы сыграли со стамбульским «Галатасараем», «Порту-Алегри», бременским «Вердером», а также с дортмундской «Боруссией» и без единого поражения выиграли свою группу. В ¼ финала мы поборoли юношескую (до 19 лет) сборную ЮАР со счетом 6:4 в серии пенальти, которые в этом возрасте пробиваются не с одиннадцати, а с девяти метров. В полуфинале нам удалось одолеть «Вердер» – опять же благодаря девятиметровым. В финале мы разгромили «Базель» со счетом 3:0 и, таким образом, стали победителями. Мой товарищ по команде Ральф Ферманн был признан лучшим игроком турнира. Я забил наибольшее количество голов, а затем дал первое в своей жизни интервью. «Это приятное чувство – знать, что ты первый, – сказал я. И добавил: – Здорово, что мне удалось забить пять мячей. Моя радость не знает границ». Ничего особенного, но тем не менее.

За время турнира не одни только СМИ проявили ко мне интерес. Заинтересовались и футбольные клубы. Так, например, на отца вышел Томас Штрунц, чемпион Европы 1996 года и бывший игрок мюнхенской «Баварии». Тогда он был генеральным директором команды «Вольфсбург» и хотел во что бы то ни стало сотрудничать со мной. И вот отец отправился в Вольфсбург, чтобы на встрече Штрунц рассказал о перспективах. Они устроились в его кабинете на втором этаже стадиона «Фольксваген-Арена». Оттуда видно парковку, Среднегерманский канал и железнодорожные пути в сторону Берлина. В таком кабинете мало что способствовало мечтательным размышлениям.

Отец не заметил там ничего, о чем он мог бы рассказать мне по возвращении. Совсем иначе было позднее, в случае с «Реалом». Окна комнаты, где был подписан мой договор с королевским клубом, выходили прямо на «Сантьяго Бернабеу»…

В составе «Баварии» Штрунц четырежды становился чемпионом. Он выигрывал Кубок Германии и Лигу чемпионов. Свою волю к победе он намеревался привить и игрокам «Вольфсбурга». «Такие таланты, как Месут, помогут нам создать здесь новую идентичность, – говорил Штрунц. – «Вольфсбург» всего восемь лет в Бундеслиге. А клуб уже стал брендом и славится своими традициями и серьёзным отношением к делу. «Вольфсбург» однажды уже участвовал в Лиге Европы, – перечислял он, – четырежды участвовал в Кубке Интертото и еще ни разу не боролся за выживание. Это небывалое достижение, – подытожил он и спросил: – А сколько времени понадобилось «Байеру», чтобы достичь подобных высот?»

Отец слушал без особого интереса, в конце концов, эти факты были ему известны. Вместе с тем ему пришлась по душе уверенная речь Штрунца. «Вольфсбург» в этом сезоне лидировал восемь туров, – продолжал он. – Наша команда просто играючи одолела «Шальке» и «Штутгарт». Мы не привыкли отступать». По его словам, у клуба невероятно большой потенциал, «и с Месутом нам удастся добиться больших высот». Затем он добавил: «Разве нас устроит пятое место или место ниже? Мы хотим большего. И мы способны на большее. Только если ставить себе большие цели, можно чего-либо добиться».

Штрунц предлагал сразу же подписать контракт профессионального футболиста, чего мне еще никогда не доводилось. Кроме того, он пообещал отцу работу в клубе. И предложил всей семьей переехать в Вольфсбург. Разумеется, все расходы в этом случае клуб взял бы на себя.

Да, предложение было заманчивым, и мы все вместе всерьез задумались над ним. Но тогда мне не хотелось бросать «Шальке». Норберт Эльгерт служил мне такой опорой. А Гельзенкирхен был моей малой родиной. Там я родился и вырос, там мне хотелось начать путь профессионального футболиста. Мне нравилось в «Шальке», среди немецких клубов именно этому было отдано мое сердце. В общем, мы отказались.

Эта беседа с Томасом Штрунцем была одной из тех, что моему отцу приходилось вести на протяжении последующих недель, сложившихся в месяцы. После того как я принял участие в первых матчах в составе молодежной команды «Шальке» в лиге А, к нам зачастили спортивные агенты. Они то и дело связывались с нами, рассказывая отцу, какой талантливый ребенок у него растет

и каким светлым может стать мое будущее с их помощью.

Всякий раз мне казалось нелепым видеть незнакомых мужчин на пороге нашей квартиры, которые затем усаживались в гостиной. Некоторые приходили в деловых костюмах и оставляли свои представительские авто прямо у нас во дворе. «Надеюсь, они простоят там в целости и сохранности», – нередко думал я, опасаясь, что кто-нибудь из соседей из зависти оставит царапину. Вечный соблазн для пары ребят с нашего двора, в чьих затеях я лично никогда не принимал участия из-за страха быть пойманным полицией.

«Если я возьмусь представлять интересы Месута, – распинался один, – через три года он окажется в составе «Баварии». Или любой другой команды, где он пожелает. В моих силах отправить его куда угодно». Получалось, что обещания агентов походили одно на другое. Все они, по их собственным словам, имели связи с самыми видными футбольными клубами мира. Они были прекрасными демагогами, эти чужаки, восседающие в нашей гостиной, о которых мы ровным счетом ничего не знали. Вешали ли они лапшу на уши? Охотились ли за моей головой? Или действительно обладали той властью и влиянием, о котором рассказывали?

Не берусь судить об этом. Я видел их машины, массивные часы, выставляемые напоказ теми, кто закатывал рукава рубашки. А еще я без конца слышал от них – то «Манчестер», то «Арсенал», сегодня «Бавария», завтра «Реал Мадрид».

Поэтому я доверил принятие решения отцу. В идеале мне бы хотелось, чтобы моим агентом стал Норберт Эльгерт. Но он не согласился, объясняя это несовместимостью со своими обязанностями в «Шальке». Так что нам пришлось искать кого-то другого.

Однажды отец, встревожившись, собрал семейный совет. Он встретился с очередным спортивным агентом. И тот, по словам отца, пообещал выплатить нам 50 тысяч евро, если отныне он будет отвечать за мой карьерный рост. Бесстыдное предложение, которое нам тем не менее не так-то просто было отмести. Ведь никто из нас не зарабатывал большие деньги. Сумма в 50 тысяч евро позволила бы нам жить совершенно иначе. Ее хватило бы на то, чтобы родители шесть лет подряд оплачивали аренду квартиры, или на новую машину. Чтобы заработать 50 тысяч евро, моей маме пришлось бы долгие годы работать по 12 часов в день.

В итоге мы все-таки отклонили и это предложение. Отцу было неуютно от мысли, что он вроде как продает меня. Кто знает, как сложилась бы моя карьера, если бы мы тогда доверились тому человеку. Даже не знаю, всегда ли он исходил

бы из моих интересов или же склонял бы меня к решениям, которые были бы выгодны ему самому.

Через какое-то время наши интересы стал представлять Роджер Витман. Но у меня так и не сложилось впечатление, что я хоть сколько-нибудь для него важен. Затем мы вверили себя Михаэлю Беккеру. В то время он представлял интересы капитана сборной Германии по футболу Михаэля Баллака, а также Бернда Шнайдера и Оливера Нойвилля. Девизом Беккера была фраза «mediocrity sucks», то есть «заурядность – отстой». Нам пришлось это по душе. Но и Беккер недолго пробыл моим агентом. Когда он подарил мне форменную футболку Михаэля Баллака, я пришел к тому же выводу, что и в отношении Витмана. На что мне футболка Баллака? Мне не хотелось в подарок ничего подобного. Я же не его фанат! Мне было нужно, чтобы Михаэль Беккер представлял мои интересы, давал советы, всячески помогал строить карьеру. Мне нужен был кто-то, способный оценить меня, а не дарить футболки Баллака.

Я не жалею о том, что на протяжении карьеры неоднократно менял агентов. Ведь ты живой и развиваешься. Ты растешь как личность и футболист. Ты меняешься и мужаешь. После двух-трех, а то и четырех встреч ты укрепляешься в мысли, что сидящий перед тобой агент именно тот, кто тебе нужен. Но после пятой встречи замечаешь: пусть вы неплохо ладите, но вместе в одном направлении работать не получается. У футболиста только одна карьера. Которой нельзя позволить разрушиться из-за недальновидных решений. В связи с этим мы в скором времени прекратили сотрудничество и с Михаэлем Беккером.

> Я не жалею о том, что на протяжении карьеры неоднократно менял агентов. Ведь ты живой и развиваешься. Ты растешь как личность и футболист. Ты меняешься и мужаешь.

На фоне дискуссий о моем будущем я старался как можно лучше играть в футбол. Мой первый сезон в «Шальке» почти подошел к концу. В начале лета 2006 года мы вышли в полуфинал чемпионата Германии по футболу среди юниоров до 19 лет. Нам предстояло сразиться с берлинской «Гертой», в составе которой играл знаменитый Жером Боатенг. В столице нас подчистую разгромили со счетом 0:2. Мы чуть не распрощались с мечтой о чемпионском титуле. Только результат 3:0 в ответном матче на своем поле мог бы нас спасти. Но после оглушительного провала в Берлине в это уже никто особенно не верил.

И вот перед началом ответной игры, когда мы были уже готовы выходить на поле, дверь раздевалки распахнулась и к нам

вошел Норберт Эльгерт. В руке у него была золотая гантель, которую он швырнул на пол. «Слушайте все, – крикнул он, и мы как один повернулись к нему. – Сейчас я расскажу вам одну правдивую историю. Пару лет назад я владел собственной фитнес-студией. Как профессиональный тренер по фитнесу я принимал участие в Международной выставке фитнеса, велнеса и здорового образа жизни FIBO. Там проводился конкурс, неофициальный турнир среди тренеров по фитнесу со всей Германии, в котором я тоже участвовал. В программе этой фитнес-битвы были жим лёжа, прыжки через скамейку, упражнения на пресс, подтягивания и три минуты на велотренажере. Всего пятьдесят участников. В финал проходят десять лучших. К концу отборочного этапа я шел одиннадцатым. Я повис на перекладине и думал, что больше не в силах выполнить ни одного подтягивания. Мои ладони горели, а в голове проносилось: отступись. Ты же практически выбыл. Другие участники лучше тебя. Но я не прислушался. Я заглушил в себе внутренний голос. И повторял: я не сдамся. Никогда! Не дождетесь. И действительно мне удалось подтянуться еще раз, – рассказывал Эльгерт с гордостью. – А потом еще и еще. Я поборол свои слабости, – повысил тон Эльгерт, и мы завороженно ловили каждое его слово. – И знаете, какое место я в итоге занял?»

Он коснулся одного из наших игроков, ожидая от него ответа. Тот робко предположил: «Второе?»

«А вот и нет! Я победил! Я всех там сделал».

Внезапно в дверь постучали. На пороге появился судья и позвал нас на поле. «Игра вот-вот продолжится», – пояснил он.

Но Эльгерта это нисколько не волновало. «Не сейчас»» – взревел он и захлопнул дверь прямо перед носом у судьи.

«Теперь вот он на нашу голову», – усмехнувшись, сказал он. И снова повернулся к нам: «Знаете, почему я вам все это рассказал? Чтобы доказать, что возможно все, если поверить в себя. Я был на грани вылета и все же справился. И вы справитесь. Счет 0:2 в пользу Берлина еще не повод начать сомневаться в себе. Это поражение сделает нас сильнее». С этими словами он схватил свою золотую гантель, поднял над головой и воскликнул: «Сегодня это наш символ. Мы сделаем это! Вперед, в финал! А сейчас все на поле!»

После такого мы просто не могли не выиграть. Я чувствовал себя сильным, как лев. Быстрым, как леопард. Виртуозным, как Зинедин Зидан. Эльгерт вселил в нас такую уверенность, что мы действительно одолели «Герту» со счетом 3:0 и отправились прямиком в финал.

Там нас ожидал матч с мюнхенской «Баварией». Команда с

юга пробилась в финал после победы над «Фрайбургом». У «Баварии» на воротах стоял Томас Крафт, в защите – Матс Хуммельс, в нападении у мюнхенцев играл Сандро Вагнер. В составе нашей команды тогда были Ральф Ферманн, Бенедикт Хёведес и Себастиан Бёниш.

Элгерт созвал нас, заметив, с каким рвением игроки «Баварии» разминаются, и скомандовал: «Давайте-ка отработаем подкат по кругу». И вот мы встали в круг диаметром 15 метров и стали выбивать мяч друг у друга из-под ног. Один становился в середину, мчался на стоящих в кругу и, подкатываясь, атаковал. В самый последний момент те уворачивались от нападения. При этом мы кричали во все горло и привлекали к себе всеобщее внимание. Каждый, кто наблюдал за нами, якобы колотившими друг друга – чего мы на самом деле, конечно, не делали, – мог подумать, что у нас не все дома. Идея Эльгерта оказалась просто гениальной. Это раззадорило нас, а также весьма устрашающе подействовало на игроков «Баварии».

Уже на 34-й минуте счет был 2:0 в нашу пользу благодаря попаданиям Пизано и Бёниша. «Баварии» удалось отыграть лишь один мяч. Мы стали чемпионами Германии среди юниоров.

Мой первый чемпионский титул. За которым последовала первая настоящая вечеринка. Сначала мы праздновали в ресторане «Кортъярд» неподалеку от стадиона. А затем переместились в клуб. Я тогда впервые в жизни попал на дискотеку. Отец разрешил оставаться там только до часу ночи. Когда я не без гордости сообщил товарищам по команде, во сколько меня ждут домой, они подняли меня на смех. «В час ночи все только начинается, – сказали они. – До этого ничего особенно не происходит».

Я чувствовал себя идиотом из-за незнания правил тусовочной жизни. Но на отца мои мольбы о том, чтобы остаться подольше, не подействовали, он оставался тверд как кремень. Он не позволил с собой торговаться. «В час ночи, и точка, – отрезал он. – И если ты не явишься вовремя, то наживешь себе проблем». Я закивал и поехал на вечеринку. Разумеется, я и не подумал вернуться домой в час. Мы веселились, танцевали и выпивали. Совершенно забыв о времени. Когда около двух я взглянул на часы, было ясно, что наутро мне сильно влетит. Но теперь уже все равно, даже если приду домой в шесть, подумал я. И предков не будет волновать, опоздал ли я на час, на три или на четыре часа.

Я не отношу себя к заядлым тусовщикам. И так как все мои друзья детства мечтали стать профессиональными футболистами, мы не искушали друг друга понапрасну. Мы грезили футболом. И проводили почти все время на поле. В свободное время мы

поднимали штангу или делали беговые упражнения. Я работал изо всех сил, чтобы заложить базу, которую Эльгерт считал решающей для карьеры. Девушки и вечеринки не могли сбить меня с толку. Что также было отлично известно моему отцу, нагоняй от которого на следующий день оказался не таким уж суровым.

4. Клин между Германией и Турцией
Об умении принять верное решение

Хоть я и родился в Германии, изначально у меня был лишь турецкий паспорт. Тогда было еще невозможно иметь двойное гражданство. В детстве меня, конечно же, абсолютно не волновало, в чем разница. Да и какой ребенок возьмется всерьез рассматривать свой паспорт и беседовать с родителями на тему национальной принадлежности? Я убежден, что ни один ребенок на свете так не сделает. По понятным причинам. Разве обычный ребенок вникает в иммиграционную политику? Разве он изучает на досуге изменения, коснувшиеся правового статуса гражданина? Я так точно нет!

Но чем старше я становился и все больше укреплялся в мысли, что у меня есть шансы добиться успеха в футболе, в какой-то момент мне пришлось озадачиться этим. Соответственно, вопрос стоял так: кем же мне быть, хотя бы по документам. Немцем или турком? За кого же мне играть, если когда-нибудь придется выбирать? Сборную Германии или Турции?

Это решение было не из тех, что принимаются за несколько минут, как говорится, с бухты-барахты. В конце концов, решалось нечто более важное, чем вопрос, куда пойти с друзьями: в зоопарк или в кино. Или вопрос, за какую команду в Playstation гонять мяч с друзьями – за «Реал Мадрид» или «Барселону». Или какую пиццу заказать у итальянцев – «Маргариту» или гавайскую. Речь шла о решении, имеющем определяющее значение для всей дальнейшей карьеры, заметьте, моей собственной карьеры.

Само собой, я посоветовался с семьей и выслушал самые разнообразные мнения. В одиночку принять такое решение непросто, неважно, шестнадцать ли, семнадцать или уже восемнадцать лет тебе исполнилось при этом. Каждый высказал мне все, что думает по этому поводу, напрямую, за что я особенно благодарен. Ведь часто бывает так, что видение семьей ситуации далеко не объективно. И если сын спрашивает совета матери, когда ему предлагают более хлебную работу в другом конце страны, та почти в любом случае будет искать аргументы, чтобы отговорить от смены работы, чтобы ее сын не уезжал так далеко и так надолго не прощался с ней. Это я совершенно понимаю. И именно поэтому так ценю то, что мои домашние настолько открыто высказали тогда свое мнение.

Моя мать Гюлизар склонялась, скорее, к тому, чтобы я играл

за Турцию. «Сам подумай, – говорила она, – это ведь твоя историческая родина. Твои бабушка и дедушка родились в Турции. Мы ведем оттуда свое происхождение. На твоем месте, – добавила она, – я бы сделала свой выбор в пользу Турции». Мой дядя Эрдоган придерживался того же мнения. Он рассказывал мне о Зонгулдаке, какие чувства он всколыхнул бы в нем, окажись он там. Я с вниманием отнесся к его словам, ведь дядя входил в число важных мне людей, к чьим советам я прислушивался. Но я был абсолютно не способен разделить его чувства. До того как мне исполнилось семнадцать, я всего два раза был в Зонгулдаке на летних каникулах. Мне было приятно оказаться там, но я не почувствовал себя как дома. Я не чувствовал себя на месте, когда стоял у моря и дышал полной грудью.

А вот отец возразил моему дяде: «Месут родился в Германии. Здесь он ходил в школу. В немецких клубах он постиг азы футбола. Так что теперь он должен играть за Германию».

Когда голос подал братец Мутлу, я расхохотался. Все это время он провел, беспокойно ерзая на диване, слушая разговоры взрослых. А сейчас его будто прорвало. «Месут должен играть за Германию! – вскричал он. – Какая самая значительная победа за все это время была у Турции? Третье место в чемпионате мира 2002 года в Южной Корее и Японии. А у Германии? Они становились чемпионами мира в 1954, 1974 и 1990 годах».

Выслушав все это, я задумался. Вечером того же дня, когда вся семья собиралась на обсуждение, ко мне подошла сестра Неше. Она уловила, о чем мы тогда говорили, но не совсем правильно поняла суть. «Мне больше нравится форма турецкой сборной», – сказала она мне, чем изрядно меня насмешила.

По итогам семейного обсуждения мнения разделились – 2:2, если не брать в расчет Неше. Что насчет меня самого? Если честно, поначалу я придерживался того же мнения, что и отец. Вот только тогда я не мог себе до конца в этом признаться. Я откладывал решение еще много недель. Нельзя было действовать опрометчиво, нельзя было ошибаться в выборе.

В начале 2006 года я наконец объявил семье о своем решении. В том же году мы с отцом отправились в генеральное консульство Турции в Мюнстере, чтобы сдать там мой турецкий паспорт. Обязательное условие для каждого, кому необходимо немецкое удостоверение личности.

До сих пор турецкий паспорт являлся для меня всего лишь документом. Кусочек ламинированной бумажки с моим именем и отпечатанной фотографией на ней. Несмотря на то что мне было очень жаль наблюдать, как мама с дядей сокрушаются по этому поводу, для меня расставание с паспортом не вызвало особенных

эмоций. Я знал, что это необходимо, чтобы приблизиться к мечте всей моей жизни – стать футболистом высочайшего уровня.

Переступив порог консульства, мы оказались на государственной территории Турции. И когда мы назвали профильному сотруднику цель нашего визита, нас тут же возненавидели. У него никак не укладывалось в голове, как турок добровольно может сдать свой паспорт. Он не просто не хотел это принять, но еще и решил продемонстрировать нам свою ярость из-за совершающегося на его глазах бесстыдства. «Подождите здесь», – бросил он грубо и указал на места в коридоре, куда мы послушно уселись.

Другие люди в очереди заходили в кабинет этого сотрудника и один за другим улаживали свои дела. Из раза в раз одна и та же процедура: выкрикивали чье-то имя, тот, кого вызывали, вскакивал со стула, отправлялся в соответствующий кабинет и через некоторое время покидал его, направляясь домой. Но фамилию Озил все не называли. Посетителей, которые пришли намного позже, приняли до нас. Через час с лишним терпение отца лопнуло, он быстро пошел к двери и ворвался в кабинет. «Когда же наша очередь? Нас уже давно должны были бы принять», – возмущался он. Но тщетно. В его глазах мы были лишь просителями с бесстыжими намерениями. «Ваша очередь тогда, когда я скажу», – отозвался сотрудник консульства.

Прошел еще час или два, ощущение времени в подобном месте абсолютно теряется, турецкий чиновник вышел из своего кабинета в пальто и запер за собой дверь.

«Эй, что все это значит? – сердито спросил отец. – А как же мы?»

«Приходите завтра. Сегодня у меня не было возможности».

Ситуацию не изменило и то, что мы громко возмущались по поводу такого произвола. Мне не позволили сдать паспорт, и, ничего не добившись, мы отправились в обратный путь из Мюнстера в Гельзенкирхен, расположенный в 80 километрах.

На следующий день мы снова встретились с чиновниками из генерального консульства. Мы ждали целую вечность. Но вот отец взял меня за руку, распахнул дверь в кабинет и закричал: «Мы уйдем из вашего кабинета, только когда вы примите паспорт у моего сына!»

Это было громко. Даже оглушительно. Мой отец отстаивал свое право на то, чтобы с ним обращались на равных основаниях, как с другими посетителями. «А другие приходят сюда не за тем, чтобы сдать свои турецкие паспорта», – огрызнулся чиновник.

Он воспринял наше решение чрезвычайно близко к сердцу. Хотя его это совершенно не касалось. Он обрушил на нас поток

несправедливых обвинений. Так, например, он упрекал нас в том, что у нас нет «ни капли гордости» и что мы якобы не любим Родину. Тот, кто решает покинуть турецкое общество, становится предателем. Какой же бред! Но в конце концов мы добились своего.

На этом, казалось, вопрос был решен. В сентябре 2006 года в возрасте семнадцати лет десяти месяцев и двадцати одного дня я принял участие в первом в своей жизни международном матче за молодежную команду U19. За ним последовали еще десять матчей, после чего Дитер Айльтс пригласил меня на отбор в молодежную команду U21. И пусть по правилам ФИФА участник сборной одной страны на юниорских чемпионатах еще не считается «определившимся», тема выбора сборной была для меня закрыта, чего, впрочем, нельзя было сказать об окружающих.

Все вокруг вдруг стали разрывать меня на части. В одночасье объявились люди, считавшие, что они знают, что пойдет мне на благо, а что навредит. Эти едва знакомые люди брались учить меня жизни.

Метин Текин, главный скаут турецкой Федерации футбола в Европе, работавший сначала в Дортмунде, а затем в Кёльне, задолго до этого обменялся телефонами с отцом, после того как он заприметил меня на одном юниорском турнире. Сейчас он возник снова и попытался заманить меня в сборную Турции. Однажды меня приглашали на тренировочную базу турецкой национальной сборной. И вот нам позвонил их тогдашний тренер Фатих Терим и заверил меня, что он готов выпустить меня в феврале 2009 года играть в матче против сборной Кот-д'Ивуара. К тому же Хамит и Халил Алтынтопы, решившие выступать в составе сборной Турции, искали встречи со мной с подачи турецкой Федерации футбола.

Внезапно все заговорили обо мне и принятом мной решении. Невольно я стал клином в немецко-турецких отношениях. Или в турецко-немецких, в зависимости от того, под каким углом на это посмотреть. При этом я не сделал ничего дурного, всего лишь принял то решение, которое было необходимо принять. Я не собирался тем самым задевать чьи-то чувства. И уж точно не хотел никого оскорблять. Я даже выслушал позиции всех сторон и не отмел ни одну, чтобы на меня никто не сердился. Но через некоторое время мне стало казаться, что как турецкая, так и немецкая сторона пытается удержать меня с помощью своих рычажков, словно я был шариком в пинболе.

Турецкие журналисты наведывались потрепать мне нервы на тренировочную базу бременского «Вердера» – моего клуба на тот сумасшедший момент – база располагалась на турецком

побережье Средиземного моря. Помощник тренера национальной сборной Мюфит Эркасап лично прибыл из Стамбула, чтобы устроить со мной встречу. Но я проигнорировал его, равно как и журналистов, не считая нужным как-либо комментировать ситуацию, раз каждое слово воспринималось настолько всерьез. Это было мне совершенно ни к чему.

Мне не хотелось привлекать к себе лишнее внимание СМИ. Но как только Йоги Лёв вызвал меня для участия в товарищеском матче Германия—Норвегия, разумеется, перед этим – очень даже мило – пообщавшись со мной, в дискуссию вступили немецкие политики. Один из них заявил нечто вроде: «Я горячо поддерживаю то, чтобы футболисты с турецкими корнями, выросшие в Германии, строили здесь свою дальнейшую карьеру. Поэтому чрезвычайно важно, что у нас появилась первая ласточка в лице Месута Озила. Если так пойдет и дальше, то уже через пару лет разрешится вопрос о том, открыта ли немецкая национальная сборная для немецких турков, равно как для представителей прочих групп мигрантов».

Однако я не хотел, чтобы меня считали первой ласточкой. Я не хотел вбивать клин между Германией и Турцией. И я никак не ожидал, что мое решение выступать за Германию вызовет такой резонанс, прежде всего в СМИ.

Так, прокомментировать мою ситуацию попросили Мустафу Догана, который в 1999 году дважды выступил за немецкую команду на международных соревнованиях. Он родился в Турции, но вырос в Германии и так же, как и я, когда-то сделал свой выбор в пользу национальной сборной Германии. «Месут определенно провел несколько бессонных ночей перед тем, как принять решение», – предположил он. Что было вовсе не так. Я не из тех, кто страдает бессонницей. Проблемы редко мешают мне уснуть. Часами в задумчивости разглядывать потолок вместо сна – это не про меня. Разве что после матчей мне иногда доводится не сомкнуть глаз. Во время Лиги чемпионов я с трудом мог успокоиться, вернувшись после очередной игры. Это не так-то просто – провести 90 минут на пределе своих возможностей, а затем лечь в кровать и спокойно уснуть. Еще несколько часов после матча мой организм находится в боевом состоянии. И только около трех или четырех часов ночи, наконец, устав, я могу настроиться на сон.

То решение далось без ущерба сну. Я не испытывал муки выбора. Лишь немного поколебался. Окажись я в Германии не с рождения, было бы наверняка по-другому. Тогда, вероятно, я бы прислушался к аргументам дяди и, так же как и он, каждый раз испытывал бы воодушевление, возвращаясь в Зонгулдак.

Со страниц газеты «Бильд» меня упрекнул коммерческий директор европейского отделения турецкой Федерации футбола Хакан Эсероглу, якобы мне стоило хотя бы некоторое время провести в составе сборной Турции. «Месут – отличный парень. Но он явно попал под чье-то влияние». Какая же это была чушь.

Накануне дебютного выступления за сборную Германии нам пришлось закрыть мой официальный сайт **http://www.mesutoezil.com/de** на какое-то время, после того как злопыхатели понаписали там гадостей. Да, они скрыли свои настоящие имена под никами, но их слова были еще резче, чем те, что мы с отцом услышали тогда от сотрудника турецкого консульства.

Мой выбор в пользу Германии был сделан не в силу того, что я резко против Турции, о чем впоследствии многие будто бы забыли. Если я решил играть за Германию, это не значило, что Турция мне не дорога. Что я решил оборвать с Турцией все связи. Что я отвернулся в Турции от всех и вся.

11 февраля 2009 года все окончательно разрешилось. В возрасте двадцати лет трех месяцев и двадцати семи дней мне предстояло впервые сыграть в составе сборной Германии.

В начале матча я сидел на скамейке запасных бок о бок с Тимом Визе, Томасом Хитцльшпергером и Симоном Рольфесом. В наступившем году, за шесть недель до начала отборочного турнира чемпионата мира, сборная Германии пробовала свои силы в этом матче.

> Если я решил играть за Германию, это не значило, что Турция мне не дорога. Что я решил оборвать с Турцией все связи. Что я отвернулся в Турции от всех и вся.

К концу первого тайма тренер осуществил уже несколько замен, отправив с поля Пера Мертезакера, Андреаса Хинкеля и Мирослава Клозе. Вместо них вышли Сердар Ташчи, Андреас Бек и Патрик Хельмес. Игра не очень клеилась, нам недоставало уверенности, мы никак не могли оказать должное давление. Во втором тайме после углового нам забил Кристиан Гриндхейм – 1:0 в пользу Норвегии.

Присутствующие на дюссельдорфской арене приуныли. Йоахим Лёв продолжал делать замены, он выпустил Штефана Кисслинга вместо Марио Гомеса, а Марко Марина вместо Торстена Фрингса. Затем, на 78-й минуте, он отправил на скамейку запасных Петра Троховски, и это значило, что мне достаются 12 минут на поле.

Когда умолкли свистки, я расслышал на бегу негромкие, но

явственные аплодисменты. Но в том первом выходе на поле в качестве игрока национальной сборной не было ничего захватывающего. Так уж сложились обстоятельства. Расстроенные зрители, несобранная в тот день команда, проигранный матч. Конечно, мне льстило доверие, оказанное Йоги Лёвом. Но тогда я не мог сполна этим насладиться.

Германия не проигрывала Норвегии со времен встречи на Олимпийских играх 1936 года в Берлине, закончившейся со счетом 0:2. Поэтому сейчас, из-за неудачно начатого года и еще одного поражения в матче с Англией, случившегося ранее в ноябре, пресса обрушилась на нас с критикой. До этого два поражения подряд сборной Германии доводилось терпеть лишь в 1956 году.

Покидая стадион, я шел через микс-зону, где меня окликнул один из репортеров с вопросом, не жалею ли я о своем решении по итогам сегодняшней встречи. Сожаления, разумеется, не было и в помине, но я не удостоил этот дурацкий вопрос ответом.

Примечательно, что по правилам ФИФА даже после 12 минут на поле в товарищеском матче Германия – Норвегия я еще не считался полноправным игроком сборной. Лишь дополнительные шесть минут в форме немецкой сборной, проведенные мной на поле в августе 2009 года в матче с Азербайджаном, положили конец противостоянию, которое, по большому счету, никаким противостоянием и не являлось. Чего нельзя было сказать о разгоревшихся в связи с моим решением дискуссиях.

В октябре 2010 года они достигли своего апофеоза. Причиной тому была встреча Германии и Турции в матче отборочного турнира чемпионата Европы. СМИ снова наводнили комментарии о моем решении. Без конца велись дебаты о тонкостях интеграции. На видеопортале журнала «Шпигель» вышел материал о предстоящей игре, озаглавленный следующим образом: «Большой футбол в тени дебатов о интеграции. Полумесяц против черно-красно-золотого».

Журналисты провели опрос среди немцев и турок. Разумеется, среди них нашли людей, которые открыто презирали меня из-за моего выбора. «Он турок, а не немец. С чего бы ему гордиться Германией?» – недоумевали одни. Другие отмечали, что я не «турок в полном смысле этого слова». До чего же абсурдными были эти нападки.

Тогда обсуждение быстро вышло за рамки самой игры и трех очков. Предметом стал даже цвет моих бутс. Одна газета задалась вопросом, имели ли символическое значение выбранные мной цвета – преимущественно красный и немного белого, хотел ли я

таким образом продемонстрировать турецким болельщикам свою причастность к стране, несмотря на принятое решение играть в немецкой сборной. Ничего подобного я не хотел. Да я надел тогда чуть ли не первые попавшиеся бутсы. И совершенно не задумывался, что в них можно было бы зашифровать некое послание, это было бы уже слишком.

Общественность же, напротив, невероятно много размышляла. Кристоф Кнеер из газеты «Süddeutsche Zeitung» выразил нечто вроде озабоченности в связи с этой шумихой, которая наверняка меня тяготит, и выдал следующее: «Тема оказалась настолько актуальна, что вскоре кто-то наверняка спросит у Филиппа Лама, почему он решил играть за Германию»[4].

До того, чтобы спросили Филиппа Лама, дело, конечно же, не дошло. Но, как ни странно, он внес свою лепту в ходе того нашумевшего матча. На 79-й минуте он с ходу отдал мне бесподобный пас. Почти не встретив сопротивления, я сам собой оказался у ворот Волкана Демиреля. После моего удара низом с левой мяч пролетел у него между ног. И вот счет 2:0 в пользу Германии. Но я предпочел не показывать свою радость. Ибо, еще раз цитируя Назан Эккес, «внутренне я как с немцами, так и с турками».

Сразу после игры я залез в душ. А затем отправился немного подлечиться. Во время матча я ощутил легкое покалывание в бедре. Поэтому я выловил в раздевалке нашего физиотерапевта и попросил его помочь размять мне мышцы. Массажные койки были установлены в отдельном помещении Олимпийского стадиона в Берлине, поэтому мне было невдомёк, что тем временем происходит в раздевалке. Я увидел это, только когда пришлёпал назад в тапочках и с оголенным торсом.

Посреди нашей раздевалки стояла канцлер Ангела Меркель. Около нее – официальный представитель правительства Германии Штеффен Зайберт, а также тогдашний президент Кристиан Вульф с дочерью. Мне захотелось развернуться и уйти, чтобы избежать настолько неловкой ситуации. Ведь я был не на пляже и не на вечеринке в клубе или еще где-то, где позволительно бродить с голым торсом на глазах у дамы – причем не просто дамы, а у самой влиятельной и высокопоставленной женщины страны. Я засуетился в поисках чего-нибудь поблизости, чтобы прикрыться. Нельзя полуголым предстать перед госпожой Меркель, пронеслось у меня в голове. Пока она с улыбкой шла мне навстречу, я не нашел ничего лучше, как схватить ближайшее полотенце. Она протянула ко мне руку до того, как я завернулся в него.

«Сердечно поздравляю с победой, Месут, – произнесла она. – И, конечно же, с голом». Она обращалась ко мне по имени, но при этом на «вы». «Могу себе представить, насколько трудной была эта игра. Но тем не менее, когда вы владели мячом, казалось, что эти бесконечные свистки на трибунах ничуть вас не отвлекают».

Она говорила плавно. Была настроена очень дружелюбно. И смотрела прямо в глаза. «Бывало и полегче, – ответил я, добавив: – Я специально не стал показывать эмоции после гола, чтобы никого не провоцировать».

«Вы хорошо поступили», – отозвалась канцлер.

Мы поговорили еще немного. Я рассказал, какое впечатление на меня произвело поведение наших соперников. «Капитан сборной Турции Эмре разыскал меня после матча, чтобы обменяться футболками. Это меня очень порадовало. Я не заметил, чтобы кто-то из них выглядел раздраженным в связи с моим решением играть за Германию».

В момент разговора нас запечатлел штатный фотограф федеральной канцелярии, чья фотография затем облетела весь мир. Перед тем как опубликовать ее, он запросил разрешение у Немецкого футбольного союза. Когда она дошла до моих друзей, те написали мне в шутку по SMS: «Так ты с канцлером? Между вами что-то есть?»

Эта фотография, в свою очередь, также наделала много шуму в СМИ. На страницах Zeit меня назвали образцовым мигрантом. Мое имя постоянно упоминалось в дискуссиях о миграционных процессах. «Каждый, кто приносит пользу обществу, заслуживает своего шанса на успех в этой стране», – примерно в таком духе обо мне высказался министр внутренних дел Баварии Йоахим Херрманн. В телепередаче «Жестко, но честно» в ходе горячих дебатов о переселенцах однажды заспорили, насколько я немец. Одна американская журналистка тогда заявила, что некорректно считать меня продуктом успешной интеграции, так как я, по сути, являюсь немцем.

Каждый считал своим долгом высказаться. Некоторые – в позитивном ключе. Некоторые же с издевкой замечали, что я отнюдь не пример для подражания, раз по-немецки я до сих пор не могу сказать ни одного предложения без ошибок. Я хорошо играю в футбол, и только.

Я не принимал участия ни в одной из этих дискуссий. Решил не выступать с ответными заявлениями и не пускался в рассуждения. В отношении сборной Германии я принял взвешенное решение. И хорошо справился со своей задачей. Мне хорошо в стране, где я родился, здесь я чувствую себя дома. Но

это относится и к Турции. Позднее мне еще довелось пожить в Мадриде и Лондоне. В прессе любят вынуждать тебя высказаться в ультимативной форме. Что-то вроде: давай, скажи уже! Кто ты такой? Немец? Или турок? Где тебе больше нравится жить? В Германии или Турции? Надо выбрать что-то одно. Ну же, определись! Ответ «и там, и там» не принимается. Либо черное, либо белое. Либо турки, либо немцы.

Я был вынужден определиться с решением, играть ли мне за Германию или за Турцию. В этом случае нельзя было не выбрать одно из двух. Внутренне ты можешь быть как с турками, так и с немцами. Ты можешь думать как немец и чувствовать себя при этом турком. Так происходит интеграция. По примеру того, как уважают друг друга члены одной футбольной команды.

Я горжусь тем, что решил стать частью немецкой национальной сборной, несмотря на давление со стороны. И я рад, что при этом в Турции не отвернулись от меня.

5. С «Шальке» к вице-чемпионству
Не бойся совершить ошибку

Тем временем я подписал с «Шальке» свой первый профессиональный контракт. После чемпионата Германии среди юниоров до 19 лет меня взяли в основной состав. Повторюсь: те насыщенные событиями двенадцать месяцев пронеслись как несколько недель. И сумасшествие продолжалось: внезапно наш тренер Мирко Сломка решил задействовать меня в матче с «Байером» в рамках кубка немецкой лиги. Для меня это стало неожиданностью, поэтому я не успел оповестить никого из домашних. Братец Мутлу в это время отдыхал с семьей в Турции и по телевизору оттуда наблюдал, какими были мои минуты, проведенные в том первом матче за «Шальке». Добравшись до раздевалки после встречи, завершившейся нашей победой, я прочитал сообщение, уже пришедшее от брата: «Малой, ты прокатил мяч прямо между ног Карстена Рамелова!» И еще одно: «Горжусь тобой».

Чуть позже стартовал чемпионат Германии по футболу 2006/2007. Накануне первого нашего матча с командой «Айнтрахт» из Франкфурта-на-Майне, по дороге в Мюнстер, где располагался наш отель, со мной заговорил Линкольн. «Послушай, Месут, – начал он. – Ложись-ка сегодня пораньше и постарайся сразу же уснуть». Сперва я даже не понял, что он пытается мне сказать. Когда я с удивлением посмотрел на него, Линкольн усмехнулся, по-отечески положил руку мне на плечо и продолжил: «Раскрою тебе один секрет. Но, если что, я тебе ничего не говорил. Совершенно секретная информация: ты играешь завтра. Мне известно, что тренер выпустит тебя на поле, но не в самом начале».

Я был готов прыгать до потолка от радости. Кричать во все горло. Залиться счастливым смехом. Обнимать Линкольна. Обнимать тренера. Обнимать весь мир. Мне должны достаться первые минуты на чемпионате Германии! Впервые я выйду на поле в самом настоящем матче Бундеслиги.

Бьюсь об заклад, ни один футболист на свете не сможет забыть свои первые минуты в Бундеслиге. Это важная веха на пути к успеху. В юности рядом со мной было столько талантливых игроков. Я был уверен, что многие из них станут великими футболистами. Но кому-то девушка оказалась важнее карьеры. А кто-то увлекся вечеринками и игнорировал режим и дисциплину.

Миллионы детей по всему миру мечтают однажды пробиться в Бундеслигу. И именно эта моя мечта должна была сейчас осуществиться.

По крайней мере, так утверждал Линкольн. Хотя я и усомнился, откуда бы ему знать? Или он просто морочил мне голову и просто решил отпустить в мой адрес такую скверную шутку?

«Точно? Тренер же объявит состав только завтра. Ну же. Откуда ты узнал? Скажи. Ну пожалуйста».

Но Линкольн все улыбался, на прощание бросив еще одну фразу: «Никому не говори об этом. И будь завтра наготове».

Вместо того чтобы мирно уснуть пораньше, я ворочался в постели с боку на бок. Переворачивался с живота на спину. Утыкался лицом в подушку. Но это не помогало. Я нервничал сам и не давал спать своему соседу по комнате Халилу Алтынтопу.

«Что такое? – спросил он меня. – Что тебя беспокоит? Это из-за завтрашнего матча?»

Алтынтоп, казалось, тоже был в курсе. Но я не подал виду.

«В смысле, что я завтра опозорюсь? – ответил я. – Что окажусь не настолько эффективным, как полагает тренер?»

Обычно я не сомневаюсь в собственных силах. У меня никогда не было недостатка в уверенности. Но только не в ту ночь.

И тогда Халил рассказал мне о своей первой игре в Бундеслиге. Три года назад у него в голове роились похожие на мои мысли, что он, будучи игроком «Кайзерслаутерна», сядет в лужу в матче с командой из Кёльна. «Я мучился теми же вопросами, Месут. Но знаешь, ты ведь имеешь право на ошибку. Мы ведь рядом. Мы с тобой в одной связке. И если ты упустишь мяч, то мы его отвоюем. Играй так, как всегда. Доверься себе. Не занимайся на поле ерундой, лишь бы избежать неверных передач. Ты ведь не такой. Рискуй в меру. И не пасуй из предосторожности. А сейчас спи. Тебе нужно набраться сил».

Слова Халила немного успокоили меня. Но мне так и не удалось крепко уснуть. Ни на секунду. Когда я бросил взгляд на ночной столик между нашими кроватями, где стоял радиобудильник, было три часа ночи. Через двадцать, как мне казалось, минут выяснялось, что прошло только пять. Через пару десятков раз, когда я сверял часы, было четыре. Да, ту ночь мне определенно не забыть.

Наутро после завтрака Мирко Сломка представил нам свою схему – и меня не было на первоначальной расстановке. Впрочем, Линкольн как раз этого и не обещал. В свою очередь, Сломка не озвучил свое намерение выпустить меня на замену. И я, все еще в

смятении по поводу исхода – исполнится ли сегодня моя мечта, – занял место на скамейке запасных рядом с Мануэлем Нойером, Рафиньей и Себастианом Бёнишем.

Игра началась. Халил открыл счет, забив гол с передачи Кевина Кураньи. Уже отыграли целый тайм! Ах, всего лишь половину. Это проклятое ощущение времени.

Мы хорошо играли. Тактические построения оправдались. Передачи удавались точно тем, кто должен был их принять. Ничего не предвещало того, чем закончился матч. Его следовало бы забыть, что называется, как страшный сон.

Мы боролись в соответствии с поставленной в этом сезоне целью. «Нам нужен чемпионский титул. Нас не удержать, и мы не согласны на меньшее», – категорично заявил наш тренер Мирко Сломка.

Во время обсуждения в перерыве между таймами я надеялся, что тренер назовет мое имя. Но оно не прозвучало.

После того как мы поменялись половинами поля, преимущество оставалось за нами, так же как и в начале матча. Вплоть до 51-й минуты. За фол на Кевине Кураньи был назначен одиннадцатиметровый. Леван Кобиашвили уже готовился бить пенальти. Но Линкольн выхватил мяч, интуитивно полагая, что действует верно. Его мяч прилетел точнехонько в руки вратаря «Айнтрахта» Маркуса Прёлля. И внезапно все на поле смешалось. Мы утратили преимущество.

Разминаясь, я увидел, как Яннис Аманатидис на 72-й минуте забил нам головой. Счет сравнялся. Фанаты на трибунах оглушительно засвистели. Вскоре меня подозвали к тренеру и велели готовиться. Вот теперь-то меня наверняка отделяют лишь считаные секунды от первой в жизни игры Бундеслиги в статусе профессионального игрока.

Мирко Сломка приобнял меня и попытался успокоить, пока наши фанаты неистово продолжали свистеть. Он не сказал ничего существенного. И ничего не подсказал в плане тактики. Я должен был выйти на замену Хамита Алтынтопа. Мне посоветовали: «Просто наслаждайся моментом».

За несколько недель до матча журналисты неоднократно задавали ему вопросы обо мне. На них приходилось отвечать и нашему генеральному директору, Андреасу Мюллеру. «Мы отдаем себе отчет в том, с каким талантом имеем дело. Он действует ловко и без усилий, по наитию и всегда безошибочно. Его чутье поразительно», – как-то раз высказался он обо мне. Почему-то мне было чуть ли не неприятно услышать подобное в свой адрес. Хотя, конечно же, я воспринял это как похвалу.

Мячом завладел Джеральд Асамоа. От него он попал к Кевину

Кураньи. Затем через Левенкрандса он попал к Линкольну. Я наблюдал за этой распасовкой; на исходе была 79-я минута матча. Каждый новый пас стоил мне секунд на поле. «Боже мой, да выбейте уже этот проклятый мяч в аут», – беззвучно кричал я.

В нетерпеливом ожидании своих первых минут в Бундеслиге я пришел в неистовство. Мне было сложно обуздать эмоции, хотелось немедленно бежать на поле. Пусть даже ситуация на момент моего выхода была далеко не радужной. Потерявшая преимущество команда, пребывающая в смятении, необъяснимым образом сбавившая обороты в ходе игры. За исход которой уже никто не хотел ручаться.

И тем не менее я радовался как дитя. Как часто я обсуждал с друзьями до этого, как здорово будет однажды сыграть в Бундеслиге. Моим самым значительным выступлением был матч Кубка лиги с «Байером». Еще в июне я выиграл чемпионат Германии среди юниоров на глазах у 6528 зрителей стадиона в Гельзенкирхене. А через несколько секунд мне предстоит участвовать в самом настоящем матче Бундеслиги на стадионе, вмещающем в десять раз больше человек. Столько лет я работал ради этого момента. Каждый удар по воротам, каждая секунда, проведенная на поле с мячом, приближали меня к нему.

Пока я еще находился за боковой линией в ожидании замены, мой взгляд блуждал по трибунам. На наших воротах стоял Франк Рост.

Сколько же я от него натерпелся. Рост был тем еще врединой. В 1999 году в составе бременского «Вердера» он стал обладателем Кубка Германии. Тогда в финале он отразил одиннадцатиметровый игрока «Баварии» Лотара Маттеуса и в итоге забил сам, таким образом обеспечив «Вердеру» счет 6:5. Рост также принимал участие в лиге Европы, выступая против таких команд, как «Арсенал», и стоял на воротах в сборной Германии.

Я старался обходить Роста стороной. Чтобы избегать его ворчания. Он ясно давал понять молодым игрокам, что мы собой представляем, а именно: ничего. Если кто-то приближался к нему, он скалил зубы, и мне часто казалось, что он вот-вот угрожающе зарычит.

Когда однажды после тренировки я пришел на массаж, объявился Рост, которому в ту пору минуло 33 года, и согнал меня с массажной кровати.

Раньше мест у физиотерапевта хватало не всем, как сейчас.

– Возраст? – рявкнул он.

– Семнадцать!

– У тебя на выходных матч?

– Нет!

– Тогда встал и вышел.

Плюс-минус десять лет назад такое случалось. Тогда иерархия значила куда больше. Старшие указывали. А младшие старались дорасти до их уровня. Да, так было. И я не хочу сказать, что это было неправильно или плохо.

В дальнейшем такая школа сослужила нам, молодым, хорошую службу. Да и кто мы были такие, чтобы перечить Франку Росту. У нас был стимул завоевать расположение старших.

Забегая вперед, нужно сказать, что и в «Вердере» было все то же самое. На тренировках Томас Шааф вместе со своим помощником Вольфгангом Рольфом частенько становился с нами в круг. С победы последнего в кубке УЕФА прошло без малого восемнадцать лет. За это время слегка притупилось его чувство мяча, а скорость реакции замедлилась. Но они никогда не выходили на середину, неважно, допускали или нет они ошибку, стоя в кругу. В свою очередь, Томас Шааф предпочитал оставаться в стороне, когда надо было гнаться за мячом. А иногда, по настроению или от скуки, он посылал молодым игрокам, и прежде всего Себастиану Бёнишу, такие пасы, которые по определению невозможно было принять. Завидев, как мяч отскочил у нас от ноги или бедра, как от бетонной стены, он только усмехался и командовал: «Упустил! Сам виноват».

В наше время дисциплине придавали большое значение. Мы таскали мячи. Приносили и уносили жилеты. Мы расставляли фишки для разметки поля. И мы не решались выражать свое недовольство, если Франк Рост соизволил высказаться.

Сейчас я все чаще замечаю, что юные игроки – даром что сопляки – с первого же сезона в профессиональном футболе так заносчиво переговариваются с опытными коллегами, у которых за плечами по триста игр в рамках Премьер-лиги, как будто они сами многократные чемпионы и уже все познали в этом деле…

Аута все не было. И наконец Густаво Варела лихо выбил мяч у Патрика Окса. Свершилось. На 80-й минуте я вышел на замену Хамиту Алтынтопу. Потекли мои первые минуты в Бундеслиге.

В наше время дисциплине придавали большое значение. Мы таскали мячи. Приносили и уносили жилеты. Мы расставляли фишки для разметки поля.

Сейчас, проведя на футбольных полях по всему свету в общей сложности более 570 игровых часов, из которых как минимум семьдесят приходятся на Лигу чемпионов, во время игры я не обращаю внимания на публику. Кроме моментов, когда надо бить угловой или вбрасывать из-за боковой. Во всех остальных случаях

после стартового свистка звук как будто отключается при помощи пульта от телевизора. И пока идет игра, я не замечаю гула трибун. После свистка в моей голове становится тихо-тихо. Никаких звуков. Никаких криков. А также никакого свиста болельщиков наших соперников. Мой слух реагирует только на голоса товарищей по команде. От этих одиннадцати ребят я слышу предупреждения, если ко мне со спины приближается игрок противоположной команды. Я слышу их призывы разыграть с ними комбинацию. А также их замечания, если мяч слишком задержался у меня. Ничего больше.

На моей первой игре все было иначе. До меня долетал свист болельщиков «Шальке», которые не желали принять факт ослабления любимой команды. Иногда я замечал даже отдельные лица, когда бросал взгляд на трибуну.

Я должен был бы вспомнить совет Алтынтопа: играть смело и не перестраховываться. Я рванул и показал, что открыт. Завладел мячом, провел его чуть дальше. Все бежал и бежал. Пас. Финальный свисток! Как, уже? Разве такое могло произойти? Я же провел на поле от силы двадцать секунд. Не может быть! Судья матча Вольфганг Штарк определенно возвестил конец матча. Или все-таки нет? Как же, объявил. Вот и снова все было уже позади.

К сожалению, я никак не смог повлиять на исход игры. На табло по-прежнему значилось 1:1. Неутешительный результат для команды с нашими амбициями. Я также не был в восторге от своего дебюта. Было приятно, наконец, ощущать себя полноправным членом команды. Но в первом же матче Бундеслиги мы упустили два возможных очка.

Следующий тур в Ахене я снова встретил на скамейке запасных. Ну и ладно. Но мое воображение, само собой, работало на полную мощность. Я видел себя выходящим на замену в своем втором матче Бундеслиги. Я был на взводе. Очень взволнованным. В нетерпении я ерзал на своем месте. Но после 45 минут Мирко Сломка и думать не думал о возможной замене. Равно как и после 50 минут. Время снова проходило впустую. Уже прошло 60 минут матча, а тренер до сих пор и вида не подавал, что меня пора выпустить на поле.

Начинающие игроки Бундеслиги ходят по краю пропасти. С одной стороны, футболисты крайне нетерпеливы, по крайней мере, так было в моем случае. Что, в общем-то, не самая плохая черта, ведь если ты позволишь себе расслабиться и будешь всем доволен, то в этом осином гнезде у тебя не так много шансов. Большой футбол – это жестокая борьба за место под солнцем. Твой успех зависит не только от блестящей технической и тактической подготовки. Ты также должен уметь стоять на своем.

И спрашивать со своего тренера по всей строгости. Тренеру нужно давать понять, что ты взволнован, а также то, что отказ неприемлем.

С другой стороны, нельзя давать волю чувствам и с самого начала позволять себе сгорать от нетерпения. Хороший тренер определит подходящий момент для юного спортсмена в Бундеслиге. Другими словами, когда и при каких обстоятельствах ты получишь свое игровое время. Они также знают, когда будет минимальным риск, что подающий надежды футболист перегорит или потеряет лицо в присутствии прессы.

Некоторые журналисты имеют обыкновение выносить суровый вердикт спортсменам по итогам его первых минут в Бундеслиге, во время которых он из-за волнения выступил далеко не идеально. Он признается «непригодным». И это задевает юного игрока. Ведь это прочитают родители. Братья и сестры. Бабушки и дедушки. Одноклассники. И после такого приговора сложно прийти в себя, пока у тебя еще мало опыта. Радость в связи с дебютом быстро испаряется. Ты начинаешь сомневаться в себе. Обещаешь себе в следующий раз играть без единой ошибки. И тонешь в этой рефлексии. Тем самым совершая новую ошибку.

Пожалуй, каждый совершает массу ошибок, начиная работать на новом месте. Неважно, кто ты – турагент или кровельщик. Вот и стажеры в отеле не всегда справляются с компьютерной программой и должны обращаться за помощью, пока постоялец в нетерпении стоит у стойки регистрации. Молоденькой медсестре не с первого раза удается взять кровь, и она снова и снова вонзает в кожу шприц. Все не так. Но, в конце концов, это нормально. Но только не в футболе, где от молодых спортсменов с самого начала ожидают высочайших результатов. Если журналист недоволен тем, как он выразился, он волен переписать все предложение. Но если пас сделан, его уже не изменить. В худшем случае он приземлится на половине противников и в итоге вкатится в твои ворота. «Катастрофа», «из рук вон плохо», «чудовищно», «неловко» – и это самые мягкие эпитеты, которыми в этом случае могут наградить. Мало кто думает в момент написания, как отзовутся эти резкие суждения в итоге.

Мирко Сломка не задействовал меня в матче с «Алеманией» из Ахена. И с бременским «Вердером» я тоже на поле не вышел. За три первых тура десять минут я провел на поле, 260 – в качестве запасного. Когда меня выпустили на замену в следующий раз во время матча с берлинской «Гертой», мы уже проигрывали им 0:2. Нам дважды забил Кристиан Хименес. Лёвенкрандса убрали с поля, пришло мое время выходить – но это никак не отразилось на результате.

И вновь то, что происходило во время матча, было мне не по вкусу. Мы опустились на шестое место турнирной таблицы. Все были недовольны: Сломка, фанаты и я в том числе.

Приближался матч с «Вольфсбургом». Атмосфера на стадионе была удручающая. Фанаты безжалостно свистели, наблюдая наши потуги. Гола все не было. Просто не получалось. После перерыва Сломка выпустил меня на поле, и я поклялся, что уж сегодня отпраздную победу своей команды. Я хотел узнать, каково это – вместе с 60 тысячами зрителей чувствовать упоение от отличной игры.

Я ступил на газон с правой ноги. Так, как делаю это всегда. Когда я встаю с постели, то первой всегда наступаю на правую ногу. И пищу принимаю правой рукой, хотя вообще-то я левша. Из религиозных соображений. Правая рука считается «чистой», а левая используется для совершения «нечистых» дел. Например, левой рукой я чищу зубы. Если моей первой ногой на поле окажется левая, то я просто не смогу играть.

До начала игры я молюсь. Это также моя традиция. Всегда один и тот же текст, который я произношу про себя перед каждым матчем, стоя на поле. Я молюсь по-турецки:

«Allahım bugünkü maçımız için bizlere güç ver ve özellikle beni ve takım arkadas̨larımı sakatlıklardan koru. Allahım sen bu rızıkı hem veren hem de alansın. Bizleri doğru yoldan s̨as̨ırtma. Amin».

Что в переводе значит:

«О Аллах, дай нам сил на игре сегодня и упаси меня и моих товарищей по команде от травм. О Аллах, на все твоя воля – открыть нам путь (к успеху) или же закрыть его. Не допусти, чтобы мы свернули с верного пути. Аминь».

Эта молитва – третья по счету. Во время разминки я повторяю про себя несколько строк по-арабски:

«Bismil-lahir-rahmanir-rahim.
alhamdu lillahi rabbil-a'lamin.
ar-rahmanir-rahim.
maliki yawmid-din.
iyyaka na'budu wa iyyaka nasta'in
ihdinas-Siratal-mustaqim.
Siratal-ladhina an 'amta alayhim
gayril-magdubi alayhim walad-dalin».

Это значит:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному, Властелину Дня воздаяния! Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи. Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты

облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших».

В довершение ко всему я молюсь и в раздевалке на любом стадионе, перед самым началом матча. И снова по-арабски:

«Bismillahir-rahmanir-rahim.

Qul Huwallahu ahad. allahus Samad.lam yalid walam youlad.

walam yakun lahu kufuwan ahad».

В переводе это значит:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Он – Аллах Единый, Аллах Самодостаточный. Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему».

Все эти молитвы я выучил ребенком с родителями. Я молюсь таким образом каждое утро после того, как проснусь, и в течение дня после того, как поем. У нас так принято, поэтому я и перенял это так естественно. Будучи подростком, я молился перед каждой игрой на поле. И делаю так по сей день. Не в последнюю очередь потому, что молитва придает мне сил и уверенности.

Сломка выпустил меня во втором тайме. Через одиннадцать минут Кевин Кураньи открыл счет. А незадолго до конца матча Линкольну удалось забить еще раз, так что счет стал 2:0. По версии газеты «Suddeutsche Zeitung», итог матча выглядел следующим образом: «К концу первого тайма все пребывали в таком настроении, как будто приближался конец света. На болельщиков было жалко смотреть. Во втором тайме депрессию удалось преодолеть в результате предпринятой тренером замены и перестроения. Семнадцатилетний Месут Озил вышел на место Петера Лёвенкрандса, оживил игру в центре поля и вдохновил Линкольна на то, чтобы совершить серьёзное усилие. Наконец, комбинации разыгрывались как по нотам, теперь игроки «Шальке» завладели ситуацией. На трибунах пустились в пляс, распевая при этом, будто в мюзикле, и в воздухе царила атмосфера любви».

Да, это было именно то ощущение, которое мне хотелось испытать. 60 тысяч поющих зрителей. Ликующих зрителей. Буквально захлебывающихся радостью при виде наших действий зрителей. Когда я пересекал поле, ударяя в ладоши вместе с ними, мне казалось, что я подрос на пару сантиметров. Стал выше и сильнее. И когда я исчез в катакомбах нижних этажей стадиона, в ушах стоял гул – так шумно выражали свою радость наши фанаты.

В последующих матчах я еще дважды ненадолго выходил на поле, но затем четыре игры подряд просидел на скамейке запасных. Проведя 14 минут в матче с «Майнцем», окончившимся со счетом 4:0 в нашу пользу, я не имел возможности дать выход своей энергии на встречах с командами из Котбуса и Бохума. И

после 23 минут на поле в матче с «Арминией» из Билефельда снова последовали 360 ужаснейших минут на самом позорном месте на всем стадионе – на скамейке запасных.

Конечно же, скамейки запасных не избежать. Судьба футболиста такова, что он по определению не может всегда быть на поле. К тому же тренер должен менять позиции, корректировать тактику и реагировать на неубедительные действия игроков. Я понимаю и принимаю это. Но я ни за что не буду сидеть в запасе с довольной улыбкой, со стороны наслаждаясь праздником футбола. Пусть даже со скамейки запасных ты можешь наблюдать за происходящим на поле с поразительной точки, причем абсолютно бесплатно. Но я-то хочу играть. И помогать своим. Сидя на скамейке, я чувствую себя футболистом лишь наполовину. Ведь ученик повара мечтает о том, чтобы самостоятельно начать колдовать над своими блюдами, а не только чистить картошку.

До моего первого полноценного матча с начала чемпионата прошло несколько месяцев; все это время я учился терпению. 10 марта 2007 года Мирко Сломка решил-таки оказать мне доверие, заявив меня в стартовом составе в матче с «Ганновером».

> Сидя на скамейке, я чувствую себя футболистом лишь наполовину.

Но определенно только потому, что Густаво Варела, Петер Лёвенкрандс, Кристиан Пандер и Джеральд Асамоа получили травмы. К тому же из-за дисквалификации выбыли Родригес и Линкольн. Предполагалось, что я должен был играть в связке с Кевином Кураньи и Халилом Алтынтопом.

Нашей команде недоставало уверенности. Хотя по итогам 20 туров, одолев «Вердер», мы занимали верхнюю строчку турнирной таблицы. Три последующих матча с «Вольфсбургом», «Леверкузеном» и «Гамбургом» принесли нам лишь одно несчастное очко; мы упустили столько возможностей на этом чемпионате.

Наши фанаты неоднозначно отнеслись к происходящему. Однако перед матчем с «Ганновером» они вели себя примирительно и сопровождали нас по дороге в Нижнюю Саксонию по автомагистрали A2.

Через 92 секунды после начала я подал угловой, и Халил Алтынтоп открыл счет.

Мой дебют в стартовом составе – и такое начало! Но радость после первого удачного паса длилась недолго. Так как «Ганноверу» аккурат через 108 секунд удалось сравнять счет. Ян Розенталь помешал поймать мяч Мануэлю Нойеру после

углового, и Михаэль Тарнат забил.

За этим последовали судорожные попытки переиграть друг друга, сопровождаемые множеством неточных передач то у одной, то у другой команды. Борьба, то и дело прерываемая мелкими нарушениями, разгорелась преимущественно в центре поля. Забить гол больше никак не получалось.

Вот уже четвертый матч подряд не приносил нам победы. Мы долго спорили потом, был ли тот или иной гол забит по правилам. «Розенталь схватил меня за руку, иначе я не упустил бы мяч», – уверял Нойер. Сломка считал это «совершенно явным нарушением». А Андреас Мюллер заявлял: «В Лиге чемпионов или где-нибудь в Англии из-за такого определенно не стали бы давать свисток».

Справедливо засчитали тот гол или нет, уже не имело никакого значения. По мнению судьи Кнута Кирхера, он являлся таковым, и нам в любом случае не удалось забить больше одного гола. Все эти разговоры были следствием того, что мы были страшно недовольны собой. Поэтому и я был таким мрачным по дороге домой.

С пятьюдесятью очками мы оказались на вершине турнирной таблицы. С отрывом в три очка за нами следовал «Вердер», третье место занял «Штутгарт». Четвертое место – набравшая 44 очка «Бавария».

В центральном матче со «Штутгартом» Сломка снова выпустил меня с самого начала. И я вознамерился доказать, что он принял единственно правильное решение. На старте я напоминал бешеного быка. На четвертой минуте я пробежал по левому флангу. Рванул прямо к вратарю «Штутгарта» Тимо Хильдебранду. До него оставалось каких-то десять метров. Восемь. Шесть. Пли! Но мяч, направленный мной, пролетел в миллиметре над перекладиной. «Siktir lan», – выругался я. Это такое турецкое выражение, которое подходит практически в любом случае, если ты злишься на себя, на кого-то другого или на жизнь в целом. Я должен был использовать этот шанс! Такие нечасто выпадают. «Siktir lan!»

Порой на поле я разговариваю сам с собой. Обычно, когда я недоволен, если допустил ошибку. Но случается и так, что я себя подбадриваю. Сначала я даже не замечал этого. А вот моим друзьям сразу бросилось в глаза, когда они смотрели телетрансляцию матчей с моим участием по каналу Sky, что я постоянно бормочу что-то себе под нос. Особенно во время штрафных и угловых.

Так было и на 76-й минуте матча со «Штутгартом», когда я оказался в четырех шагах от бесхозного мяча. «Давай, сделай

это, – сказал я себе. – Прямиком на голову Кураньи». Я сделал глубокий вдох, а затем, резко выдохнув, прошел по флангу и навесил в штрафную. Не совсем точно на голову Кураньи. Но от него он все же отскочил в сторону Хильдебранда, который не сумел отбить удар. Младен Крстаич оказался на мяче первым и закатил его в ворота. Счет 1:0. С ним и окончился матч.

Таким образом, мы оторвались от швабов на семь очков. Нам в спину дышал «Вердер», одолевший «Майнц» со счетом 2:0. Из шести последующих игр победой для нас закончились четыре, правда, «Баварии» и «Бохуму» мы проиграли. Этого оказалось достаточно, чтобы к предпоследнему туру, где нас ждала дортмундская «Боруссия», наше преимущество сократилось до одного очка. Играем с «Боруссией» 0:2 – и «Штутгарт», разумеется, опережает нас в борьбе за чемпионский титул. Мы не справились. Наша форма в конце сезона оставляла желать много лучшего.

Вот так завершился для меня «курс молодого бойца» в Бундеслиге сезона 2006/07. Мы были в лидерах тринадцать туров подряд. Временами наш отрыв составлял шесть очков. Но перед последним туром наша судьба была в руках «Штутгарта» – победа обеспечивала ему титул. Если швабы играли вничью, чемпионами нас делала собственная победа с разницей в четыре и более мячей. Надежда внезапно затеплилась, когда мы вели в счете на встрече с командой из Билефельда благодаря голам Линькольна и Халила Алтынтопа. Особенно когда на видеокубе появились промежуточные результаты матча «Штутгарт» – «Коттбус». Сержиу Раду вывел гостей вперед, так что, казалось, мы еще можем стать чемпионами. Но надежда угасла за восемь минут. Сначала счет сравнял Томас Хицльшпергер. А там и Сами Хедира с его триумфальным ударом окончательно растоптал нашу мечту.

Пока в Штутгарте праздновали победу в чемпионате, над нашим стадионом кружил самолет, оплаченный фанатами «Боруссии», на боку которого красовалась надпись: «Столько лет – а кубка все нет»[5].

6. Гнусная травля
Чтобы добиться успеха, нужно иметь связи

В том сезоне бундеслиги я принял участие в девятнадцати матчах. В двенадцати из них я выходил в качестве игрока замены. Трижды я провел на поле все девяносто минут. Таким образом, я был задействован в течение 28% от возможного игрового времени.

Памятуя о совете Норберта Эльгерта, я пребывал в нетерпеливом ожидании. Но от своего второго сезона я определенно хотел большего. О чем поставил в известность руководство «Шальке». С конца лета 2007-го мой текущий договор с клубом, действующий до 2009 года, планировали заблаговременно продлить. Мне предлагалась зарплата в 35 тысяч евро. В случае если я приму участие более чем в тридцати официальных матчах сезона, мой месячный доход увеличивается до 60 тысяч евро. В дополнение к этому мне полагалась бы премия в 5 тысяч евро за каждое набранное с моим участием очко. А за попадание в сборную и выход на поле в ее составе предусматривалась дополнительная премия – 100 тысяч евро.

В идеальном случае я зарабатывал бы «грязными» по 1,52 миллиона евро за сезон. Невероятная сумма, которая вызывала у меня гордость. Мы и представить себе не могли, что кто-то из нашей семьи однажды будет столько зарабатывать. И мы слабо представляли себе, что это такое – 1,52 миллиона евро. Даже 4 тысячи в месяц, которые я поначалу зарабатывал, будучи юниором, казались мне огромной суммой, способной в одночасье изменить жизнь всей нашей семьи в лучшую сторону.

Напомню: в детстве у меня никогда не водилось карманных денег. Мне приходилось разносить газеты. Нужно отметить, что тогда меня обдурил мой собственный брат. Это он устроился в одну контору разносчиком газет и получал 50 евро, обходя по три района. О чем я, разумеется, не знал, а потому был вне себя от счастья, когда брат доверил мне один из районов, отделываясь от меня всего лишь 5 евро.

Долгое время я донашивал вещи, которые мама приносила от соседей. При этом речь не заходила ни о красоте, ни о моде, ни о брендах. Главное, чтобы в принципе было что надеть. Остались детские фотографии со мной в розовом девчачьем свитере. И мне приходилось это носить, раз мама получила свитер в подарок от

какой-то подруги, и ей даже в голову не приходило, что вещь можно было выбросить, так и не надев, всего лишь потому, что она была не голубая или серая.

Когда я стал подростком, то после школы сам готовил себе свое любимое блюдо – белый тостовый хлеб, намазанный кетчупом карри. Упаковка хлеба стоила примерно 55 центов. Кетчуп из «Альди»[6] также стоил меньше евро. Этим я мог без проблем питаться несколько дней.

По сравнению с нуждой беженцев, которая открылась мне много лет спустя в лагере в Иордании, я вел тогда просто роскошную жизнь. Но легкой она никогда не была. Мы на себе испытали, что это значит – почти ничего не иметь. Поневоле обходиться малым. И я знаю, каково это – тяжелым трудом зарабатывать себе на кусок хлеба.

Впрочем, когда у нас с Андреасом Мюллером зашел разговор о продлении моего договора, нас волновали совсем не деньги. Отцу, равно как и агенту, было важно выторговать для меня наилучшие условия карьерного роста. Речь шла совсем не о том, один или несколько миллионов я буду зарабатывать; принципиально было добиться того, чтобы при приемлемом доходе иметь как можно больше игровой практики.

Андреас Мюллер подтвердил, что именно так все и будет. В связи с тем, что прежний плеймейкер Линкольн собрался уходить, генеральный директор клуба полагал, что для меня это обернется увеличением игрового времени. То есть на его месте со временем должен был оказаться я.

И вот, когда Линкольн уже перешел в «Галатасарай», в «Шальке» берут Ивана Ракитича.

Этот хорват – отличный парень, замечательный человек и выдающийся футболист. Я даже мог бы назвать его своим другом. Но в тот момент, когда его взяли в «Шальке» прямо у меня на глазах, мой мир перевернулся. Ни в одном из обсуждений с руководством, которые, как нам казалось, прошли очень удачно и в доверительной форме, не было упомянуто, что на замену Линкольну возьмут кого-то со стороны.

Я был уверен, что Андреас Мюллер и Мирко Сломка доверяют мне и возлагают на меня большие надежды. После ухода Линкольна, который три года в «Шальке» провел в центре поля, забив 31 гол и отдав 34 голевые передачи в 113 играх, с точки зрения руководства клуба было бы вполне объяснимо доверить его функции другому игроку, чтобы подстраховаться, если мне это не удастся. Но в таком случае надо было так сразу и сказать мне об этом, честно и прямо. Нельзя уверять в одном, а затем тайно и без предупреждения привести конкурента. Так дела не

делаются.

Мы не поняли этого жеста «Шальке» и решили до поры до времени не подписывать контракт, который обсуждали. Мы хотели не торопясь посмотреть, чем закончится сезон, и главное – какая роль в команде мне в итоге достанется. Вообще-то, вполне закономерная реакция. Нам необходимо было знать наверняка, сдержат ли Андреас Мюллер и Мирко Сломка свое слово и действительно ли я смогу серьезно продвинуться вперед за второй сезон в «Шальке» – иными словами, смогу ли я больше быть в игре. Мы не требовали больших сумм или более выгодных условий договора.

В матче со «Штутгартом» я играл в основном составе и поспособствовал голу, забитому Леваном Кобиашвили. Во втором тайме меня заменили. С «Боруссией» из Дортмунда я просидел на скамейке запасных и вышел за несколько минут до конца, тогда как Ракитич играл с самого начала. И в матче с «Вольфсбургом», и в матче с «Баварией» я появлялся лишь ненадолго, разве что во время игры с «Леверкузеном» мне довелось провести на поле 87 минут. Затем меня заявили на встречах с «Арминией» из Билефельда и «Дуйсбургом», но так и не выпустили на поле. По итогам 18 туров у меня набралось всего лишь 185 минут в игре – хотя нельзя было сказать, что я готов плохо. За тот же период Ракитичу дали 615 минут – в три с лишним раза больше. Возможно, причина была в том, что за Ракитича клуб заплатил «Базелю» около пяти миллионов евро. Я же достался им даром.

Несмотря на то что из-за разрыва одних связок и растяжения других я вынужден был пропустить игры с командами из Ростока, Бремена и Гамбурга, в дальнейшем при моем участии были забиты два гола в ворота «Ганновера» и один – «Франкфурту». В игре с «Нюрнбергом» от 15 декабря я провел 61 минуту. Тогда я в последний раз красовался в форме «кобальтовых».

Я все еще оттягивал подписание контракта в текущей редакции. У меня было плохое предчувствие, к тому же обещания Сломки и Мюллера никак не сказались на количестве игрового времени. В связи с происходящим мне хотелось спокойно подумать, действительно ли «Шальке» является идеальным для меня клубом. Пока же я медлил с решением, для «Шальке» вопрос с продлением показался закрытым. Они стали начислять мне больше денег, что я мгновенно заметил по движениям средств на счете. Этого стоило бы ожидать, если бы договор о продлении был мной уже подписан. Я сразу же позвонил отцу и агенту, чтобы сообщить об этом. «Ничего не делай с этими деньгами, – посоветовали они. – Мы разберемся».

Когда они связались с «Шальке» и спросили, что бы это могло

значить, им ответили, что мы будто бы скрепили продление договора рукопожатием. Да, пусть их предложение нас и устраивало. Но мы не давали никакого согласия. Финансовое обеспечение представлялось более чем достаточным, однако нам требовалось время, чтобы окончательно увериться в наличии перспектив развития в спортивном плане.

Полагая, что все улажено, хотя тот разговор был воспринят очень неоднозначно, я улетел на отдых в Стамбул после окончания футбольного сезона. Но это была лишь видимость того, что все в порядке. Потому что именно с этого момента меня стали травить в СМИ, да так, как не было ни до, ни после на протяжении всей моей карьеры.

30 декабря газета «Бильд ам Зоннтаг» обнародовала детали договора, который «Шальке» предложил мне подписать, и показали целых четыре страницы оттуда. «Юный талант из «Шальке» (19 лет) отказывается от контракта на 1,52 миллиона», – гласил заголовок. В тексте статьи говорилось с явным неодобрением: «Невероятное предложение для игрока, у которого из карьерных достижений – лишь 30 игр Бундеслиги без единого гола». Было и продолжение: «Поразительное предложение, которое было сделано Озилу лишь потому, что он пользуется безграничным уважением Мирко Сломки».

Признаться, я так не понял, в чем проявляется это самое безграничное уважение. В первую очередь меня интересовало, как эти документы оказались в распоряжении газеты. Единственным логичным объяснением нам казалось то, что в «Шальке» пожелали увидеть их опубликованными. И это совершенно точно было сделано не в наших интересах.

На следующий день травля продолжилась. Теперь сюжет подхватила газета «Bild», далеко не бесстрастно, а с явным осуждением написав обо мне следующее: «Алчная восходящая звезда футбола водит «Шальке» за нос». Внизу страницы шла статья с подзаголовком: «Когда знаменитостям все мало». Статья начиналась с таких предложений: «Вымогательство со стороны Озила, увы, не единичный случай».

Я перестал понимать происходящее. Мне было всего девятнадцать, а мне устроили публичную порку. Мне пришлось испытать на себе, что футбольная карьера на самом деле зависит не только от одаренности, прикладываемых усилий и интенсивных тренировок. Тебе необходимы связи, а также такие люди в клубе, кто поддержал бы тебя и подставил бы плечо, разгорись подобный скандал. Я не имел всего этого. Нам недоставало опыта и влияния, и было непонятно, что делать.

Когда в начале января следующего года я пришел на

тренировку «Шальке», в нашу раздевалку заявился Андреас Мюллер. В этом, собственно, не было ничего особенного. Он частенько заходил, особенно когда хотел зажечь команду перед важным матчем. Я полагал, что он скажет нам пару слов о подготовке ко второму кругу Бундеслиги. Но я ошибался.

«Месут Озил, – начал он, даже не глядя на меня, – отныне не играет за «Шальке». Ни в первом составе. Ни во втором. И ни в юношеской сборной. Он также не будет больше с нами тренироваться».

Я подумал, что ослышался. С чего бы это мне больше нельзя играть за «Шальке»? Только потому, что я еще не продлил контракт? Потому, что задумался о собственном будущем? Потому, что осмелился сказать «нет»?

Пока я довольно кивал и соглашался со всем, со мной обходились ласково и обещали золотые горы. А сейчас в одночасье они превратились в монстров, которые хотели сломать мне карьеру. Я оказался у разбитого корыта. Это конец! В девятнадцать лет мне довелось пережить, что футболист, оказывается, всего лишь вещь, и он совершенно неожиданно может быть выброшен на помойку тренерами и генеральными директорами.

Я беспомощно озирался по сторонам. Я испугался за будущее. Мне казалось, я упускаю шанс всей своей жизни. Но никто не вступился за меня. Хотя столько игроков стояло в раздевалке. Шкафчики были распределены в соответствии с нашими игровыми номерами. Слева от меня сидел Рафинья, номер 16, будущий игрок «Баварии». Справа от меня присел Дарио Родригес, у которого был 18-й номер. Почему никто из старой гвардии не пришел мне на подмогу? Ни Бордон. Ни Младен Крстаич. Никто ничего не сказал в мою защиту, хотя я не сделал ничего плохого. Я даже не мог понять, на кого больше злиться – на товарищей по команде, которые сейчас молчат? Или на Мюллера, который унизил меня на глазах у друзей и коллег?

Больше всего сейчас мне хотелось наорать на Бордона: «Ну помоги же мне! Скажи уже, что хватит ломать здесь комедию!» В то время Бордону было 32 года. Он многое повидал в жизни. К его словам прислушивались в команде. Ему следовало бы мне помочь, думал я. Ведь парни помладше, разумеется, думали прежде всего о своем будущем, я понимаю это. Теперь мне понятно их молчание. В этом жестоком мире большого футбола они просто не могли ставить под угрозу собственную карьеру только потому, что еще у кого-то возникли проблемы с генеральным директором и тренером. Но в ту минуту я был ими страшно разочарован. И зол.

В первую очередь я злился на Андреаса Мюллера. Глядя на него, стоящего с усмешкой в нашей раздевалке, я вцепился в шкафчик, едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него. Это было так несправедливо, так подло, так гнусно, что он публично меня унизил. Я был не в состоянии подобрать такие слова, чтобы достойно ему возразить как ни в чем не бывало, тогда как я был застигнут врасплох и растерян. Я бы предпочел дать волю кулакам. Но я был совсем не забияка и не настолько глуп, чтобы таким образом потешить его самолюбие.

Я вернулся домой уже совсем не тем, кем был с утра. В моей голове был сущий хаос. Мне хотелось то зарыдать, то сбежать из этого проклятого города. Я клялся стать лучшим в мире футболистом, чтобы доказать Андреасу Мюллеру, на что я способен. А через секунду думал о том, чтобы навсегда оставить профессиональный футбол.

Но у меня в жизни было не так уж много вариантов. Мне не на что было переключаться. В духе: если не получится учиться в медицинском, тогда стану архитектором или пилотом. Единственный вариант, открывающий мне перспективы, позволяющий выкарабкаться из нашего мирка, заключался в том, чтобы стать футболистом.

И именно это Мирко Сломка с Андреасом Мюллером пытались у меня отнять. Они собирались лишить меня единственного шанса на лучшую жизнь. Просто потому, что я не стал играть по их правилам. Они хотели забрать то, что приносило мне так много радости. И им прекрасно было известно, что у меня не было ни единой возможности защититься. Кто я такой? Никто. Чрезвычайно одаренный ноль. Я был бессилен в этой игре.

Мой близкий друг Барыш Чифтчи в то непростое время часто позволял мне выговориться. Ему не надоедало слушать, как я снова и снова рассказывал все тот же бред: «Я не хочу уезжать из Гельзенкирхена. Тут мои друзья. Вы ведь все тут. Я хочу и дальше жить со своими родными. Может, для кого-то это и нормально – перейти в другой клуб. Но только не для меня. Что же мне делать?»

Чтобы не давать другим повод для обвинений, я каждый день был с «Шальке», несмотря на запрет играть и тренироваться. Поступить так посоветовали отец и агент. «Мы не должны подставлять себя под удар», – пояснили они. Поэтому я шел в тренажерный зал – единственное место, где бы я мог находиться.

Мы не должны были допустить, чтобы кто-то предположил, что я нарушаю условия контракта. Поэтому я тягал железо в одном и том же месте, будто прокаженный, залечивая свои раны.

Это заменяло мне общение с психотерапевтом.

> Вел ли я жизнь профессионального футболиста? Нет! Чувствовал ли я себя профессиональным футболистом? Отнюдь! Боялся ли я за свое будущее? Да, и еще как.

Как-то раз пришел Бордон и сказал: «Месут, подпиши уже этот договор. И все сразу устаканится. Они всего лишь хотят быть уверенными, что ты останешься в «Шальке». А потом все сразу же встанет на свои места».

Но после заявления Мюллера все было далеко не так просто. Хотя я любил Гельзенкирхен, а «Шальке» был главным клубом в моей жизни, я не мог просто сделать вид, что ничего не случилось, и любезничать со своим работодателем, который так низко со мной поступил.

Я тренировался вполсилы. Без настроения выполнял упражнения с весом. Немного бегал. Скорее я пытался просто занять себя, чем всерьез тренироваться. Вечера стали как будто длиннее. Допоздна я тусовался с друзьями. Мы играли в приставку. Болтали. Иногда просто бродили по городу. Мне было необходимо отвлечься таким образом. С их помощью мне удавалось не впадать в панику.

Вел ли я жизнь профессионального футболиста? Нет! Чувствовал ли я себя профессиональным футболистом? Отнюдь! Боялся ли я за свое будущее? Да, и еще как.

Пока я пребывал в застое и ходил по мукам, Андреас Мюллер сделал так, чтобы общественность надавила на меня еще сильнее. Он отправился в Летмате (район города Изерлон) в Зауерланде на новогоднее мероприятие, которое в «Шальке» традиционно устраивают для самых верных болельщиков. Надо отметить, что люди собираются там, чтобы немного поболтать. И рассказать о чем-нибудь отвлеченном, в то время как фанаты испытали бы радость от общения вживую со своими кумирами. Политические заявления на таких мероприятиях обычно не звучат. Генеральные директора также предпочитают не объявлять новости о переходах игроков. А вот Мюллер воспользовался случаем, чтобы во время своего визита настроить наших фанатов против меня. «Месут Озил, – заявил он, – больше не примет участия в составе «Шальке» ни в одной игре».

Несколько дней после этого газеты пестрели статьями обо мне. Меня награждали такими эпитетами, как «игрок-скандалист» и «проблемный». Вот и в спортивном приложении к газете «Бильд» приняли сторону «Шальке» – по крайней мере, редактор отдела «Футбол» Йохен Кёнен написал в своем комментарии

следующее: «Спасибо, «Шальке». Наконец клуб предпринимает решительные действия и выражает свое несогласие. Бесспорно, Месут Озил принадлежит к числу немецких талантов, которых ждет большое будущее. Но больших достижений нет, этим он пока похвастаться не может. В связи с чем с этих пор он слывет стяжателем. И он должен настроиться на то, что это будет сопровождать его на протяжении всей карьеры до самого конца. Сам виноват».

В то же время авторитетнейшая «Франкфуртер Альгемайне» сочла действия клуба черным пиаром и политической игрой, в которой я изначально не имел никаких шансов: «Озил сейчас выступает как молодой профессиональный игрок, который, по словам «Бильд», после тридцати с лишним игр в Бундеслиге вышел за всякие рамки, не держит слово и водит «Шальке» за нос. <…> Из-за условий контракта молодого профессионального игрока началась целая кампания по очернению его имиджа. Еще ни один игрок в его возрасте не испытывал такого общественного давления на протяжении такого длительного времени. Если помимо газеты кто-то и пользуется этим, то это сам футбольный клуб «Шальке». Тот, кто отказывается иметь дело с алчным игроком, смотрится выгоднее на его фоне».

После этого я всякий раз чувствовал себя под ударами шпицрутенов, когда выходил из дома, чтобы прогуляться по городу. Жители Гельзенкирхена верили написанному в СМИ и заявлениям клуба. Я даже допускаю, что они злились. Им не могло прийти в голову, какая закулисная игра здесь ведется. А дошло уже до того, что мне начали угрожать. Нам домой звонили неизвестные и обрушивали на нас ругательства. В наш почтовый ящик бросали письма, полные ненависти, но даже к этому я сейчас отношусь с пониманием.

В глазах людей меня просто не устраивал годовой доход в 1,52 миллиона евро. Им казалось, что желание получить больше денег привело к тому, что я нарушил свое слово. По мнению гельзенкирхенцев, живущих далеко не в роскоши и вынужденных неустанно бороться за существование и экономить каждый цент, чтобы однажды позволить себе билет на футбол, это было сущей наглостью. Но ведь в действительности все было не так.

«Увези меня отсюда, – взмолился я через несколько дней на встрече со своим агентом. – Я так больше не могу». Главный клуб в моей жизни стал моей главной бедой. Этот внезапный разрыв причинял столько же боли, как если бы твоя первая девушка без всякого предупреждения и совершенно неожиданно для тебя захотела бы с тобой расстаться. Той зимой из-за «Шальке» я разучился смеяться.

По вечерам, лежа в постели, я молился о том, чтобы случившееся не стоило мне карьеры. А сам был почти уверен, что так оно и есть. Столько раз я в отчаянии говорил своему брату Мутлу: «Может быть, на то божья воля, чтобы я не стал футболистом. Наверное, я просто должен это принять. Стало быть, это моя судьба».

Но, к счастью, вскоре обозначились альтернативы «Шальке». «Манчестер Юнайтед» чрезвычайно заинтересовался возможностью моего перехода к ним. В то время в Англии это был клуб номер один. В сезоне 2006/07 они выиграли премьер-лигу, опередив «Челси» на 6 очков. Криштиану Роналду забил 17 голов за «МЮ», Уэйн Руни – 14. В составе команды победителей также были Патрис Эвра, Рио Фердинанд, Райан Гиггз и Пол Скоулз.

Алекс Фергюсон в своей автобиографии, вышедшей в 2014 году, признался, что Уэйн Руни как-то раз упрекнул его в том, что он не приложил тогда достаточно усилий, чтобы заполучить меня в команду.

Приведу слова Фергюсона из книги: «Уэйн заявил, что мы должны были купить у «Вердера» Месута Озила, перехватив его перед носом у мадридского «Реала». Я ответил, что вопросы трансферной политики находятся вне сферы его компетенции. Сказал, что его работа – выходить на поле, тогда как подбирать для команды игроков – мои обязанности, и до сих пор я с ними прекрасно справлялся»[7].

Фергюсон решил не разглашать, что до этого он как раз хлопотал о моем переходе. И вовсе не так осторожно, как это могло показаться. Но тогда мысль о переезде в Манчестер внушала мне ужас. Десять часов на машине, восемь – на поезде или два – на самолете отделяли бы меня от Гельзенкирхена. Иными словами, 900 километров от семьи и всех, кто мне дорог. С которыми я до этого девятнадцать лет прожил в тесноте.

Тогда я еще не повзрослел настолько, чтобы предпринять этот шаг. Не был готов к переезду на Британские острова. Я просто не был готов к самостоятельной жизни, в особенности в стране, где разговаривают на непонятном мне языке. Я пока толком и не бывал за границей. Один раз был с «Шальке» в Валенсии. Однажды съездил в Нанси, где мы проиграли матч Кубка УЕФА со счетом 1:3. И на чемпионат Европы для юношей до 19 лет, который проходил в Австрии. Вот, собственно, и все мои заграничные путешествия. А больше всего мне нравилось в то время только у себя, в земле Северный Рейн-Вестфалия. Манчестер казался мне слишком большим. И слишком чужим. И слишком далеким. Не исключено, что тогда мне просто

недоставало уверенности в себе, поубавившейся в ходе разборок с «Шальке». Так или иначе, я почти сразу попросил своего агента сообщить «Манчестер Юнайтед» об отказе.

На фоне моих попыток спасти собственную карьеру «Шальке» продолжал со мной войну. «Этот игрок обязан явиться ко мне или к Андреасу Мюллеру и признать свою ошибку», – требовал Мирко Сломка, на тот момент все еще бывший моим тренером. Он сделал такое предположение: «Если бы Месут был в состоянии самостоятельно принять решение, то он не раздумывая выбрал бы «Шальке». Но, по-видимому, у него попросту нет своего собственного мнения. Им кто-то управляет».

Президент «Шальке» Йозеф Шнусенберг в нескольких интервью также уличил меня в отсутствии собственной воли: «Я вовсе не осуждаю Месута. Он оказался в очень непростой ситуации. И не отдает себе отчета в том, какие возможности ему открылись бы в «Шальке». Фанаты носили бы его на руках, он получил бы качественное образование, и все это за очень неплохие деньги. Но в итоге он сам лишил себя этого. Мне жаль, ведь он просто молодчина. Теперь я надеюсь, что он найдет себе клуб по душе, иначе талант одного из самых заметных игроков в немецком футболе окажется зарытым в землю». Шнусенберг назвал наши с клубом отношения «безнадежно испорченными» и добавил, отчасти, чтобы подчеркнуть это для болельщиков, отчасти, чтобы припугнуть с помощью меня других: «Речь идет о том, что позволительно в отношении клуба и где пролегает граница дозволенного. Очень показательный случай для всех, кто намерен заключить контракт с «Шальке».

Между тем я связался по телефону с Йылдыраем Баштюрком, который в разное время выступал за «Бохум», «Байер» и «Герту», в итоге осев в «Штутгарте». Он рассказал мне подробнее о своем нынешнем клубе, городе и Армине Фе, с которым я еще не встречался лично, тогда как мой агент уже имел с ним разговор. Кроме того, я вышел на Дитера Хеккинга, который по итогам первого круга Бундеслиги занял с «Ганновером» пятое место. Тот сразу взял быка за рога. «Знаешь, почему ты непременно должен играть у меня? – спросил он и пристально посмотрел на меня. – У меня ты сможешь выступать в тридцати матчах за сезон. Я рассчитываю на тебя. И позволю тебе играть. Я убежден, что тебя обязательно нужно выпускать на поле. И это я тебе гарантирую. Поверь, с «Ганновером» у тебя будет столько игрового времени, как ни в одном другом клубе».

Речи Хеккинга пришлись мне по душе. Это были уже не размытые обещания, а предельно конкретные заявления. Тем не менее исключительно из-за Баштюрка я нацелился в «Штутгарт».

Я чувствовал, что это верное решение – иметь именно «Штутгарт» в качестве запасного варианта. Что он сможет заглушить мою тоску по родине и оставшимся вдалеке домашним.

Армин Фе также открыто объявил, что имеет на меня виды, о чем он дал понять, высказавшись, как сильно он меня ценит: «Он один из самых талантливых игроков в Германии, для своего возраста он выдает поразительные результаты. Впрочем, я не должен его так активно хвалить, иначе это привлечет к нему внимание других клубов».

Президент «Ганновера» Мартин Кинд также подтвердил усилия, предпринимаемые клубом в моем отношении: «Да, мы заинтересованы в сотрудничестве. Этот вопрос обсуждался».

Отрадно было читать и слушать об этом. Понемногу ко мне возвращалась бодрость духа. Раз нашлись те, кто проявляет ко мне интерес, значит, мне не стоило беспокоиться за карьеру. Что-нибудь да найдется. Чем больше разговоров велось тем январем, тем быстрее улетучивалась моя тоска. Тем легче мне было вновь почувствовать себя профессионалом.

Тем временем, когда я внутренне уже настроился на переход в «Штутгарт», внезапно возник вариант с «Вердером». В то время этот клуб обладал колоссальным влиянием в немецком футболе.

В 2004 году бременцы сделали золотой дубль – победили в Бундеслиге и в том же году взяли Кубок Германии. Блестящий нападающий Аилтон, тогда еще и не думавший об участии в реалити-шоу «Лагерь в джунглях» на телеканале RTL, забил 28 голов, тем самым обойдя игрока «Баварии» Роя Макая и став лучшим бомбардиром.

В течение последующих трех лет «Вердер» с уверенностью побеждал в матчах с такими противниками, как «Аякс» или «Челси», а в Лиге чемпионов им удалось бы сломить саму «Барселону», не забей Лионель Месси в сентябре 2006 года на 89-й минуте гол, сравнявший итоговый счет.

В «Вердере» демонстрировали захватывающую игру, с очень ясным посылом. Неделями они превращали футбол в праздник, разве что оборону выстраивали простовато. Впрочем, игроки клуба компенсировали это в игре высоким темпом, точностью, целеустремленностью и изяществом. Смотреть матчи «Вердера» было высшим наслаждением.

Когда тогдашний спортивный директор Клаус Аллофс появлялся на пресс-конференциях, ему не могли не задать вопрос о том, станет ли «Вердер» чемпионом Германии. И разумеется, он ответил: «Да, нам нужна только победа». Ведь если кто-то из «Вердера» говорит: «Нам под силу сыграть с «Челси» и «Барселоной» на равных», в этом нет ничего удивительного. И это

также не воспринимают как заносчивость. Это действительно соответствует их возможностям.

Даже когда гениальный атакующий, полузащитник «Вердера» Жоан Мику покинул клуб, в котором провел четыре года, и перешел в «Бордо», команда не развалилась. Вместо этого в «Вердер» взяли 21-летнего бразильца Диего Рибаса да Кунья, прежде игравшего за «Порту». Его карьера в «Порту» застопорилась, отношения с тренером Ко Адриансе резко ухудшились, и под конец его вовсе перестали брать в состав. Не сложилось у него и в сборной Бразилии. Дебютировав в составе «Селесао» под началом Карлоса Альберто Паррейры на Кубке Америки 2004 года, он не приглашался в сборную ни на отбор к чемпионату мира, ни на Кубок конфедераций, ни на сам чемпионат мира, проходивший в Германии в 2006 году.

Как только он оказался в «Вердере», все пошло на лад. Благодаря поддержке, полученной от Томаса Шаафа и Клауса Аллофса, позднее он снова попал в национальную сборную Бразилии. Все это было для меня принципиально важным. Если Томас Шааф сумел привести Диего в чувство после неудач в «Порту», да так, что он снова стал выступать за сборную своей страны, что мешает осуществить то же самое уже в отношении меня?

При встрече Томас Шааф поделился со мной своим видением футбола. Мы сидели в ресторане «Юргенсхоф», принадлежавшем к числу самых старинных в Бремене, заметил Клаус Аллофс, также присутствовавший на встрече. Этот фахверковый дом находился всего в пятнадцати минутах от «Везерштадион». Мы беседовали в приватном зале, кажется, он назвался «Фризенштубе». Из-за волнения я весь вечер крутил в руке свой бокал, так и не пригубив его.

Эта встреча весьма отличалась от беседы с Норбертом Эльгертом. При переходе из «Рот-Вайсс» в «Шальке» мы располагали временем на раздумья, ведь я еще был юниором. Теперь же время работало против нас, требовалось срочно принять решение, от которого зависит все мое будущее. Кроме того, передо мной сейчас сидели директор и тренер команды чемпионов. Оба, Аллофс и Шааф, состоялись как игроки и как функционеры; в обоих этих качествах на двоих у них одна победа на чемпионате Европы, четырежды титула чемпиона Германии, восемь Кубков Германии и один Кубок обладателей кубков. Впечатляющая коллекция. Поэтому я с благоговением и в полном изумлении весь обратился в слух.

Конечно же, я знал и раньше, что «Вердеру» все удается играючи. Я сам десятки раз мог наблюдать это по телевизору. А

сейчас без пяти минут мой новый тренер выразил «принцип Шаафа» в нескольких ясных фразах. «Я хочу, чтобы моя команда действовала. Чтобы не мы реагировали на действия противника, а они на нас. Мы задаем такт. Я хочу, чтобы мы уверенно и быстро разыгрывали комбинации и вместе с тем были ориентированы на результат». Неоднократно он повторил следующее: «Я хочу, чтобы первая передача только что отвоеванного мяча по возможности выполнялась ударом вперед».

«За время пребывания с нами Тим Боровски продвинулся настолько, – продолжал Шааф, – что летом следующего года его выкупает «Бавария». Мирослав Клозе также добился в «Вердере» чрезвычайных успехов. Мы помогли ему стать лучшим бомбардиром Бундеслиги и футболистом года. Одним словом, мы знаем, как работать с молодыми игроками».

Мы также поговорили о ситуации с «Шальке» и о дурной славе, которую я заработал в результате этой травли. «Меня мало заботит, о чем пишут в газетах, – буркнул Шааф и прямо заверил меня: – Если по приходе к нам ты начнешь качать права, тогда нам обоим не поздоровится. Но если твоя цель – играть в футбол, то у нас впереди много радости».

С этими словами он окинул меня полным решимости взглядом. И, помолчав, добавил: «Мне нравятся игроки с характером. С ярко выраженной индивидуальностью. Если ты выпустишь на поле команду из одиннадцати человек с похожими характерами, вы не придете к успеху. Я жду, что каждый игрок явит мне нечто особенное». Затем он объяснил, что имеет в виду: «Пера Мертезакера я ценю за непоколебимость и целостное видение игры. Торстен Фрингс заслужил мою любовь благодаря его всесокрушающей воле. На силу Налдо я надеюсь при выходах один на один. А от тебя мне нужна легкость, твой удар с левой, твои чудо-пасы».

Напоследок Клаус Аллофс повторил: «У тебя впереди большое будущее. Позволь нам помочь тебе. Мы хотим позаботиться о том, чтобы ты развивался дальше. Ты сможешь рассчитывать на нашу помощь и двигаться вперед в том темпе, который тебе подходит».

После такого разговора с Аллофсом и Шаафом я пришел в полный восторг от «Вердера». Но все равно набрал Себастиана Бёниша. Мой бывший товарищ по команде уже полгода провел в Бремене. Но вынужден был пропустить много матчей в связи с болями в колене. Несмотря на это, он восхищался «Вердером». И я прислушался к его доводам «за», как и в случае с Баштюрком и «Штутгартом».

Через некоторое время я мог однозначно ответить на вопрос,

чего же я хочу: уехать в Бремен! Я хотел в команду к Томасу Шаафу, что положило бы конец этой истории с «Шальке».

30 января состоялся матч «Шальке», с которым я до сих пор был связан трудовыми отношениями, с «Вольфсбургом» в рамках Кубка Германии. Конечно же, я не попал в состав – меня не взяли на выезд. Вплоть до конца мы вели в счете благодаря голу, забитому Лёвенкрандсом. А в самый последний момент соперник сравнял счет. Победитель не определился и в дополнительное время, в связи с чем был назначена серия пенальти, которые реализовали все, кроме Младена Крстаича. Мяч ушел от «Шальке» в аут.

На пути домой у Андреаса Мюллера зазвонил телефон. Было около одиннадцати ночи, и Мюллер задержался с частью команды, в то время как Клаус Аллофс поставил его в известность, что он намерен взять меня в «Вердер». Разумеется, я не знаю дословно, о чем разговаривали тогда оба руководителя. Я знаю лишь то, что на следующий день мое имя появилось в таблице переходов. В списке, отсортированном по алфавиту, я значился рядом с Санибалом Ораховацем, крайним нападающим из «Карлсруэ», и Джордже Пантичем, голкипером из «Кобленца».

В тот же день был расторгнут мой договор с «Шальке». За чем не последовало никакого прощания или подарков. Никаких цветов. Никаких благодарностей. Ничегошеньки! Я отправил обоим Алтынтопам сообщения и рассказал, что подписал контракт с «Вердером» и тут меня больше не будет. Вот, собственно, и все. По итогам 43 выступлений, одного гола и пять голевых передач. 37 часов я провел в кобальтовой форме.

> Теперь я понял, что в большом футболе не все сводится к твоим способностям. А интриги и политические игры могут стоить тебе карьеры.

Признаться, я совсем не расстроился, что со мной не попрощались. Это было бы совершенно неуместно в данной ситуации. В той команде у меня была всего лишь пара друзей. Так с чего же устраивать мне пышные проводы? Это выглядело бы наигранно и нелепо.

Несмотря на тяжелое расставание, те годы в «Шальке» оказались для меня хорошей жизненной школой. Теперь я понял, что в большом футболе не все сводится к твоим способностям. А интриги и политические игры могут стоить тебе карьеры. А еще, что в клубе у тебя обязательно должен быть покровитель и защитник.

Если бы мне сегодня встретился Андреас Мюллер или Мирко

Сломка, я пожал бы обоим руки. Я был бы настроен очень миролюбиво, и думаю, даже смог бы поболтать на отвлеченные темы. Но не о чем-то личном или серьезном, потому что я потерял к ним всякое доверие.

Я никогда не был бунтарем, как не был и вымогателем. Я не скандалист и совсем не жадный до денег. Я никого не дурачил в «Шальке». Мне было всего 19 лет, и я пришел туда, чтобы осуществить свою мечту – стать выдающимся футболистом. Позднее я часто спрашивал себя, что вышло бы, отнесись я к этому иначе, удалось ли бы как-то избежать этого конфликта. Должно быть, нам стоило четче обозначить свою позицию относительно моих спортивных перспектив, общаясь с Мюллером и Сломкой. Вероятно, нам стоило продолжить переговоры даже после того заявления Мюллера в раздевалке. Но разве у нас была такая возможность? Даже и не знаю. Но то, что они решили вставить мне палки в колеса, было очень несправедливо.

На тот момент Андреас Мюллер был солидным мужчиной 45 лет. Почти два десятилетия длилась его карьера профессионального футболиста. Он изнутри знал устройство этого мира. И я бы хотел, чтобы он осознал, что тогда он почти раздавил меня. С молодым игроком нельзя так обходиться. Вместо того чтобы встать на мою защиту, они допустили, что я был брошен на съедение прессе.

7. Один дома
Не имей сто рублей, а имей сто друзей

В день моей первой тренировки в Бремене ударили морозы. Столбик термометра в течение всего дня ни секунды не продержался выше 4 градусов по Цельсию. Честно говоря, я просто не выношу холод. Мне всегда хочется в тепло. Мне органически нужно тепло. И солнце. Я из тех, кто втягивает голову в плечи во время дождя и пытается укрыться от него. Но не 2 февраля 2008 года. В тот день, несмотря на холода, все было расчудесно.

Оказавшись в раздевалке «Вердера» и переодеваясь в тренировочный костюм, я смаковал каждое мгновение. Рассматривал новых товарищей по команде, занятых тем же. Я рад был видеть эти, в общем-то, хорошо знакомые сцены и слышать привычные звуки, которых меня лишили на целый месяц. Звук отклеиваемого тейпа, с помощью которого некоторые фиксируют натруженные лодыжки. Стук бутс о твердый пол раздевалки. При виде мячей, фишек для разметки поля и тренировочных жилетов мне стало тепло на душе.

Пока Томас Шааф представлял меня и начал объяснять, чего он ждет сегодня от нас на тренировке, я чувствовал в ногах настоящий зуд. Мне не хотелось больше разговоров. Не хотелось стоять на одном месте. Не хотелось слушать. Не хотелось отвечать. Я хотел бить по мячу, бежать, мчаться, совершать подкаты, пасовать и атаковать ворота. Наконец, почувствовать себя настоящим футболистом.

А затем началось. После нескольких дней осадков поле стало скользким. Пока мы только разогревались, уже было ясно, что тренировка сегодня предстоит не из лёгких. Но мне было наплевать. Чувство газона под ногами – наконец-то! – просто окрыляло. Я чувствовал себя жеребенком, которого неделями держали в тесном, темном загоне, а потом вдруг выпустили на волю. Я бросался вдогонку каждому мячу. И пытался перехватить даже те, до которых по определению не смог бы добраться. Допускаю, что на тренировке у меня все время была улыбка до ушей, как у мальчишки, который нашел спрятанные родителями сладости и все их слопал. Наконец-то появился четкий, утвержденный распорядок дня, которого я мог придерживаться. Наконец-то я вошел в привычный ритм жизни.

Мое желание играть не имело границ. В отличие от моих сил. После месяцев, проведенных практически без тренировок, пока я убивал время и переживал за собственное будущее, моя выносливость катастрофически снизилась. Я чувствовал себя окрыленным, но дряблым. В голове был целый карнавал, а вот ноги не слушались. И все же я носился по полю и делал все, что мог.

После первой тренировки я отправился в отель. «Вердер» позаботился о номере, пока у меня не появилось собственного жилья. Они выбрали для меня «Parkhotel», один из лучших в Бремене. Он был расположен прямо посреди Бюргерпарка. Во время чемпионата мира по футболу – 2006 здесь поселили сборную Швеции. В фойе отеля висел автограф Бада Спенсера, который также однажды останавливался здесь. В отеле было все, что только душе угодно. Лишь того, что нужно было мне, не было – моей семьи.

Из-за мерзких заголовков, которые все еще были свежи в памяти людей, я не испытывал ни малейшего желания гулять по Бремену или спускаться в ресторан при отеле, где на меня таращились бы постояльцы. Вместо этого я пользовался рум-сервисом, и мне приносили еду прямо в номер.

Изо дня в день я заказывал себе клаб-сэндвич. Он слегка напоминал мне о том самом тостовом хлебе с кетчупом карри, который я так любил в детстве. И конечно, я разговаривал по телефону с родными и друзьями из Гельзенкирхена.

На тренировках моя душа расцветала, тогда как в отеле на меня наваливалась тоска. Я не любитель отелей. Конечно же, мы, футболисты, пользуемся правом по всему миру останавливаться в самых фешенебельных из них. И я благодарен за это. Но с каждым новым сезоном пребывание в отелях утомляет меня все больше и больше. Тут твоя свобода будто бы ограничена. А жизнь в отеле очень и очень скучна. Долгое время я был занят здесь исключительно просмотром фильмов и сериалов.

Когда я был помладше, то смотрел фильмы пачками. Потом переключился на сериалы, чтобы подольше растянуть интерес. Смотрел, к примеру, американские ситкомы типа «Два с половиной человека». В какой-то момент я пришел к выводу, что надо бы тратить время с пользой, и решил учить языки. Таким образом, я сумел подтянуть свой английский, чтобы чувствовать себя увереннее и допускать как можно меньше ошибок. Но тогда, в составе «Бремена», я практически не отрывался от экрана ноутбука.

Поиск квартиры вносил хоть какое-то разнообразие. Первые несколько недель я выделял по три часа в день на осмотр квартир

и домов, только чтобы немного отвлечься. Каждый раз находилось что-то, чем я оставался недоволен, и на следующий день я шел смотреть новые объекты.

Проведя полтора месяца в отеле, я снял прелестную квартирку с мансардой, где в спальню вела лестница.

Однажды ночью, почти сразу же после переезда, я заслышал шум, который ни с чем не спутать. Детьми мы с братом спали за закрытыми дверями. То обстоятельство, что брат в нескольких метрах от меня, и плотно запертая дверь давали ощущение безопасности. Но сейчас-то я был один-одинешенек и отчетливо слышал скрип ступенек. Я задержал дыхание и прислушался к происходящему в темноте. Ни звука. Не успел я выдохнуть, как раздался еще один шорох. Там кто-то есть, понял я и натянул на голову одеяло. И что из этого? – размышлял я. Черт возьми, что же делать? Телефон лежит на нижнем этаже, там, где я поставил его на зарядку. Свет нельзя было включать ни при каких обстоятельствах, иначе вор тут же поймет, что я дома.

Что-то упало. По крайней мере, это так прозвучало. На этот раз шум раздался откуда-то издалека. Судя по всему, в моих вещах рылись в поисках ценностей. Я решил прокрасться в ванную, которая располагалась тут же, на верхнем этаже рядом со спальней, и забаррикадироваться там. Я осторожно повернул защелку. Затем стал озираться, раздумывая, что бы я мог использовать в случае необходимости защищаться от взломщиков. В шкафу я обнаружил швабру, которой и вооружился.

Я отсоединил рукоятку швабры и прильнул к двери. У меня в ванной не было ни часов, ни радиобудильника, ведь я только что переехал, поэтому сложно было сказать, сколько времени уже прошло. Я дышал ужасно шумно. Они не могли такое не услышать. И это был лишь вопрос времени, когда они меня обнаружат. Отчего-то я был уверен, что по моей квартире сейчас рыскают двое. Ни малейшего шанса с ними совладать: двое против одного. Хладнокровный взломщик против какого-то там меня. Девятнадцатилетний пацан против отпетых преступников. Который собирается обороняться шваброй. Единственное, что я мог сделать, думалось мне тогда, – это застать их врасплох.

Так что я набрал в легкие побольше воздуха, произнес краткую молитву, дернул дверь изо всей силы, одним движением зажег свет и, крича во все горло, со шваброй наперевес обежал всю квартиру. Я слетел по лестнице, проскочил гостиную, рывком открыл дверь кухни и обыскал все комнаты до единого. А-а-а-а-а-а-а! Никого. Входная дверь была заперта. Ни одного разбитого или открытого окна. Куда же они подевались?

Со шваброй наготове я еще раз обошел всю квартиру. И снова никого не нашел. Потому что никого и не было. Меня напугала пара веток, которые на ветру барабанили по стене дома или водосточной трубе. Мое воображение сыграло со мной злую шутку.

После этого случая я много времени провел в дороге. Несмотря на то что мне нравились бременцы, их радушие и открытость – им не была свойственна грубоватая прямота, в отличие от жителей Рурского региона, – при любой возможности я пускался из Бремена наутек. Хотя мне всякий раз было приятно слышать «мойн, мойн» в качестве приветствия. Но не сказать, что поначалу новый город был мне по душе. Я слишком сильно тосковал по семье – родителям, братьям, сестрам и друзьям.

Большинство моих товарищей по «Вердеру» состояли в длительных отношениях. Многие уже обзавелись женами и детьми. Когда мы собирались вместе, я чувствовал себя лишним, явно не вписывался в их компанию. Я не мог поддержать разговор, если он заходил о подгузниках, местах в яслях или о резавшихся зубках. Но тем не менее они приглашали меня и хотели видеть в своем кругу, хотя я чувствовал, что еще не дорос до них. Я радовался попаданию в «Вердер». Но вне игры поначалу приходилось туго.

После тренировки я по обыкновению прыгал в машину и уносился в сторону Гельзенкирхена. По улице Остердайх до выезда на автобан и далее по A1 мимо Оснабрюка и Мюнстера, пока не окажусь дома. Всего 248 километров, то есть два или три часа пути в зависимости от плотности движения.

Километр за километром удаляясь от Бремена, я чувствовал себя лучше и лучше. Мои родители шутя говорили, что мне больше не нужна квартира в Бремене, раз я каждый день собираюсь ездить туда-сюда.

Эти поездки совсем не утомляли. Меня также не смущало то, что я стал меньше спать, ведь наутро мне приходилось выезжать очень рано, чтобы на всех парах примчаться к началу тренировки. Главное, что я несколько часов мог провести с друзьями в привычном окружении.

Проведя в разъездах несколько недель, мы все пришли к выводу, что так не может продолжаться вечно. Ведь за неделю я наматывал около 1500 километров. Нужно было что-то менять, решили мы, пока не понимая, что именно.

Как-то раз, вернувшись в свою бременскую квартиру после выездного матча, я обнаружил, что моя входная дверь распахнута. Действительно, открыта настежь. Теперь уже не было никакой игры воображения. Замок был взломан. Некто незаконно проник в

мою квартиру. Я осторожно просунул голову в коридор и заглянул за угол: «Эй! Есть тут кто?» Ответа не последовало. Я в нерешительности покричал еще в глубь темной квартиры. А потом вызвал полицию.

Тогда ко мне домой действительно залезли грабители. Они все перевернули и украли трое или четверо наручных часов на сумму более чем в 40 тысяч евро. Их я купил на первый крупный гонорар. Практически все детство у меня не было никаких часов. Летом я знал, что пора идти домой, когда зажигались уличные фонари. Так я определял время. Но в подростковом возрасте крутые часы завораживали меня. Так что я мало раздумывал, сколько денег на них потратил. Мне просто очень хотелось иметь часы. А вот радости обладания толком так и не ощутил. Потому что их в мгновение ока у меня украли.

Те роскошные часы были просто загляденье. Мне нравилось видеть их у себя на запястье. Но в тот вечер я понял, что вовсе не дорогие часы способны сделать человека счастливым, а его друзья, которые оказываются рядом в трудную минуту, которые готовы помочь и всеми силами попытаться отогнать всякие страхи, которые могут преследовать оставшегося в одиночестве в огромной, пустынной квартире, куда только что вломился кто-то чужой. Да, именно верные друзья. Как мои ребята из Гельзенкирхена, которых я знал с самого детства.

Настоящие друзья не появляются сами собой. Ни у кого. И к публичным персонам вроде меня это относится в первую очередь. На протяжении моей карьеры мне довелось завести множество знакомств. Встречались и такие, кто хотел подружиться только потому, что мое имя – Месут Озил. В их глазах я был профессиональным футболистом с толстым кошельком. Они хотели проводить время вместе не потому, что считали меня славным и интересным парнем, и не потому, что стремились поближе узнать меня. Им важно было оказаться в моем окружении, чтобы стать ближе к богатству и славе.

Это обратная сторона медали. Мы, профессиональные футболисты, всегда рискуем завести ненадежных друзей. Нам приходится учиться отличать искренность от желания пустить пыль в глаза. Разумеется, и в отношениях с женщинами. Ведь столько девушек разыгрывают высокие чувства со знаменитостями, но это идет не от сердца, а из корысти. И вся их любовь исчерпывается средствами на кредитной карточке. Отвратительно. И на самом деле очень трагично.

Поэтому я всегда очень осторожен во всем, что касается женщин. Я вряд ли решусь сразу же представить родителям свою спутницу жизни. Я считаю, это особый момент. И мне было бы

стыдно знакомить родителей сначала с одной, а потом с другой. Это уже вопрос чести.

> Я хочу жениться один раз и навсегда, когда буду абсолютно уверен, что я встретил ту, единственную.

Мне также кажется удивительным, как рано многие футболисты женятся и заводят детей. А как только футбольная карьера заканчивается и муж пропадает из поля зрения общественности, проходит и любовь.

Это абсолютно не соответствует моему представлению об идеальных отношениях. Я хочу жениться один раз и навсегда, когда буду абсолютно уверен, что я встретил ту, единственную. Только тогда у меня появились бы дети, когда я был бы уверен, что они вырастут под крышей родительского дома в атмосфере любви и заботы. Я считаю, что супружеская клятва – это нечто особенное. А не то, что можно и повторно произнести в адрес нового избранника или избранницы.

На словах мечты о лучших в мире друзьях и об идеальной женщине вроде бы легко осуществить. Но в реальности от тебя требуется – особенно в такой ситуации, как моя, – по-настоящему хорошо разбираться в людях.

И ты сам должен чувствовать себя в своей тарелке. Ведь в жизни бывают такие моменты, когда человек уязвимее, чем обычно, для таких вот притворщиков, совершенно неважно, мужского они пола или женского. А именно, когда тебе уже давно тоскливо и одиноко. Но мне повезло, и со мной такого не случилось. По крайней мере, я недолго оставался один. Потому что вскоре после ограбления ко мне стали регулярно наведываться мои друзья – Барыш, Эркан и Рамазан, кузен Сердар и братец Мутлу, так что мне больше не нужно было разрываться между Бременом и Гельзенкирхеном. Благодаря этому мне стало гораздо спокойнее в своей квартире. Мое окружение само приехало ко мне и, таким образом, оградило от сомнительных друзей.

С тех пор мы жили чуть ли не вместе, прямо как в американском сериале «Красавцы» – одном из моих любимых. В нем показана жизнь начинающего актера Винсента Чейза, которому друзья и знакомые помогают найти свое место в чудном мире Голливуда.

В компании друзей я начал свое знакомство с Бременом. Все чаще и чаще выбирался из дому. Послеобеденное время было отведено тренировкам. А по вечерам мы вместе ходили ужинать, особенно часто в «Вапиано» или «Сабвей». Кроме того, моя мама по телефону взялась учить меня готовке. Нередко мы

разговаривали по скайпу, чтобы она могла демонстрировать мне некоторые кулинарные хитрости. Через несколько недель она добилась, что я готовил почти как повар 80-го уровня. В самом начале она объяснила, как правильно держать нож, затем научила простейшим методам и способам готовки. А потом стала присылать рецепты, по которым мне предстояло учиться. Она отправляла меня за продуктами, и мы вместе готовили пахлаву, турецкий десерт из слоеного теста и прочие вкусности. Так, постепенно, я обживался в Бремене.

8. Футболисты далеки от политики *Нужно действовать, а не разглагольствовать*

В спортивном плане в «Вердере» у меня также сложилось не сразу. Прошло какое-то время, пока я полностью освоился в команде. И хотя мой переход давно состоялся, генеральный директор «Шальке» Андреас Мюллер не смог удержаться, чтобы не вставить еще одну шпильку в мой адрес, и заявил следующее: «Ему хотелось больше играть, а в «Вердере» ему сейчас придется конкурировать с лучшим полузащитником Бундеслиги – Диего. Вот и посмотрим, окажется ли он задействован в большей степени, чем был у нас».

А ведь все действительно складывалось не лучшим образом. Меня выпускали понемногу, но хвалили за мой вклад. Вот что сказал председатель правления «Вердера» Юрген Борн, когда я отыграл свои 30 минут в матче с «Баварией»: «Он выполнил пару таких пасов пяткой, от которых у противника голова пошла кругом».

Но в основном составе я так и не закрепился. Однажды сам Томас Шааф заговорил со мной о том, что подумывает выпустить меня в грядущие выходные во втором составе. Это был тревожный звоночек. Я перешел в бременский «Вердер» не для того, чтобы играть во втором составе.

Я вспомнил Норберта Эльгерта и то, как он учил нетерпеливо выжидать. «Если для новичка мир кончается, когда он не может добиться мгновенного успеха, это дурной знак. Хорошего нет и в том, если у начинающего футболиста ничего не зудит внутри в случае, когда он не развивается дальше и малодушно сдается, как бы говоря: «Ах, однажды я все равно добьюсь своего».

Так что я позвонил своему агенту и обрушился на него: «Если ты допустишь, что меня поставят во второй состав, у нас будут большие проблемы. Помешай этому. Я пришел в «Вердер», чтобы играть. Я тут, значит, надрываюсь. Выкладываюсь на тренировках. Делаю все возможное, чтобы двигаться дальше. Но если в результате на выходных мне придется играть во втором составе, я буду искать себе нового спортивного агента».

Я был раздосадован. И этот срыв случился не из-за взыгравшего самолюбия. Или нетерпения. Я был уверен, что моя карьера заглохнет, прими я подобное предложение. «Если этот шаг будет сделан, – заявил я агенту, – то я окажусь в

затруднительном положении. Тогда они будут снова и снова предлагать мне только второй состав. То, что было сделано в виде исключения, возьмут за правило. Я должен отказаться. Я хочу выступать в Бундеслиге. Мои товарищи по команде говорят, что у меня для этого есть все данные. Они меня так подбадривают. Позаботься же о том, чтобы этого не случилось!»

Мой агент заверил, что возьмет это на себя. «Я все улажу. Не беспокойся». Через час он перезвонил и объявил: «Тебя не поставят во второй состав в эти выходные. И в следующие тоже. Ты – основной игрок. А сейчас поезжай на пару дней к родным, отвлекись. Выбрось всю эту историю из головы, а потом возвращайся».

Разумеется, я остыл далеко не сразу. Вместе с парнями мы поехали домой. Играли в карты. Ходили в кино. О футболе не говорили ни слова.

Некоторые отказываются верить, что футболисты имеют собственное мнение. Мы должны выглядеть безукоризненно, держаться бесстрастно и ко всему относиться поверхностно, а также ни слова не говорить наперекор. Мы-де ратуем лишь за интересы клуба или преследуем свои собственные, даже не пытаясь при этом мыслить критически. Нас часто критикуют за то, что мы якобы разговариваем заученными фразами и неохотно высказываемся по поводу острых общемировых вопросов.

Я думаю иначе. Если это касается меня и моей карьеры, мне не составляет труда доходчиво изложить свою позицию, о чем красноречиво свидетельствует тот случай, когда меня пытались сослать во второй состав. Тогда я донес свое мнение и до агента, и до руководства клуба. Я озвучил возможные последствия для устрашения и четко обосновал свою точку зрения. Как, кстати, и в случае с «Шальке», я остался твердым и вынес давление, оказываемое на меня с нескольких сторон. Разве это признак безволия? Не думаю!

Вот и этот случай я не стал придавать огласке. Разве бы я добился своего, если бы надавил на «Вердер» с помощью прессы? Восприняли бы меня всерьез как сильного и независимого футболиста? Определенно нет.

И почему бы нам, футболистам, не высказывать свою позицию по вопросам, касающимся мировой политики или общественных проблем, если от нас так часто этого ожидают?

Разумеется, у меня есть собственное мнение по самым разным вопросам. В мире есть то, на что я досадую. То, что меня огорчает. И злит. Но дает ли мне это право носиться со своими взглядами и соваться в каждую камеру? К тому же в наше время часто бывает так, что из какого-то обрывка фразы в СМИ делают

сенсацию. Маленькое замечание превращают в жесткую критику, чего не желал ни один из высказавшихся. Подобное напряжение, в свою очередь, отражается на спортивных достижениях. Разве мы обязаны отвечать на каждый вопрос журналистов?

Луи ван Гал в бытность тренером «Баварии» часто делал публичные заявления без всяких обиняков. Он признался, что его дочери обращаются к нему на «вы». «Раньше так было принято в Нидерландах. Но и сейчас я требую того же от собственных дочерей. Я нахожу, что подобная дистанция необходима. Мы с детьми в дружеских отношениях, они души во мне не чают. Но я – представитель старшего поколения, и это они обязаны иметь в виду. Моя младшая никогда не была против обращения на «вы». В отличие от старшей».

После такого заявления он прослыл в СМИ «чудаком». Но заслуженно ли? Ведь это его дело – решать, как к нему будут обращаться. И потом, это не имеет никакого отношения к его профессиональным качествам. Если он раскрывает такую подробность о личной жизни, нельзя, чтобы его за это высмеивали. Не стоит удивляться, если в последующих интервью он будет высказываться уже более односложно и размыто, учитывая такую реакцию.

Порой тебе задают такие вопросы, что, как бы ты ни ответил, получится нелепо. Я ни разу не политолог и не изучал досконально историю всех стран, принимающих чемпионаты мира или Европы. И дело вовсе не в отсутствии интереса. Я футболист, за что, собственно, мне и платят деньги. Меня кормят дриблинг, «стенки», выходы один на один, голевые передачи и голы. А не политические заявления, которые хоть и гремят на весь мир, но не приводят к изменениям.

В преддверии чемпионата Европы по футболу – 2012, принимаемого Польшей и Украиной, Немецкий футбольный союз набросал примерные варианты ответов на случай, если представители СМИ попросят нас высказаться по поводу украинской политической ситуации и Юлии Тимошенко[8]. «Мы не хотим запрещать игрокам касаться темы Украины, но в сложившейся (!!!) ситуации считаем не самым разумным решением высказываться по данному вопросу. Даже Йоахим Лёв и Оливер Бирхофф неизменно воздерживались от комментариев, несмотря на запросы журналистов». Всем членам сборной было рекомендовано в случае необходимости придерживаться трех формулировок, заготовленных Немецким футбольным союзом, которые, цитирую, «каждому можно использовать на выбор».

Я считаю проявлением ответственности решение Немецкого футбольного союза обеспечить нас такими заготовками. Игроки

национальной сборной не оказались брошенными на произвол судьбы, нас подготовили заранее. Было бы самонадеянно считать, что подобные внутренние предписания являются следствием превышения полномочий руководством сборной или ведут к ущемлению свободы слова. Вместе с тем важно, чтобы у игрока не создалось впечатления, что его пытаются вынудить отказаться от собственных убеждений. Подобные заготовки должны быть даны лишь в качестве подсказки или в форме рекомендации, чтобы не ограничивать нашу самостоятельность.

Мой принцип таков: никому не позволять диктовать, что, когда и где я должен говорить. Никто не смеет навязывать мне свое мнение, даже Немецкий футбольный союз.

Бессменный спортивный комментатор телеканала ZDF Бела Рети однажды отпустил такой критический комментарий: «Многие профессиональные футболисты напоминают выпускников частных школ в Британии, которых круглые сутки опекают. Разве что за чистотой ногтей не следят. Юным спортсменам внушают, что они – сокровище. Им втолковывают, что там, снаружи, жестокий мир, где их так и норовят обидеть».

О том, что к нам, спортсменам, круглыми сутками приковано внимание общественности, Бела Рети как-то подзабыл. Мы должны рано повзрослеть и, в отличие от обычных подростков, не имеем возможности набивать себе шишки где-то в стороне. Если ты спортсмен и придерживаешься вполне определенных взглядов, это еще не дает тебе права высказывать свое мнение на каждую камеру или диктофон.

Бела Рети утверждал еще кое-что: «У публичных людей, собаку съевших в общении с медийщиками, особо не получается брать интервью». С этим я также готов поспорить. Нельзя так смело обобщать. Например, я имел подобный опыт. После чего раз и навсегда уяснил, что «не к месту сказанные слова в эпоху социальных медиа могут иметь необратимые последствия». Ко мне пришло понимание, как легко одна-единственная нелепая фраза может сорваться с языка и как потом ее будут обсасывать.

Из этого общения я вынес для себя очень многое. Но в последующих интервью я наговорил такого, что сам себя не узнал, и это мне не понравилось. Ясное дело, было бы гораздо лучше, если бы я мог строить карьеру футболиста без опеки такого рода. Если бы я мог говорить так, как умею. Не переживать и не опасаться, как бы не наговорить лишнего. Если бы я отвечал то, что придет в голову. И не изменял бы себе.

Если я могу лично повлиять на что-либо, то я действую – для меня это имеет решающее значение.

Именно поступки, а не болтовня.

Уверен, что игроков, которым не помешала бы подготовка перед общением со СМИ, предостаточно. Но я не из их числа. И если мои ответы неугодны журналистам вроде Белы Рети, мне нет до этого дела. Если я могу лично повлиять на что-либо, то я действую – для меня это имеет решающее значение. Именно поступки, а не болтовня. Кому это принесло бы пользу, выскажись я тогда по поводу украинского конфликта во время чемпионата Европы? Абсолютно никому! И впрочем, тот факт, что ЧЕ проходил именно на территории Украины, был примечателен. Почему? Да потому что, помимо всего прочего, удалось бы поправить положение пары-тройки детей. А именно с помощью благотворительной организации «BigShoe», в спонсировании которого я принимал участие.

Запуск «BigShoe» состоялся в 2006 году. Футбольные фанаты с Боденского озера, где расположилась национальная сборная Того во время чемпионата мира, решили собрать деньги на срочное лечение маленькой африканки Нурриссон. За первым добрым делом последовали другие. Организация все ширилась и ширилась и в течение последующих лет помогала детям в странах —хозяйках чемпионата, а именно в ЮАР, Польше, Украине, а также Бразилии. В «BigShoe» работает команда врачей, которые в основном проводят операции по коррекции заячьей губы и волчьей пасти. Также они устраняют деформации на ногах, руках и лицах, а также следы от ожогов – настоящая беда в развивающихся и в новых индустриальных странах, где сидят у костра ради того, чтобы сберечь керосин; лечат они и пороки сердца.

После победы на чемпионате мира в 2014 году я пожертвовал часть своих премиальных этой организации. В результате в полевом госпитале прямо посреди джунглей, в городе Коруата на северо-западе Бразилии, прооперировали 23 детей. Вот каким образом я внес свой общественный вклад – совсем не трескотней.

Именно в связи с этим в 2016 году у меня появилась идея отправиться в путешествие по Ближнему Востоку, которое так активно освещалось в СМИ.

Если честно, мне что-то мешает, даже в этой книге, открыто рассказывать о той поездке. Ведь я путешествовал по тем краям не для того, чтобы меня встречали как героя. Это не планировалось как пиар-трюк. Не было средством для улучшения имиджа.

Так зачем же я описываю сейчас все это? Из-за Александра Гауланда. Того самого вице-председателя партии «Альтернатива

для Германии», который совершенно невообразимым образом незадолго до начала чемпионата Европы высказался в связи с моим путешествием и очень резко осудил мой поступок, хотя мы даже не были знакомы и он определенно не мог знать, что я за человек и что у меня в голове.

Он и его однопартийцы посчитали своим долгом раскритиковать меня за то, что в свободное время я посетил Мекку и опубликовал в твиттере свою фотографию на фоне Каабы – главной мусульманской святыни. Вначале в саксонском отделении «Альтернативы для Германии» заявили, что это был «антипатриотичный сигнал», а затем Гауланд в интервью журналу «Шпигель» неодобрительно отозвался о моем путешествии с позиций партии, «которая не считает ислам частью Германии». И прибавил пару фраз от себя: «В связи с тем, что я не интересуюсь футболом, меня не слишком заботит, в каких местах бывает господин Озил. Но государственным служащим, учителям, политикам и власть имущим я обязательно задал бы вопрос: неужели тот, кто совершает паломничество в Мекку, вписывается в систему германской демократии?» По его мнению выходило, что «исламу не место в Германии».

На фоне таких заявлений я могу только покачать головой. И ни в коем случае не буду распространяться об этом человеке, иначе может создаться впечатление, что он заслуживает большего внимания. Ведь я не политик, а футболист. А еще я – человек. Обычный человек, который желает помогать, если у него есть такая возможность. Делами, а не речами. И именно по этой причине, чтобы помочь, в начале 2016 года, в преддверии подготовки к ЧЕ, я отправился в лагерь беженцев в Иордании и после этого визита решил посетить Мекку, раз уж я оказался в тех краях.

Идея путешествия родилась около полугода назад. В ноябре 2015 года я познакомился с иорданским принцем Али бин Аль-Хусейном. В том же году он выступил конкурентом Зеппа Блаттера на выборах президента ФИФА. Очень хороший человек, который получил образование в Англии и США. Его сестра Хайя некоторое время занимала пост президента Международной федерации конного спорта. Сам он с 23 лет руководит Федерацией футбола Иордании. За это время ему удалось отстоять право девушек играть в футбол в платках. А еще принц Али оказался большим поклонником лондонского «Арсенала»!

Одним ноябрьским вечером, когда шел проливной дождь, так что вода выливалась из подземных коллекторов, мы встретились за ужином и вначале вели очень непринужденный разговор. Речь зашла о «Лестер Сити», в то время совершенно неожиданным

образом возглавившем турнирную таблицу после 13 туров, опередив «Манчестер Юнайтед», «Манчестер Сити» и нас. Мы одержали победу в восьми матчах, разрыв между командами был очень небольшой, и нам не хватало каких-то двух очков до вершины.

«Кто победит?» – допытывался у меня принц Али.

На что я, конечно же, грянул, как из револьвера: «Арсенал!»

В ходе вечера мы понимали друг друга все лучше и лучше. Легкая беседа превратилась в занимательный обмен мнениями. Принц Али упомянул о детях из лагеря беженцев в Иордании, которые на себе прочувствовали тяготы войны в Сирии и вынуждены были бежать из родной страны в страхе за свою жизнь. Совсем еще маленькие дети, переживающие столько лишений просто потому, что они имели несчастье родиться в тяжелое время в опасном месте. «К некоторым судьба просто чудовищно несправедлива», – заметил принц Али. Под эгидой своего фонда он выстроил футбольную площадку, чтобы те дети имели возможность отвлечься, играя с мячом, хотя бы на несколько часов.

В тот же вечер мы условились, что вместе отправимся в лагерь к беженцам. «Арсенал» и так уже однажды просил меня слетать в Дубай на встречу с «Эмирейтс» – спонсорами клуба. Однако я только что отказался от этой поездки. Но я мог бы, сказал я принцу Али, поехать в Дубай в следующем году и оттуда сразу же направиться в Иорданию, чтобы за один раз осуществить и то и другое. На том и порешили – совершить недельное путешествие по Среднему Востоку сразу после окончания футбольного сезона 2015/16.

В идеале я бы хотел совершить подобное путешествие как частное лицо и без огласки в прессе. Но так не вышло, ведь «Арсенал» и принц Али были единодушны во мнении, что мое посещение лагеря беженцев содержит важный посыл. С этим было трудно поспорить. Так что я дал согласие на публикацию нескольких фотографий оттуда. А все поступившие просьбы об интервью по теме беженцев я отклонил. Впоследствии, когда стало известно о совершенной мной поездке в иорданский лагерь, представители некоторых СМИ пытались добиться от меня комментариев. «Можешь, к примеру, сказать что-то типа, все страны Европы должны взять на себя заботу о беженцах», – предлагал мне один журналист. Но именно этого-то я и не хотел. Моя цель не сводилась к тому, чтобы породить кучу заголовков, я хотел всего лишь поддержать тех детей в непростое для них время. А вот привлечение внимания общественности при помощи фотографий казалось мне вполне приемлемым.

Поездку в Иорданию, с заездом в лагерь беженцев на один день, через Дубай и Абу-Даби я совершал в компании друзей, то есть Сердара, Рамазана, Эркана, Эрдала и Эркута. Ухабистая дорога вела в Заатари, крупнейший лагерь беженцев арабского мира. Там живет около 85 тысяч человек. И ежедневно на территории этого гигантского временного убежища среди бесконечных рядов белых палаток и контейнеров рождаются малыши, чтобы вести жизнь беженцев.

Этот лагерь был открыт в 2012 году. Он располагается всего в нескольких километрах от погранперехода Джабер. И окружен колючей проволокой. Как объяснил мне сотрудник Управления по делам беженцев (УВКБ), перед тем как отправиться в лагерь, «Заатари умышленно не задумывался как город с прочными домами. Не стоит думать, что он останется здесь навсегда. Мы не хотели производить впечатление, что здесь можно осесть».

Половина обитателей Заатари – несовершеннолетние. Однако дети имеют возможность посещать школу. Впрочем, многие из них плохо спят. Из страха, что снова начнутся взрывы, как только они закроют глаза, по ночам они стараются не засыпать. «В Заатари мало приятного, – рассказал мне представитель той организации. – Но тут можно поесть и, что важнее всего, почувствовать себя в безопасности». И это действительно первостепенное благо для детей.

Как только я вышел из машины, ко мне тут же подбежал маленький паренек. На вид ему было лет десять. На нем была надета хорошо известная мне форменная футболка мадридского «Реала» с номером 10 и моей фамилией. «Я – это ты в детстве, – важно сообщил мне парень и больше ни на шаг не отходил от меня. Когда я обнял его за плечи, он прижался ко мне и улыбнулся: – Пошли, покажу, где мы играем в футбол», – позвал он и потянул меня за руку.

Мне никогда не забыть тот момент. Да, знаю, что это заезженное, ничего не означающее выражение, если оно брошено походя. Но я говорю абсолютно серьезно, пусть мне и трудно подобрать нужные слова, чтобы описать эти трогательные мгновения. Я знаю, что этот маленький человечек пережил в своей жизни то, что будет вечно его преследовать. Что в его памяти запечатлелись такие картины разрушений, вид которых не вынесли бы многие взрослые. Этот мини-Месут за всю свою жизнь имел не так-то много поводов для веселья. Но в тот день на его лице сияла широкая улыбка. Его глаза сияли и излучали такую радость жизни, пока мы вместе шагали по полю, и это было так заразительно. Как бы мне хотелось никогда его от себя не отпускать!

Когда я был маленьким, у меня самого было не так много. Но когда я оглядываюсь на свое детство, то по сравнению с этими детьми могу назвать его золотым. Мне не нужно было бояться за свою жизнь. Мне ни разу не приходилось прятаться от солдат. Я мог играть в футбол, и, в отличие от этих маленьких созданий, мне открылись пути, чтобы чего-то добиться в жизни.

Когда я ступил на футбольное поле, то увидел, как внезапно заулыбались дети. До меня донеслись беззаботные крики и радостная возня. Я мог наблюдать их беззаботность, пока они играли со мной или против меня. Я понимаю, что после моего визита мир не стал лучше. Было бы наивно предполагать обратное. Но я горжусь тем, что смог подарить радость этим детям хотя бы на один краткий миг. И мне было важно увидеть своими глазами, как другие люди на планете вынуждены бороться за существование. Тот, кто однажды побывал в Заатари, поймет, как ничтожны и незначительны порой бывают его собственные проблемы.

Следующим на очереди этапом, завершающим мое путешествие по Среднему Востоку, было вышеупомянутое посещение Каабы в Мекке – важнейшей мусульманской святыни. Она располагается во внутреннем дворе Заповедной мечети и почитается в нашей религии как древнейший храм на Земле. В детстве я постоянно слышал разговоры о Мекке и Каабе. Как дома, у родителей, так и в мечети, когда мы присутствовали на богослужении. Каждый мусульманин, который в состоянии совершить паломничество, должен побывать в Мекке, чтобы напомнить себе о Боге, его заповедях и его человеколюбии. До этого я столько всего слышал и читал о Мекке. Мне было просто необходимо попасть туда хотя бы раз. Ощутить самому, что это такое. Увидеть собственными глазами и набраться впечатлений. В каком-то смысле посещение Мекки для меня было сродни посещению Ватикана верующим католиком.

Более двух миллионов человек поставили отметку «мне нравится» под моим фото у Каабы, который я намеренно сопроводил хэштегами: #Mecca #HolyCity # SaudiArabia #Islam #Pray. Там выстраивались целые очереди, чтобы сфотографироваться со мной. Особый восторг испытала молодежь из Индонезии, совершенно не ожидавшая меня там увидеть.

Штефан Кузмани на страницах «Шпигеля» дал следующую оценку моему путешествию и тому самому твиту: Месут Озил «не делает секрета из своей религиозной принадлежности, он уже несколько лет назад открыто заявил об этом. Оттого-то это фото более красноречиво, чем все его прошлые интервью. Это с гордостью продемонстрированная причастность», – написал он. И

то, как буднично это было сделано, якобы «является весомым аргументом в дискуссии о роли ислама в Германии. И если кто-то радуется за него, немецкого спортсмена и любимца публики, ключевого игрока, чемпиона мира 2014 года, тот сам ответит на вопрос о принадлежности ислама точно таким же будничным образом, как это сделал Озил, опубликовав фото во время своего паломничества. Разумеется, это является частью культуры Германии. Иначе вышло бы слишком горько: раз чемпион Месут Озил, который показал, что он еще и верующий человек, не имеет отношения к Германии, то в таком случае у нас нет оснований считать себя чемпионами мира».

Мне было радостно увидеть подобный вывод в «Шпигеле». Ведь этот новостной еженедельник никогда не был обо мне высокого мнения. В разгар чемпионата мира по футболу – 2014 вышла статья обо мне, где говорилось о том, что я не произвожу особого впечатления как публичная личность.

Газета «Tagesspiegel», напротив, назвала мой твит из Мекки «оскорблением» и добавила: «Эта фотография вряд ли кого-либо может оставить равнодушным. Она завораживает своим чужестранным, почти экзотическим колоритом. Месут Озил предстает на ней кротким верующим. Это необычно, это смущает, особенно в Германии и в целом в Европе, на этом древнем и очень темном в отношении религии континенте <…>. Фото, опубликованное Озилом, напоминает нам, что вера в глобальном смысле – это нормально, а вот неверие, напротив, отклонение от нормы».

Должен оговориться, что я не хотел никакого шума вокруг своей фотографии. И я также не мучаюсь вопросом о нормальности своей веры. Это часть моей жизни, ни больше ни меньше. Вера дает мне силы и позволяет не сбиться с пути. Благодаря вере я научился относиться к другим с уважением и любовью к ближнему, особенно если они имеют гораздо меньше, чем ты. Если в результате моего путешествия в мире прибавилось взаимопонимания, то меня это, разумеется, не может не радовать. Ведь я уяснил себе, когда-то стоя в «обезьяньей клетке» в Гельзенкирхене, а позже оказавшись в Иордании, одну очень важную вещь: большинство людей в основе своей похожи, неважно, во что они верят. Они стремятся к достойной жизни – и хотят дождаться шанса, чтобы осуществить свои мечты.

9. Кунг-фу Визе
Сплоченность команды в бурные времена

После того как я пережил вынужденный тайм-аут в бременском «Вердере», игрового времени мне по-прежнему не хватало. В каком-то из матчей, когда я должен был выполнять штрафной, ко мне обратился даже судья: «Почему Шааф не дает тебе чаще выступать?» Мне показалось, что я ослышался. Судья, самый объективный участник игры, удивляется тому, что я недостаточно времени провожу на поле? Он что, правда об этом спросил? В то время как я уставился на него в недоумении, он добавил еще кое-что, после чего у меня не осталось больше сомнений, что мне померещилось: «С тобой «Вердер» играет совсем по-другому, гораздо лучше!»

После этой похвалы я укрепился в мысли, что правильно сделал, когда решительно запротестовал против перевода во второй состав. Я был на верном пути. И пусть даже я гораздо охотнее играл бы в стартовом составе, я сохранял спокойствие и с тех пор доверял всем решениям Шаафа. Было бы попросту неприлично, если бы я начал возмущаться или иным образом вносил сумятицу внутри команды. Ситуация и без того была непростой.

По итогам первого круга Бундеслиги в конце 2007 года «Вердер» делил с мюнхенской «Баварией» верхнюю строчку турнирной таблицы. Обе команды набрали по 36 очков, причем у «Вердера» было забито на 11 голов больше. «Арминия» из Билефельда была разгромлена на стадионе «Везерштадион» со счетом 8:1. «Байер» из Леверкузена получил от нас пять голов. Но и пропустили ребята Шаафа на 16 голов больше, чем лидеры по этому показателю.

В ходе первого круга команду постоянно преследовали травмы. Один только Патрик Овомойела отсутствовал с середины сентября до конца января из-за проблем с бедром и пропустил 19 матчей. Во втором круге невезение лишь усилилось. Торстен Фрингс пропустил 12 матчей из-за разрыва внутренней связки колена и вернулся в наши ряды лишь в середине марта. За этим последовала травма сустава, из-за которой он пропустил еще один матч. Иван Кланич в марте дернул мышцу и пропустил четыре тура за три недели. Диего, в свою очередь, пропустил по одному матчу из-за проблем с лобковой костью и бедром

соответственно. Пер Мертезакер пропустил в марте две игры после того, как на 89-й минуте матча со «Штутгартом» он неудачно затормозил, вылетев за пределы поля. Эта череда травм не обошла стороной ни Даниэля Йенсена, ни Тима Боровски.

Неудивительно, что наши результаты были нестабильны. Мы проиграли матч с «Бохумом». Сыграли вничью с «Баварией». В начале марта матч со «Штутгартом» закончился позорным поражением со счетом 3:6, с «Вольфсбургом» мы сыграли 0:1, с билефельдской «Арминией» – 1:1, а с «Дуйсбургом» – 1:2. Семнадцать недель подряд мы занимали второе место в таблице и дышали в спину мюнхенской «Баварии», но тут внезапно скатились на пятое.

«Вердер» разбит в пух и прах» – заслуженный заголовок опубликовала газета «Бильд», попутно укоряя нас в отсутствии воли *к победе* и дисциплины, что также было недалеко от истины.

После того как в $^1/_8$ финала Кубка УЕФА мы уступили «Глазго Рейнджерс», Диего и Ааро сцепились друг с другом в раздевалке. Что я не считаю таким уж зазорным. В команде иногда нужны такие потрясения. И игроки должны расходиться во мнениях. Это показатель того, что команда живет и у ней еще есть порох в пороховницах.

Гораздо хуже, по моему мнению, было бы, если команда переживает поражение или неудачное выступление безо всяких эмоций. Когда просто договариваются двигаться дальше, не давая волю негативу. Но порой важно и пошуметь, с ревом выразить свое негодование, поспорить об ошибочных передачах или чьем-либо упрямстве. Это может принести облегчение, до тех пор, пока подобный разговор остается мирным. Вполне допустимо поворчать и дать выход своему гневу, но не превращать это в обмен обидными замечаниями, переходя на личности. Ведь на следующий день, встретившись снова, нужно будет как-то смотреть друг другу в глаза и продолжать испытывать взаимное уважение.

Что абсолютно неприемлемо, так это применение физической силы в отношении членов собственной команды и тем более – рукоприкладство. А именно это и произошло в самом начале моего пребывания в «Вердере»: на одном тренировочном матче Налдо толкнул Саного в живот, пытаясь отобрать мяч. Тот согнулся пополам от боли на траве. Я почти уверен, что это было не нарочно. Вот и Налдо в свое оправдание сказал: «Я тебя не заметил». Извинений от него не последовало.

А немного погодя уже сам Налдо повалился на траву. При очередном отборе мяча Саного пребольно зарядил ему по голени.

Какой лакомый кусочек для СМИ. Просто поразительно, как

ситуацию разрешили Томас Шааф и Клаус Аллофс. На публике тренер защищал свою команду. «Я всегда был забиякой. И если кто-то желает вступить со мной в схватку, вот он я, прошу», – ответил на критику Шааф, встав на защиту результатов своей работы и своих игроков. Преуменьшая значение атаки Саного против Налдо, он заявил, что не собирается прилюдно очернять никого из футболистов в угоду журналистам, «чтобы им было о чем написать».

В точности так же, как и тренер, нас поддержало и руководство клуба. Аллофс подчеркнул: «Я ни в чем не вижу ошибки тренера, я и сам всегда присутствую на тренировках».

А вот между собой велись уже совсем другие разговоры. Шааф отменил выходные по воскресеньям и нередко назначал по две тренировки в день. Нас заставили бегать и отжиматься, пока не заболят руки. Кроме того, он вдалбливал нам: «Если наша команда не будет сплоченной, у нас нет никаких шансов в будущем».

Вдобавок из раздевалки исчез настольный футбол, который так помогал отвлечься. И тут стоит отметить, что такая мера наказания кажется мне не самой удачной. Настольный футбол никак не влияет на исход настоящих матчей. Отнимая игрушки, обычно наказывают детсадовцев, а не профессиональных футболистов.

Томас Шааф – особенный тренер. Очень хороший тренер с невероятно глубоким пониманием тактики и четкими идеями, его можно даже сравнить с Жозе Моуринью. Он редко смеется. На самом деле вообще не смеется, за исключением случаев, когда он на тренировке прокатил мяч между ног у меня или Себастиана Бёниша. Нужно просто принять, что Шааф не из тех вечно улыбающихся людей, которые в неизменно хорошем настроении носятся по полю. Но это и не входит в его задачи.

> Я не знаю второго такого тренера, который был бы таким либеральным, как Моуринью. Единственное, чего он требовал от нас, – стопроцентной отдачи на поле.

С самого начала профессионального пути я стараюсь перенять у каждого тренера лучшее, что в нем есть. Подход Шаафа к наказаниям я определенно не стану заимствовать. В этом Моуринью просто недосягаем. Игрокам «Реала» он никогда не запрещал ходить на вечеринки. И его действительно нисколько не волновало, что у нас творится в личной жизни. Моуринью не устанавливал никаких запретов. Его также не раздражало, если мы говорили в раздевалке по телефону. Нам можно было писать сообщения, и даже если кому-то звонили за минуту до начала

тренировки, это было вполне нормально. Я не знаю второго такого тренера, который был бы таким либеральным, как Моуринью. Единственное, чего он требовал от нас, – стопроцентной отдачи на поле. Он хотел, чтобы там мы сконцентрировались только на футболе и ни на что не позволяли себе отвлечься.

Когда его что-то не устраивало, он давал нам об этом знать по-другому. Его замечания становились изощреннее. К примеру, как-то раз на отдыхе я соблазнился сигаретой и сделал пару затяжек. Очень глупо. И не к лицу профессиональному футболисту. Об этом и говорить не стоит. Но тогда мне вдруг захотелось. Мы отдыхали с друзьями на яхте. На протяжении футбольного сезона живешь как аскет, воздерживаясь от выпивки, сладостей и нездоровой пищи. А тут внезапно подвернулась эта пачка сигарет, солнце припекало, и у меня возникло желание.

Разумеется, меня засек папарацци с расстояния в добрую сотню метров, который, сидя в надувной лодке, запечатлел Озила, дымящего сигаретой. Когда мы вернулись в Мадрид и собрались на первой тренировке, Моуринью взял маленькое вступительное слово. Он всех поприветствовал, сообщил, что от нас ожидается. А затем вытащил листок с несколькими фотографиями и высоко поднял его. На одном снимке был я на яхте, весь из себя, с сигаретой, зажатой в уголке рта. Обнаженный торс, солнцезащитные очки, голубое небо и море. На другой фотографии был запечатлен один из моих сотоварищей. Фабиу Коэнтрау, наш левый защитник, стоял в темном углу в шапке, надвинутой на лицо, и также покуривал. «Есть два типа футболистов, – подытожил Моуринью, все еще державший фотографии над собой. – Шикарные, как Месут. И футболисты без шика».

Все засмеялись. Но, разумеется, мы поняли, что на самом деле стояло за этими словами. Моуринью хотел продемонстрировать нам, что он в курсе, как непрофессионально мы вели себя на отдыхе, и он ни коем случае это не поощряет. Но ему было достаточно донести это до нас таким образом. Он мог бы дать волю ярости и гораздо более явно выразить свое недовольство нашим проступком. Но Моуринью предпочел оставить это на нашей совести.

Тем временем «Вердер» понемногу возвращался в форму. Прекратив съезжать вниз по турнирной таблице, мы выиграли матчи с командами из Берлина и Ростока, а также у «Шальке», суммарно забив девять голов. И вот наступило 26 апреля. Мы встретились с «Карлсруэ» на стадионе «Вильдпарк». Благодаря Себастиану Фрайсу хозяева стали вести в счете. Диего забил

ответный мяч. На 29-й минуте Тим Боровски дал мне пас, и я ударил левой. Это был определенно не самый удачный мой удар. Подпрыгивая, мяч пролетел около 20 метров по направлению к воротам. Ужасно жалкое зрелище. Уж лучше бы его сочли пасом назад. Я ожидал, что вратарь «Карлсруэ» Маркус Миллер со смехом примет мой мяч и снова введет его в игру. Но вдруг оказалось, что мяч в воротах. Мой корявый ударишко вернул нам преимущество в счете, а все потому, что маленький бугорок изменил направление мяча, что неприятно удивило Миллера. Мой первый гол в Бундеслиге! Тем самым я стал девятнадцатым по счету игроком «Вердера», забивавшим в ходе сезона, настоящий рекорд, который за время существования чемпионата удавалось установить далеко не каждой команде.

Бесчисленное количество раз я пересматривал на YouTube момент, когда забиваю гол. Я без устали жал на кнопку «Повторить», чтобы снова запустить видео длиной в 30 или 40 секунд. Первый гол в Бундеслиге опьяняет не меньше, чем первый матч. Разве что счастье накатывает на тебя гораздо неожиданнее. В ночь перед моим первым матчем в Бундеслиге я уже пребывал в блаженстве. А пика мои чувства достигли, когда я стоял за боковой линией, незадолго до того, как резервный судья показал электронное табло, оповещая о замене. В преддверии гола ничего подобного не бывает, ведь ты не можешь знать наверняка, что вот-вот забьешь.

Я проводил взглядом мяч, отскочивший от моей ноги к Миллеру. В голове пронеслось: «Как по-дурацки вышло». И затем, когда мяч оказался в воротах, я поначалу не мог понять, что произошло. И, на ходу соображая, как же так получилось, что в итоге он прилетел прямиком туда, я уже в ликовании бежал по полю. Без четкого осознания. Я пришел в себя, только когда меня обхватило множество рук, стали гладить по голове, лохматить волосы и похлопывать по спине. «Я забил. Забил», – твердил мой внутренний голос. И я улыбался так широко, что у меня даже заболели скулы.

Но радость длилась недолго. Ибо Себастиан Фрайс в тот вечер забил нам еще один мяч. А после гола Эдмонда Каплани нам пришлось довольно долгое время провести в отстающих, пока Бубакар Саного, наконец, не сравнял счет.

Мы одержали победу в последовавшем далее матче с «Энергией» из Коттбуса. А следующим номером программы было северное дерби с «Гамбургом». Та игра стала одной из напряженнейших в моей жизни – в том числе среди тех, которые я только наблюдал со скамейки запасных.

Тогда все были на взводе. Игроки без конца пресекали

попытки друг друга отобрать мяч, не желая отступать. Ведь бременец не имеет права проиграть гамбуржцу. Это исключено. Поэтому все так и держались, что меня просто поразило. Концентрация на поле была предельной. Каждый действовал так, будто хотел сказать: со мной ваш номер не пройдет! Чего ты, крошка-гамбуржец, надеешься здесь достичь? Каждый устремлялся в погоню за мячом. Не простаивая ни секунды. Без тени усталости бросаясь отражать контратаки.

Когда одного футбола уже не хватало, в ход шли толчки, пинки и всяческие шпильки. Даниэль Йенсен дерзил. Тим Боровски пихался. Угу Алмейда нецензурно высказался в адрес противника. Лишь бы запугать! Но гамбуржцы не поддавались. Паоло Герреро двинул Тиму Визе локтем. Венсан Компани таким же грубым образом задел Диего.

К началу второго тайма с поля удалили Франка Баумана, который схватил за футболку Рафаэля ван дер Варта. Юрица Врањеш также схлопотал красную карточку за удар, пришедшийся Тимоти Атубе по лицу. Ко всему прочему, мы набрали пять, а «Гамбург» – три желтые карточки. «Тут случались такие же захваты, как в рестлинге», – заметил потом Иван Класнич.

По истечении 50 минут благодаря бесподобному голу Угу Алмейды счет был 1:0 в нашу пользу. Мяч прилетел к нему от Даниэля Йенсена из положения лежа, после чего Угу Алмейда ускорился, обошел пятерых гамбуржцев и с 17 метров нанес сокрушительный удар в самый угол ворот.

Но главным потрясением того дня мы были обязаны Тиму Визе: на 42-й минуте в его штрафную прилетел мяч. Налдо не сдержал Ивицу Олича, вместо него это пришлось сделать Визе. Он выбежал из ворот до самой линии штрафной и попытался выбить мяч в прыжке, высоко взметнув правую ногу – как раз там, где находилась голова Олича. Выставив шипы вперед, он выбил мяч, приземлившись при этом на плечи гамбургского нападающего.

В результате этого на Тима Визе набросились как болельщики «Гамбурга», так и журналисты. Должно быть, накануне матча он пересмотрел низкопробных фильмов про карате, укоряли они его. Данное нарушение расценивали как «попытку нанести телесные повреждения». О нем писали, что из ворот он выбежал как «сумасшедший», после чего совершил самое «грубое нарушение за весь сезон».

Как впоследствии объяснял Визе, он играл и сыграл в мяч, а Оличу «не следовало приближаться. Он подвернулся мне под ногу», – после чего газета «Бильд» назвала его утверждения «глупыми россказнями».

Клаус Аллофс поначалу пытался сгладить ситуацию, в результате которой Визе удостоился лишь желтой карточки, в частности, он сказал: «Желтая карточка – это абсолютно нормально. Тим же бежал к мячу». Когда же стал заметен эффект, произведенный этим выпадом в стиле кунг-фу, даже он дал задний ход: «Мы бы не стали спорить, покажи судья нам красную карточку».

В связи с комментарием Франца Беккенбауэра, приглашенного на телевидение в качестве эксперта, что совершенное Визе было «чуть ли не попыткой покушения», нападки, конечно же, усилились. Этот случай сравнивали со столкновением Тони Шумахера с Патриком Батистоном в матче против сборной Франции, в результате которого француз лишился нескольких зубов[9]. А также припомнили эпизод с участием Эрика Кантона, когда он в прыжке через рекламные щиты пнул болельщика «Кристал Пэлас» Мэттью Симмонса.

Судья Лутц Вагнер, который ошибся с желтой карточкой – я заявляю как участник того матча, – на следующий день стал каяться: «Я плохо спал. Тот случай не дает мне покоя. Посмотрев игру в записи, я признаю, что должен был показать красную карточку». Однако за Тима Визе вступился Тони Шумахер, которого признавали лучшим вратарем Германии 1984 и 1986 годов: «В такие моменты ты видишь перед собой лишь мяч и ни минуты не задумываешься о том, как бы кого-нибудь не задеть. Если сейчас ему будут шить покушение, это же просто бред!»

С тех пор нас считали командой грубиянов. Не в последнюю очередь потому, что за сезон у нас уже набралось семь красных карточек. Стали поговаривать об испорченной репутации «Вердера».

Есть команды, которые после такого оказываются выбитыми из колеи. Они теряют концентрацию на главном и тратят энергию на бесконечные покаяния, тогда как ее следовало бы направить совсем на другие дела. Но «Вердер» не из таких. Клаус Алофс и Томас Шааф с присущей им невозмутимостью готовили нас к концу сезона. Мы все еще шли вторыми, взяв уверенный курс на прямое попадание в Лигу чемпионов и имея на два очка больше, чем у моего бывшего клуба «Шальке». Примечательно, что Мирко Сломка оставил моих экс-одноклубников. Именно после того, как мы одолели «Шальке» со счетом 5:1, Сломку освободили от должности. На его место пришли Майк Бюскенс и Юри Мюлдер.

В первой же игре, последовавшей за выпадом Визе в стиле кунг-фу, мы доказали, что не являемся ни хулиганами, ни разбойниками, и наши отработанные комбинации по праву

вызывали восхищение. Матч с «Ганновером», куда меня тоже звали, мы превратили в незабываемое шоу. Старания Уго Алмеды, Налдо, Тима Боровски, Ивана Класнича, Маркуса Розенберга и Аарона Ханта привели нас к победе со счетом 6:1. В СМИ снова воцарился мир, за такое выступление нас похвалили и обласкали. Тем временем ребята из «Шальке» вышли победителями в матче с «Франкфуртом» и уже дышали нам в спину, имея шансы догнать нас в последнем туре. Однако нас в матче с «Байером» устраивала ничья. Она гарантировала второе место в чемпионате, обеспечивающее прямое попадание в Лигу чемпионов.

Но мы одержали еще одну победу. Розенберг забил за десять минут до окончания. Очередной гол в концовке. Никто в Бундеслиге в последнюю четверть часа игры не забивал больше, чем мы. В этот промежуток за сезон мы забили восемнадцать голов. В этом заслуга Шаафа, который приучил нас оставаться предельно собранными до тех пор, пока не прозвучит финальный свисток.

Когда судья Михаэль Кемптер объявил о завершении матча, на поле присутствовал и Иван Класнич. За полчаса до этого Шааф выпустил его на замену вместо Уго Алмеды. Этот необыкновенный человек. Иван – воитель. Неустрашимый. Несгибаемый! Тот, кем я бесконечно восхищаюсь.

Практически весь 2007 год Иван не участвовал в матчах. У него отказала почка, и поэтому его жизнь и карьера оказались под угрозой. По сравнению с его болезнью любая другая травма в футболе – просто ничто. Его организм больше не справлялся с функцией самоочищения. Почка, пересаженная ему от матери, не прижилась. После этого попробовали с почкой его отца – и на этот раз трансплантация прошла удачно. И затем Класнич вернулся в большой футбол, первый в истории, кому такое удалось. Я отыграл вместе с ним семь матчей и мог воочию убедиться, что этот удивительный человек не утратил ни способности радоваться, ни верить в лучшее.

Обычно футболисты довольно легкомысленно относятся к собственному организму. Каждый день его подвергают нагрузкам, чтобы сделать из него механизм, работающий на пределе возможностей. Чтобы укрепились мускулы, опорно-двигательный аппарат не давал сбоев, сухожилия и связки оставались прочными. Когда по утрам ты залезаешь в душ, то видишь натренированное тело, способное выдержать что угодно на предстоящей тренировке. Вечером, уставший, ты возвращаешься домой, пребывая в полной уверенности, что твой организм тебя не подвел.

Когда ты чувствуешь себя настолько сильным, то и думать не

думаешь о травмах и о возможных рисках, а просто идешь и тренируешься либо играешь, не жалея себя. Просто надеясь, что организм выдержит. Случай Класнича свидетельствует о том, что даже у игрока в превосходной физической форме могут быть проблемы, с которыми нельзя ничего поделать. Неважно, сколько километров он пробегает, сколько подтягиваний или отжиманий делает.

Я обожаю играть в футбол. Для меня это смысл жизни. Мне бы хотелось до скончания века бить по мячу. Но этому не бывать. Однажды и мое тело даст слабину. Я боюсь этого. Гораздо лучше было бы, если бы я навечно остался в той форме, в которой нахожусь сейчас. Но мне хорошо известно, что так не получится.

Я обожаю играть в футбол. Для меня это смысл жизни. Мне бы хотелось до скончания века бить по мячу.

По итогам моего первого сезона с «Вердером» мы с Иваном Класничем стали вице-чемпионами. Второй раз за два года своей карьеры я занимаю второе место в Бундеслиге. Вопреки прогнозам Андреаса Мюллера, за полсезона в «Вердере» мне досталось даже больше игрового времени, чем в первом круге за «Шальке». Томас Шааф одарил меня 615 минутами игрового времени. А в «Шальке» было всего 558.

Те два года пронеслись будто бы на скорости света. В «Шальке» я сам был причиной постоянного беспокойства. Игрушка, объект нападок. Я научился многое терпеть, сносить обиды, не реагировать на чужие слова и противостоять клевете. А в «Вердере» я увидел, что может быть совсем по-другому. Что клуб может оказывать своим игрокам такую мощную поддержку.

Томас Шааф и Клаус Аллофс условились друг с другом не терять самообладания в связи со всевозможными травмами, ссорами игроков и слухами о трансферах, будоражившими нас на протяжении всего сезона. Они сохраняли удивительное спокойствие на публике, что позволяло оградить «Вердер» от лишних ударов по репутации.

Полагаю, нет другого такого клуба, которому было бы под силу завершить сезон, несмотря на такое количество перемен. Пусть это прозвучит банально, но нас постоянно кидало из крайности в крайность. Победа со счетом 8:1, одержанная над «Арминией», – и тут же 3:6 от «Штутгарта». В удачные дни мы брали верх над мадридским «Реалом», в неудачные не могли справиться с «Олимпиакосом». Мы забили 75 мячей, но при этом наших семь раз удаляли с поля. Но в конце концов «Вердер» пятый раз подряд квалифицировался в Лигу чемпионов.

Мне сильно повезло, что два этих года я мог расти за спиной

Диего. Его отличал непринужденный стиль игры. Мяч никогда от него не отскакивал, как будто прилипая к его бедру, а то и к голове, если он того желал. Даже на высочайшей скорости его обработка мяча была безупречной. Он настоящий волшебник, способный демонстрировать невероятные результаты. И в то же время он еще и душа команды, не самовлюбленный, не считающий унизительным для себя отрабатывать в защите.

Меня ужасно разочаровывали тренировки, во время которых я по всем правилам атаковал Диего, но так и не отобрал у него мяч. Я пытался контролировать его левую ногу, а он переводил мяч под правую. Я старался настигнуть его справа, но он все равно обыгрывал меня. Одно удовольствие было иметь его своим партнером и при случае наблюдать его со стороны. А соперников выводили из себя его обводка и дриблинг. Но именно это было для меня важно. На каждой тренировке я то и дело сталкивался с требованием не просто не отставать, но и действовать в его темпе. Он требовал от меня постоянно отрабатывать пас. И еще чтобы я сам вовремя открывался. Когда у меня не получалось так, как ему хотелось, он презрительно закатывал глаза. Порой по вечерам я пересматривал его трюки в замедленном режиме, чтобы набраться у него ума-разума.

Не один раз мы с Налдо и Диего оставались на поле после тренировки и соревновались в исполнении штрафных. Налдо всегда бил на силу. Диего посылал мяч сильнейшим крученым ударом, и он пролетал впритирку над «стенкой».

Шло время, и я все прочнее утверждался в «Вердере» на правах одной из вершин ромба. Гениальное построение, ядро нашей тактики. И удивительные футболисты – Диего, человек-машина, проводящий точнейшие передачи, стратег Франк Бауманн и Торстен Фригс, наш предводитель.

10. Обладатель Кубка Германии по футболу
Как перестать терпеть неудачи

На второй год моего пребывания в «Вердере» меня даже стали величать Месси. «Диего – важный игрок, но и Месси играет очень хорошо», – как-то раз публично заявил Фрингс в одном из интервью.

Аргентинец Лионель Месси без малого на полтора года старше меня. В двадцать четыре в составе «Барселоны» он поставил рекорд по количеству голов за сезон, год спустя на его счету было более 200 мячей в чемпионатах Испании. В период с 2009 по 2012 год его четыре раза подряд признавали лучшим футболистом мира.

До такого мне в «Вердере», разумеется, было очень далеко. Хотя должен признаться, что и я намерен однажды добиться такого же звания. Когда я, забегая вперед, уже перешел в «Реал Мадрид», мой тренер Жозе Моуринью однажды на полном серьезе сказал: «Будет очень горько, если ты не станешь лучшим футболистом мира». И я так думаю. Я поставил перед собой цель – когда-нибудь получить эту высокую награду. Для меня это невероятный стимул. Но подробности позже.

Ведь перед тем, как присоединиться к мадридскому «Реалу», мне предстояло многому научиться в «Вердере».

Патрик Овомойела, Иван Класнич, Пьер Воме и Тим Боровски покинули нас тем летом. У «Челси» мы приобрели Клаудио Писарро. Кроме того, в «Вердер» перешел Себастиан Предль.

Впервые в составе «Вердера» я отправился на сборы. Моим соседом по комнате оказался Себастьян Милиц. До этого он играл за молодежную команду «Вердера» (U19) и стал профессионалом только что. У игроков постарше, наших звезд вроде Фрингса, Писарро или Визе, в распоряжении были отдельные комнаты. Молодежи таких привилегий не полагалось.

В первый вечер, добравшись до комнаты, я повалился на постель. У нас была интенсивная тренировка, затем я поел и уже прошел восстановительные процедуры. Работал телевизор, и я серфил каналы с одного сериала на другой, как обычно делаю в отелях от скуки. Себастьян Милиц вернулся с массажа позднее, зашел в комнату около девяти вечера и ненадолго присоединился ко мне у телевизора. Не прошло и получаса, как он предложил выключить сериал. «Мне надо поспать. Завтра важная

тренировка», – сказал он. Я думал, что сейчас он рассмеется или еще как-нибудь отреагирует. Но ничего подобного. Он говорил это на полном серьезе. «Чувак, у меня с собой нет ноутбука. И сейчас полдесятого. Я не привык дрыхнуть по двенадцать часов», – возразил я. Но Милица это не волновало. Он любил поспать. И считал, что в половине десятого ему уже пора в кровать.

Да, это был пустяк. Абсолютно незначительный случай. Но и такие ситуации следует уметь разрешать. В Бундеслиге большинство молодых игроков делят комнаты друг с другом. Поэтому нужно подстраиваться друг под друга и допускать, что кто-то желает ложиться в такое детское время. Я кинул Милицу свои наушники и переспросил, слышно ли в них что-нибудь. И тема была закрыта.

Хотя все до одного хорошо показали себя на сборах, сезон мы неудачно начали. Ничьи с «Арминией» и «Шальке». В Гладбахе до середины второго тайма мы проигрывали 0:3 и лишь под конец сократили разрыв – 2:3. Выступление, недостойное вице-чемпионов.

В матче с «Энергией» из Коттбуса я отдал голевой пас, как и в игре с «Шальке», окончившейся со счетом 1:1. В пятом туре мы одержали победу над мюнхенской «Баварией» со счетом 5:2. При этом я был причастен как к голу Маркуса Розенберга, открывшего счет, так и к голу Налдо, после чего счет стал 0:2. Третий гол я забил уже сам. Пушечный выстрел с пятнадцати метров в угол ворот. Для меня этот день стал особенным. Какая еще команда, оказавшись в гостях у самого титулованного клуба Германии, способна забить сразу пять раз. Многие команды были бы вне себя от счастья уже потому, что не опозорились на «Альянц-Арене». А мы играли первым номером и полностью контролировали ситуацию. А нашими соперниками, напомню, были такие футболисты с мировым именем, как Филипп Лам, Бастиан Швайнштайгер, Зе Роберто и Лука Тони.

Лично я был доволен тем, как выступил в начале сезона, в ходе которого меня двадцать раз включали в стартовый состав. Три забитых мяча и пятнадцать голевых передач стали моей личной победой. Весьма недурно, если не учитывать наш общий провал в Бундеслиге. Лишь однажды поднявшись до третьей строчки турнирной таблицы, в итоге мы съехали на совершенно неприемлемое десятое место. Но вместо того, чтобы грызть себя из-за неубедительного выступления, мы реабилитировались иным способом. Череда неудачных недель забылась после нескольких блестящих!

В решающие моменты мы просто блистали, будто до этого и

не было никаких проблем. Мы действовали решительно именно тогда, когда это было нужно. Как в уже упомянутом мной матче Лиги чемпионов с миланским «Интером». То была игра, после которой я объявил своему агенту, что когда-нибудь буду играть под руководством Моуринью.

После той игры немецкие СМИ ополчились против тренера «Интера». «Вердер» заставил умолкнуть выскочку Моуринью», – гласил заголовок желтых журналистов из издательского дома «Шпрингер». Все потому, что знаменитый португальский тренер сделал ряд громких заявлений. К примеру: «Мне нет равных». Одного из участников пресс-конференции он облаял за неуместный вопрос: «Вероятно, вы тоже мечтали стать тренером. А получилось – всего лишь журналистом». И лишь больше раздразнил всех, комментируя слухи о сумме своего заработка в «Интере», активно тиражируемые в СМИ: «Тут все пишут о 9 миллионах евро. Маловато будет. Мне платят 11 миллионов. Со спонсорскими контрактами выходят все 14».

Заголовками о Моуринью несколько дней потом пестрели все газеты. И я почти уверен, что именно на это он и рассчитывал. Пообщавшись с ним позже в «Реале», я могу сделать вывод, что он хотел таким образом отвлечь внимание от других тем. К «Интеру» можно было придраться из-за чего угодно – травмы, тактические построения и так далее. Когда мы вместе работали в Мадриде, он вел себя в точности так же. По вечерам Моуринью уже знал, что на следующий день напишут по поводу его команды в крупнейших спортивных ежедневных газетах Испании. Он оказывался в курсе, если «Марка» или «Ас» намерены были выступить с критикой в наш адрес, что привело бы к лишним волнениям. В таком случае он начинал свой отвлекающий маневр. Его не заботило, что это обернется атакой против него самого, что его провокационные высказывания могут навредить его собственной репутации. Он действовал словно самолет-перехватчик, иначе команду замучили бы постоянными нападками и не дали бы спокойно работать.

В январе 2009-го мы с «Вердером» снова оказались на высоте. В $^1/_8$ кубка Германии нам предстояла встреча с дортмундской «Боруссией» – ни много ни мало финалистами прошлого года. В свою очередь, для «Боруссии» это выступление входило в программу празднования столетнего юбилея их клуба. «Боруссии» хотелось продемонстрировать свое превосходство в масштабной схватке. Но в наши планы вовсе не входило разыгрывать из себя скромных гостей, прибывших в Дортмунд с подарками.

Хотя в самом начале именно так все и происходило. Алекс Фрай с первых же минут матча обеспечил «Боруссии» перевес в

счете. Вместе с Мохамедом Зиданом у него было пять опасных моментов. Лишь после этого мы опомнились и заиграли с такой уверенностью, которая совсем не соответствовала нашей позиции в турнирной таблице. Вначале забил Угу Алмеда, затем Клаудио Писарро. И дорога в четвертьфинал была открыта.

Но перед этим нас ожидал матч с «Вольфсбургом» – лучшей команды по итогам второго круга чемпионата. Четыре из пяти предыдущих игр окончились победой «волков», один раз они сыграли вничью. Они забили десять голов, получив лишь три ответных. А мы на том же отрезке набрали жалкие два очка и забили три несчастных гола. И при 103 ударах по воротам – ужасная реализация. Атаковали мы бестолково и беспорядочно.

Честно говоря, исход матча с «Вольфсбургом» был предопределен. Особенно принимая во внимание, что наши ворота остались без защиты. И Тим Визе, и резервный вратарь Кристиан Фандер получили травмы, так что за Бремен впервые выступал Нико Пеллац. Игроку нашей второй команды пока доводилось играть лишь в третьей Бундеслиге в матчах с «Унтерхахингом», «Зандхаузеном» и «Киккерс» из Эмдена.

А не тут-то было! Диего забил со штрафного, и мы повели. Второй гол мы забили после моего удачного дриблинга в штрафной. Потом разницу в счете сократил Эдин Джеко – 1:2. И все это в течение каких-то десяти минут. И дело этим не кончилось. Писарро, будучи совершенно открытым, запорол удар с пяти метров. А затем забил почти из офсайда. После очередного гола Джеко наше превосходство вдруг почти свелось на нет. Когда дым рассеялся окончательно, на табло было 5:2 в нашу пользу – и мы в полуфинале.

Став третьими на групповом этапе Лиги чемпионов, мы должны были участвовать в Кубке УЕФА, где прошли «Милан», «Сент-Этьен» и «Удинезе» и в полуфинале получили «Гамбург» – как и в полуфинале Кубка Германии. Поскольку встреча с ганзейцами предстояла и в чемпионате, получалось, что в ближайшие 19 дней должно было состояться целых четыре северных дерби. Зрелище обещало быть захватывающим.

Это было нашим шансом скрасить невыразительно проведенный чемпионат. Поэтому с гамбуржцами речь шла не просто о четырех дуэлях – решался вопрос о трех титулах. Ведь в Бундеслиге они имели все шансы на победу, поскольку по итогам 28 туров были третьими – имея на три очка меньше, чем «Вольфсбург», и находясь вровень с «Баварией». В принципе, все было возможно.

Как водится, едкие замечания в адрес друг друга полетели задолго до матчей. Найджел Де Йонг вякнул, что ему «абсолютно

все равно, с кем играть. Я всех порву». Рафаэль ван дер Варт обозвал Диего «слабаком».

Чтобы подлить масла в огонь, Тиму Визе припомнили его атаку Олича. И он в долгу не остался, прибавив от себя следующее: «Я думаю, что они там у себя в «Гамбурге» порядком испугались. И если мы сейчас один раз намылим им шею, то они будут дрожать и в следующих встречах с нами».

Сдается мне, Тим Визе принадлежит к числу игроков, которым необходимы подобные стычки с противниками и их болельщиками. Таких футболистов свист трибун делает лишь сильнее. Враждебность окружающих питает их энергией. С установкой «вот я вам покажу» они прямо-таки расцветают, когда на них оказывают должное давление. Со мной такое не проходит, потому что во время игры я почти не замечаю, что делают болельщики, и слежу только за теми, кто находится со мной на поле.

Пер Мертезакер обеспечил нам перевес в счете. Ивица Олич забил ответный гол. Именно ему удалось обыграть Визе, который до этого почти не имел работы. На 92-й минуте меня грубо задел Давид Яролим. Судья Кнут Кирхер тотчас же вытащил красную карточку, так что дополнительное время мы играли в большинстве. Но даже несмотря на численное превосходство, нам не удалось забить решающий гол.

Исход нашей первой дуэли должен был решиться в серии пенальти. Гамбург начинает: Йорис Матейсен забил, Клаудио Писарро тоже. Далее настало время показательного выступления Визе. Наш вратарь сделал пару шагов по направлению к защитнику «Гамбурга» Жерому Боатенгу, приготовившемуся к удару, и заглянул ему прямо в глаза. В знак устрашения: я сильнее тебя. То же самое он провернул в отношении оставшихся игроков «Гамбурга», которым предстояло бить, – Олича и Марселя Янсена. И его спектакль принес плоды. Все трое гамбуржцев выглядели потрясенными. И куда бы они ни целились, Визе оказывался в нужном месте.

Он отразил все три удара, в то время как я благополучно забил «Гамбургу» второй, а Торстен Фрингс – третий пенальти. Таким образом, наш заклятый враг распрощался с мечтой о титуле, а мы отстояли свой шанс на победу в Кубке Германии.

Во время следующей дуэли «Гамбургу» улыбнулась удача. Они уделали нас на нашем же стадионе со счетом 1:0 и получили преимущество в борьбе за Кубок УЕФА, учитывая, что ответный матч проходил в их родном городе в окружении их болельщиков. Зрители вконец потеряли голову, когда благодаря Оличу хозяева открыли счет. Словом, в тот раз все обернулось в пользу

«Гамбурга». Но тем не менее мы не отступили и стараниями Диего и Клаудио Писарро вернулись в игру.

Незадолго до окончания матча мы уже вели со счетом 2:1 и за счет лишнего гола на чужом поле были бы объявлены победителями, как случилось нечто удивительное, чего со мной никогда больше не случалось. Защитник «Гамбурга» Микаэль Гравгард хотел отыграть мяч вратарю Франку Росту. Заурядный пас, которых он делал сотни. Пас, о котором и говорить бы не стали, настолько непримечательным он был. Но один маленький комочек бумаги сделал обыкновенный пас особенным. А сам бумажный шарик стал «бумажным шариком бога».

Скорее всего, болельщик «Гамбурга» держал листочек бумаги у себя над головой перед началом матча, чтобы подбодрить любимую команду. Наверняка это было частью фанатского перформанса, который устроили зрители, желая поддержать футболистов. И, судя по всему, этот фанат скомкал свой листочек от злости после одного из наших голов и очень неосмотрительно кинул его в сторону поля, где этот шарик и пролежал никем не замеченный в свете прожекторов. Пока Гравгард не собрался принять мяч и отдать пас назад.

Тут-то скакавший к Гравгарду мяч и ударился о скомканный бумажный шарик, отскочил от голени Гравгарда и изменил направление, улетев не к Франку Росту, а за лицевую. Диего подает угловой, первый удар Уго Алмейды вратарь отражает, но против добивания Франка Бауманна бессилен. 3:1 в нашу пользу – и все благодаря бумажному шарику. На такой гол было так же сложно рассчитывать, как и на мой первый комичный гол в Карлсруэ.

«Гамбургу» удалось сократить разрыв благодаря очередному голу Олича, но в итоге они все же проиграли нам со счетом 2:3 и по сумме двух матчей вылетели из Кубка УЕФА. Затем мы сделали их еще раз уже в матче чемпионата.

После завершения полуфинального матча Кубка УЕФА тележурналист подобрал тот комочек с поля. Он стал настоящий сенсацией, его описывали и подвергали анализу практически все ведущие СМИ. Его повсюду демонстрировали как настоящую реликвию. Возили из Бремена в Берлин, а позже взяли даже на финал в Стамбул. Было основано целое «Товарищество бумажного шарика», которое приобрело оригинальный комочек за 4150 евро, аукцион закончился в то же время, что и финальный матч Кубка УЕФА.

Таким образом, все внимание в Стамбуле досталось шарику, тогда как меня вниманием обошли.

В финале Кубка УЕФА с донецким «Шахтером» в Турции нам предстояло обойтись без дисквалифицированного Диего. Так что все внимание было направлено на меня. После семи голевых передач в тринадцати предыдущих матчах еврокубков этого сезона я должен был сотворить нечто великое. «Все будет зависеть от Месута», – заявил Торстен Фрингс накануне встречи. А Томас Шааф выразил надежду, что предстоящий матч станет для Месута венцом всего его отличного сезона.

Я пригласил своих турецких родственников из Зонгулдака в Стамбул. На микроавтобусах они проделали путь в 330 километров до места проведения финального матча. Этого особенного матча. Для всех, кто носил фамилию Озил. Но не только потому, что я принимал в нем участие, но и потому, что это был последний финал Кубка УЕФА, проводившегося 38 лет.

Кубок разыгрывали ежегодно, начиная с сезона 1971/72 года. За это время команды из Германии шесть раз выигрывали Кубок: дважды это удавалось «Боруссии» из Мёнхенгладбаха, по одному разу – «Франкфурту», «Байеру», «Баварии», а также «Шальке». Предыдущим немецким финалистом Кубка была дортмундская «Боруссия» в 2002 году, которая проиграла «Фейеноорду» со счетом 2:3. С 2010 года турнир должен был преобразоваться в Лигу Европы и проходить уже в немного ином формате.

Я хорошо выспался накануне важной игры. Я чувствовал себя в силах оправдать возложенные на меня большие надежды. Но вопреки этому, я играл очень слабо. Любая инициатива, которую я проявлял на поле, проваливалась. Было похоже, что мои внутренние антенны, подчас так точно сканирующие поле, работали с помехами. Мне не хватало легкости, спонтанности и напора.

Как бы то ни было, нам удалось выстоять основное время и со счетом 1:1 уйти в дополнительное. Мы бросили все силы, чтобы сломать игру юрким бразильцам из «Шахтера», вместо того чтобы играть в свой футбол. Мы делали именно то, от чего нас хотел предостеречь Томас Шааф: реагировали на действия соперника, забыв о собственной созидательной игре.

На 97-й минуте попытку забить предпринял Жадсон, один из пяти бразильцев в украинской команде, не встретив при этом никакого сопротивления. Он принял навес с правого фланга и нанес удар примерно с одиннадцатиметровой отметки. Визе, находившийся в полутора метрах от линии ворот, молниеносно бросился в правый нижний угол. Я смотрел, как мяч приближается к нему. Визе изогнулся так сильно, насколько это было возможно, и продолжал тянуть руки. Вот он коснулся мяча кончиками пальцев правой руки. Он немного смягчил удар – и это

все, что ему удалось. Из рук Визе мяч штопором влетел в наши ворота. Гол. 2:1 в пользу «Шахтера». Мы проиграли.

После того как донецкий «Шахтер» объявили победителем на стадионе «Шюкрю Сараджоглу», мне хотелось лишь одного: убраться с поля. Я не был настроен смотреть, как они поднимают над головой кубок, который я сам не прочь был выиграть.

Но побег не удался. Дождь из оранжевых конфетти, выпущенных в честь победителей, оросил и нас, проигравших. Кусочки бумаги прилипали к моей разгоряченной коже. Я стряхивал их с себя. Я такого не заслужил. Они не должны были падать на меня. Я не хотел их ощущать.

И тут Томас Шааф сделал нечто невероятное. Вместо того чтобы предоставить нам в одиночестве переживать горечь поражения из-за упущенных возможностей или раскритиковать нас за выступление, он созвал всех на поле и постарался не дать нам упасть духом. Стоя в кругу, который мы образовали, вначале он обратился со словами утешения. «Я хочу, – начал он, – чтобы вы сейчас же забыли этот матч, это поражение, нанесенное нам в Стамбуле. Мы могли бы начать разбирать ошибки. Мы могли бы начать искать виноватых. Но лучше будет, если мы просто об этом забудем. И порадуемся предстоящему финалу в Берлине. Вся Германия будет смотреть на нас. Всем интересно увидеть, сумеем ли мы оправиться. И знаете – еще как сумеем. Мы докажем это Германии. Выбросьте Стамбул из головы! Предвкушайте Берлин. И на следующей неделе праздновать будем мы! И никто другой!»

Вот и наши фанаты инстинктивно почувствовали, в чем мы нуждаемся больше всего в такой момент. Пока мы уныло плелись по направлению к пятитысячной толпе наших болельщиков, проделавших с нами путь до Стамбула, они пели. Ни единого свистка. Ни единого недовольного выкрика. Ни единого упрека. Вместо этого они просто скандировали в едином порыве: «Берлин, Берлин, мы едем в Берлин!»

Фанаты «Вердера» тогда проявили себя на высочайшем уровне. Их речевки заглушили нашу боль. Они облегчили наше состояние и помогли выдержать это горькое поражение, которое, как ни старайся, нам не забыть.

> Я думаю, что многим болельщикам и в голову не приходит, насколько они важны.
>
> Они делают так, что ты продолжаешь бежать по полю, даже когда мышцы онемели.

Я думаю, что многим болельщикам и в голову не приходит, насколько они важны. Как они влияют на нас, игроков. Возможно,

потому, что это звучит банально, ведь наши фанаты делают ровно то, чего от них ждут. Но ведь на деле получается, что болельщикам под силу заставить нас забыть о том, как устали ноги. Они делают так, что ты продолжаешь бежать по полю, даже когда мышцы онемели. Что ты пытаешься переломить ход практически проигранного матча. Даже если ты отключаешься от шума трибун, способен выключить у них звук, так, как делаю я. Но эту невероятную поддержку ощущает каждый.

Я отлично помню игру, когда осознал чрезвычайную значимость болельщиков на поле. Это было в 2006 году, когда меня еще связывал контракт с «Шальке», – тогда мы играли с «Баварией». Раздосадованные нашим выступлением, фанаты объявили бойкот и молчали на протяжении 19 минут 4 секунд, что должно было символизировать год основания «Шальке» (1904). Я сидел на скамейке запасных и наблюдал за действом, разыгранным на стадионе «Фельтинс-Арена». Это казалось ошибкой. Чем-то противоестественным. Можно было слышать глухие удары по мячу и, конечно же, крики фанатов «Баварии», которыми они встречали успехи любимой команды. Это уже не имело ничего общего с футболом. Впервые в жизни я ощутил, что фанаты способны окрылять. Какой футболист сдвинется с места в мертвой тишине? А вот когда в ушах стоят крики, потому что вокруг зашкаливают эмоции, тебе хочется бежать, даже если чувствуешь, как болят бедра.

Когда истекли 19 минут и 4 секунды молчания фанатов «Шальке», находившихся среди 61 482 зрителей, и они, как один, вступили с песней, Кобиашвили очень кстати забил на двадцатой минуте, и даже я, сидя в запасе, ощутил, что стал сильнее, целеустремленнее и увереннее, чем был до того.

Вот так бы всегда. На каждом стадионе. Чтобы шумные, азартные, обезумевшие фанаты поддерживали своими криками не только, когда все идет как надо, но оставались с нами и тогда, когда ничего не выходит.

В 2012 году бурно обсуждался вопрос о том, почему я не пою вместе с другими гимн Германии. Я узнал о существовании критиков, которые ворчали: «Этот тупой немецкий турок отказывается петь». А сами-то они поют? Разве они болеют на игре всей душой?

Кроме того, я нахожу обидным выслушивать такие обвинения, потому что я уверен, что эти люди не имеют ни малейшего понятия о том, почему я не пою. Все обстоит вовсе не так, что я тупо вслушиваюсь в поток звуков и жду, когда он смолкнет. Пока звучит гимн, я молюсь – как уже было сказано ранее. Я молюсь, потому что с самого начала взял за правило

делать это. И я уверен, что мне самому и команде в целом это отступление дарует силы и придает уверенность в том, что мы вернемся домой с победой. Вот почему.

На некоторых матчах с участием сборной Германии атмосфера очень огорчает. Когда мы, действующие чемпионы мира, играли в 2016 году в Берлине, на трибунах было почти так же тихо, как во время бойкота фанатов «Шальке». Интересно почему? Что должно означать это похоронное настроение? Связано ли это с тем, что тогда на стадионе присутствовало больше спонсоров, чем радостных фанатов? Немецкие болельщики вообще-то такие классные.

К счастью, бременцев во главе с Томасом Шаафом не обделили поддержкой. Фанаты знали, что нам требовалось. И мы не впали в уныние, которое бы нам повредило.

Вечером того же дня, за ужином в пятизвездочном отеле «Четыре сезона», на котором присутствовала вся команда и наши руководители, я безрадостно ковырялся в своей тарелке. Я закидывал в себя углеводы, но не мог наслаждаться вкусом. После таких поражений все вкусовые рецепторы будто атрофируются. Никакого удовольствия. В такие минуты ни одно, даже самое милое SMS-сообщение не способно поднять настроение. Хочется просто остаться в одиночестве; при этом ты ненавидишь себя за то, что приложил недостаточно усилий.

Должен сказать честно, на матче в Стамбуле мне хотелось, чтобы судья дал финальный свисток уже через 60 минут. Я был готов умолять его, чтобы он прекратил наши страдания. Я достаточно быстро пришел к выводу, что сегодня – не наш день, в первую очередь не мой. Сейчас я могу говорить об этом спокойно, но тогда, разумеется, все было не так. Пока ты стоишь на поле, то пытаешься развернуть ход игры. Стараешься изо всех сил. Даже если не чувствуешь себя в силах. При этом я даже себе не могу объяснить, почему иногда у меня просто ничего не получается.

В жизни каждого профессионального спортсмена случается такое, что нога становится похожа на флиппер из пинбола, который яростно и бессистемно гоняет шарик. Неважно, что ты пытаешься сделать, – ничего не выходит. Хотя ты горишь желанием показать хорошую игру. Ты борешься сам с собой. Ты знаешь, что в теории все должно получиться. И все же ничего не складывается. На следующий день в прессе пишут, что у тебя не было нужного настроя. Что твои действия оставляли желать лучшего. Но ведь все было не так. Нет на свете такого спортсмена, который сказал бы: «Ну, сегодня я поработаю процентов на пятьдесят. Сойдет, если я побегаю поменьше, попасую и раза два ударю по воротам». Ведь ты стоишь на сцене,

за тобой следят миллионы людей – десятки камер направлены на тебя и ловят каждое твое движение. Тут каждый захочет блеснуть. От настроя тут определенно никогда и ничего не зависит.

То получается. То снова нет. Иногда, когда игра проходит хорошо, ты сам удивляешься, что финальный свисток уже прозвучал, а ты и не почувствовал, что игра подошла к концу. Бывает и так, что тебе кажется, что эти 90 минут никогда не кончатся и ты будешь играть еще часа три.

Мое выступление в течение тех 120 минут с «Шахтером» не могло не вызвать критику в СМИ. По мнению «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», я зарекомендовал себя как игрок, ставший «обузой, планировавший заменить бразильца Диего на посту плеймейкера, но так и не доросший до этого». Они писали: «Молодой игрок немецкой сборной гораздо чаще терял мяч, чем контролировал его, и был так зациклен на себе, что ни минуты не был готов к тому, чтобы противостоять давлению извне». А «Kicker» нашел, что «без Диего нападающий превратился в пустышку. Слишком унылый, слишком пассивный, слишком отталкивающий. Следовало бы дважды подумать, достойный ли это претендент на его место».

Я не из тех, кто читает все статьи о себе от первого до последнего абзаца. Я также не вбиваю регулярно свое имя в Google, чтобы посмотреть, что же обо мне на этот раз понаписали. Но я не могу не считаться с этим. В самолетах всегда предлагают газеты. Их листают от скуки. Все мои агенты читали и читают газеты. Когда они приходят с визитом, то обязательно оставляют стопку журналов и ежедневных газет, чтобы я на досуге просмотрел их и принял к сведению, что обо мне думают там, за порогом. Мои друзья, конечно же, тоже узнают, что обо мне пишут, и стараются держать меня в курсе.

Я спокойно принял придирки по поводу Стамбула. Поставленные вопросы были справедливы. В то же время я связался с Гюнтером Нетцером. Футболист с мировым именем очень метко прокомментировал мое выступление в финале. Он сказал: «Нельзя допустить, чтобы на Озила слишком давили – несмотря на все ожидания болельщиков. Ему нужно время. Он может играть гораздо лучше, что он уже продемонстрировал». Сама игра и критика в мой адрес больше не занимали меня, я решил сконцентрироваться на том, чего требовал Шааф и ждали фанаты. Я хотел отправиться в Берлин и показать, на что способен Месут Озил.

Финал Кубка Германии, в котором мы встретились с «Байером» из Леверкузена, окрестили «Встречей двух отчаявшихся». Все потому, что мы споткнулись в Бундеслиге и

давно потеряли шанс на первый из возможных титулов. А «Байер», на протяжении двух туров возглавлявший турнирную таблицу, так же бесславно скатился, как и мы в самом конце, и теперь находился на досадном девятом месте.

Разумеется, то название ничуть не соответствовало действительности. Ни мы, ни «Байер» не чувствовали отчаяния. Кто же отправляется в таком угрюмом настроении на финальную битву?

Я вышел в стартовом составе и оказался самым молодым игроком на поле. В последний раз в одном матче со мной за «Вердер» выступал Диего. Его трансфер в «Ювентус» был делом решенным.

Трава на поле была влажной, а скорость предельной. Идеальное сочетание. Голевые моменты с обеих сторон. Хотя и Тим Визе, и вратарь «Байера» Рене Адлер держались изо всех сил. Всю первую половину матча напряжение не ослабевало. Такой игре аплодировать нужно стоя.

На 59-й минуте подачу на дальний угол принял Алмейда. Он сбросил мяч Диего, которого обступили три леверкузенца. Коснувшись мяча в первый раз, Диего тут же завладел им, а вторым и третьим касаниями, будто танцуя, обошел своих противников. Четвертым касанием Диего сделал пас на меня. Незадолго до этого я на полной скорости переместился из центра поля на левый фланг. Принимаю мяч в штрафной, бью с семи метров, и вот он уже в воротах. 1:0 в пользу «Вердера». На углу поля Диего подбросил меня в воздух. Я чувствовал себя будто в невесомости. То был самый важный гол из всех, что я когда-либо забивал, так как он оказался единственным забитым в тот день и принес нам победу.

После того как истекли дополнительные четыре минуты и прозвучал свисток судьи Гельмута Фляйшера, я поначалу даже не знал, что теперь делать. Слева и справа от себя я видел нечеткие силуэты товарищей по команде в бело-зеленой форме, они приплясывали, подпрыгивали и обнимались. Всеобщие обнимашки. На мгновение я крепко задумался, совершенно не понимая, кого первым я должен бежать обнимать. Может быть, Тима Визе? Или ринуться к Томасу Шаафу? Или просто куда-нибудь уже ринуться? Пока я прокручивал это у себя в голове, ко мне подбежал Торстен Фрингс и напрыгнул на меня. Он взял мою голову под локоть, что-то проорал, и я заорал вместе с ним. Затем я кинулся к Диего и на радостях врезался в него со всего размаху. С этого момента я действовал на автопилоте. Мои руки загребали воздух. Мои ноги жили своей жизнью. Они то бежали, то подпрыгивали. Я уже не обращал внимания, что они вытворяют.

Те минуты счастья не поддаются описанию. Ты носишься из стороны в сторону. Отовсюду видишь вспышки фотокамер в ночи. Даже не знаешь, куда теперь смотреть. Болельщики на трибунах делают фотографии на память. Ты позволяешь заключать себя в объятия, не будучи в состоянии сказать наверняка, кого из одноклубников ты уже поздравил, а кого нет.

В ту ночь я был счастлив видеть залпы из золотистых конфетти, ощущать их у себя волосах, видеть их прилипшими к коже. Сегодня я желал этого, в отличие от Стамбула. На этот раз я такое заслужил. И ужин в банкетном зале отеля Maritim был очень вкусным. Все мои проблемы с вкусовыми рецепторами улетучились.

За праздничным столом мы с Диего раз десять обсуждали эпизод с голом. «Ты так вовремя все заметил», – сказал я ему. На что он заметил: «Ребята из «Байера» не спускали с меня глаз. Но в тот момент они чуть-чуть ослабили хватку».

Я честно признался, что буду скучать по нему. И поблагодарил за все, чему он научил меня за эти два года работы в «Вердере».

После чего Клаус Аллофс вручил Диего угловой флажок, у которого он так часто ликовал и танцевал на «Везерштадионе». «Желаю удачи в «Ювентусе». Может, и там ты завоюешь кубок», – сказал он со смешком. «Спасибо за три удивительных года!» – ответил Диего.

Наутро оказалось, что СМИ провозгласили меня «новым королем», по крайней мере, так написали в газете «Бильд». Генеральный директор «Вердера» Клаус Аллофс похвалил меня: «В Стамбуле нагрузка пока оказалась ему не по силам. В тандеме с Диего он показал себя на этот раз гораздо лучше. Мы ценим Месута». А чемпион мира 1974 года Вольфганг Оверат, комментируя победу «Вердера» для «Вельт ам Зоннтаг», высказался так: «В лице Озила они обрели юного игрока, который очень быстро пробил себе путь на самый верх. В невероятно сжатые сроки он оказался в числе ключевых игроков этой команды, у него большие задатки и все шансы, чтобы взять на себя роль Диего. Это обстоятельство нельзя упускать: когда в 2006-м Диего перешел в «Вердер» из «Порту», его практически никто не знал. Именно в «Вердере» он раскрылся как превосходный игрок. То же самое может произойти и с Озилом».

11. Мой королевский трансфер
Вовремя подумать о себе

Лето, проведенное в дискуссиях, считать ли меня ключевым игроком, достоин ли я занять место Диего, прошло, и новый сезон после его ухода начался с поражения в матче с франкфуртским «Айнтрахтом» со счетом 2:3. Такое выступление на собственном же стадионе нельзя было назвать идеальным стартом чемпионата. Не спасло положение и то, что я забил с пенальти.

Во втором матче с «Баварией» я забил снова – на этот раз уже с игры, впрочем, лишь сравняв счет после гола Марио Гомеса. Это очко, заработанное в результате ничьей с «Баварией», нам не помешало. После чего началась невероятная серия игр. В четырнадцати турах с 15 августа по 11 декабря мы не проиграли ни разу. Кроме того, мы завоевали четыре победы и одну ничью в Лиге Европы. И в Кубке Германии нас было просто не остановить.

Тем временем наш вратарь Тим Визе не пропустил ни одного гола в течение 619 минут 39 секунд. Мы условились, что проявим себя в защите гораздо лучше, чем в прошлом сезоне. Поразив ворота 64 раза, мы показали третий результат по забитым голам, уступая лишь «Вольфсбургу» и «Баварии». С другой стороны, всю статистику нам испортили 50 пропущенных голов. Поэтому мы не уставали повторять друг другу: «Защитим свои ворота во что бы то ни стало!»

Мы стали более собранными и дисциплинированными, не лезли понапрасну на рожон, что приносило свои плоды. Мы не гнались за красотой игры, а думали лишь о сумме набранных очков.

При этом мы несколько раз показали класс. 21 ноября 2009 года, например, мы подчистую обыграли «Фрайбург» – 6:0. Во время того матча я совершил четыре голевых передачи и один раз забил сам. «Не будь я тренером команды противников, – признался затем Робин Дутт. – Я рукоплескал бы вашему успеху».

Ликование охватило и СМИ. В газете «Тагесшпигель» меня назвали «наиболее одаренным из всех учеников чародея Томаса Шаафа». Для «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» было очевидно, что я «затмил Диего, прежнюю звезду центра поля». А в рейтинге самых успешных игроков того сезона по версии журнала «Шпорт Бильд» я оказался на восемнадцатом месте.

Тем летом Клаус Аллофс переманил на берега Везера Марко Марина из мёнхенгладбахской «Боруссии». Он хорошо сработался со мной и Аароном Хантом – по крайней мере, это из раза в раз

подмечали в прессе и называли нас «новым магическим треугольником» по аналогии с «треугольником», в который в 90-х годах входили Красимир Балаков, Фреди Бобич и Джованни Элбер, демонстрировавшие умопомрачительный комбинационный футбол, играя за «Штутгарт». Журнал «Kicker» даже собрал нас за одним столом для интервью, в ходе которого Марко Марин раскрыл, в чем секрет нашей связки: «Мы молоды, все трое – практически ровесники. И мы хорошие футболисты. Поэтому вместе так легко играется. Рядом с Месутом и Аароном нельзя не блистать. Мы постоянно находимся в движении. Месут то пересекает середину поля, то заходит с левого фланга, а я смещаюсь, освобождая ему место». Аарон Хант прибавил, что каждый из нас знает, «что задумали остальные. Мы вовремя открываемся. И это главное. Нас ничто не сдерживает, мы также можем меняться позициями и активно это используем».

Разумеется, такие встречи приносят радость. Разумеется, это льстит самолюбию, когда находишь в газетах новый эпитет в свой адрес. От этого теплеет на душе. Это придает уверенности. Но тем не менее я не могу относиться к этой шумихе со всей серьезностью. Оригинальный магический треугольник остался незамеченным мной, ведь когда Балаков—Бобич—Элбер были в расцвете сил, мне было всего семь или восемь.

Кроме того, в футбол играют вовсе не для того, чтобы на следующий день в газетах в твою честь пели дифирамбы. Особенно если отдавать себе отчет, как быстро любой магический треугольник может растерять все свои чары. Или как быстро о трио могут написать, что они оказались пустышками. Называют ли меня сейчас «Волшебником страны Оз» или «Косолапая дива» – меня не должно это волновать.

Называют ли меня сейчас «Волшебником страны Оз» или «Косолапая дива» – меня не должно это волновать.

С другой стороны, я внимательно прислушался к похвале из Италии от самого Диего: «Когда я ушел, на него свалилось гораздо больше ответственности. То, как он с этим справляется, впечатляет. Месута можно уже сейчас считать самым важным игроком в «Вердере». И он все растет, на моих глазах он станет великим футболистом. Среди прочих достоинств он выделяется своей сообразительностью, даже если вокруг него поднимают шум».

Я также оценил, что Клаус Аллофс остался в стороне от неистовства, начавшегося в СМИ. Когда журналисты обступали его после очередной победной игры и жаждали от него потока похвалы в наш адрес, он говорил так: «Пишите, что хотите. Я

ничего не буду комментировать». По крайней мере, однажды именно это я услышал от него в микс-зоне. Таким же образом отбивался и Томас Шааф, как-то раз сказав следующее: «Месут и в прошлом году превосходно играл. Для нас в этом нет решительно никакого сюрприза. Месут очень многому научился у Диего. Сейчас более опытный игрок ушел, и его талант раскрылся еще ярче».

За кулисами же он оставался абсолютно невозмутимым и не скупился на критику. Его не устраивала моя игра головой. Он также считал, что я не вполне верно чувствую, когда надо проходить с мячом самому, а когда делать пас. «Это придет с опытом», – говорил он на тренировках, которые он то и дело останавливал, если, с его точки зрения, я вновь принял неверное решение. Такого рода чутье у тебя еще не развито».

Стремительное восхождение во время первой половины сезона прервалось к середине декабря. «Шальке», «Гамбург», «Франкфурт», «Бавария» и «Боруссия» из Мёнхенгладбаха обыграли нас, угодивших в итоге на шестое место. В такой ситуации в любом другом клубе мира началась бы паника, вероятно, заговорили бы о том, чтобы вышвырнуть тренера, и так далее. А мы просто продолжили играть. И так как в последующей серии из 14 игр мы проиграли лишь дортмундской «Боруссии», нам удалось добраться до вполне достойного по итогам сезона третьего места.

Параллельно мы снова вышли в финал Кубка Германии и отправились в Берлин, где встретились с «Баварией».

Для того вечера Томас Шааф подготовил особенную тактическую схему. То был девятый по счету финал Кубка страны, в котором он участвовал, – четыре раза в качестве игрока, пять как тренера. «Каждый план, каждая комбинация означает риск», – добавил он. Но мы доверились ему, памятуя, как много его идей оправдали себя.

Он оставил Марко Марина в запасе, поставив вместо него в защиту Тима Боровски. Наряду с Клаудио Писарро меня определили в нападающие.

Но с этим мне справиться так и не удалось. Мне нужно было тащить мяч вперед, чтобы оттянуть игру на другую половину поля. Распознать бреши и воспользоваться ими. Мне не удалось там развернуться, из-за чего оказалось невозможным задействовать и Клаудио. Сказать по правде, из-за этого плана мы совершенно выпали из общего хода игры. К концу первого тайма Шааф прекратил свой эксперимент.

За восемь последующих минут у ворот «Баварии» трижды возникали моменты, но ни Писарро, ни Торстен Фрингс, ни

Аарон Хант так и не довели дело до конца.

А потом инициативой в игре полностью завладела «Бавария», преподав нам настоящий урок. Арьен Роббен забил первый гол с пенальти, назначенного из-за игры рукой Пера Мертезакера. Разрыв в счете увеличил Ивица Олич. Под конец по голу забили Франк Рибери и Бастиан Швайнштайгер. Между тем после второго нарушения с поля выставили Торстена Фрингса.

В финале Кубка Германии со счетом 0:5 в 1971 году закончилась встреча «Шальке» с «Кайзерслаутерном». И вот теперь, сорок лет спустя, почти с таким же разгромным счетом финал закончился и для нас. Я едва ли проявил себя в той игре. Меня не за что было хвалить. Отчасти из-за того, что я оказался на непривычной для себя позиции.

Вместе с тем Томас Шааф полагал, что мое неудачное выступление не в последнюю очередь было вызвано еще и тем, что начиная с ноября 2009 года о моем будущем в «Вердере» заговорили в открытую. «К уже одному факту того, что теперь этот вопрос будет вставать снова и снова, нужно сначала привыкнуть».

Новый переход рассматривался в качестве одного из возможных сценариев развития событий. На исходе 2009 года британские газеты писали о намерении Арсена Венгера взять меня в «Арсенал» в качестве подкрепления в случае, если Сеск Фабрегас уйдет в «Барселону».

И действительно, тогда я впервые познакомился с Венгером. Мы созвонились. Причем позвонил он. И разговор вышел очень душевным. У Венгера очень приятная манера общения. Он говорит очень спокойно. Вдумчиво подбирает слова. Он продемонстрировал удивительную осведомленность о том, как у меня идут дела в «Вердере».

«Ты очень далеко продвинулся, – начал он. – Но теперь пришла пора сделать новый шаг. В Лондоне я мог бы помочь тебе достичь следующей ступени мастерства».

Ему хотелось знать, бывал ли я уже в Лондоне, на что я ответил отрицательно. Венгер свободно владел немецким, что очень упрощало общение. Через двадцать минут он попрощался. «Было приятно познакомиться. Мы остаемся на связи и посмотрим, как все повернется».

Для меня загадка, как информация о том, что у «Арсенала» на меня виды, просочилась в прессу. Но меня это страшно разозлило. Ведь по итогам предыдущего трансфера из «Шальке» я усвоил, что подобные переговоры следует вести очень осторожно.

На тот момент вопрос, покину ли я «Вердер», еще не был

решен. Мы поговорили с отцом и агентом, что повременим с продлением контракта, пока не будут подведены итоги сезона и последующего за ним чемпионата мира. В конце концов, мой контракт с «Вердером» будет действовать вплоть до 2011 года. Зачем продлевать его сейчас, тем самым отметая прочие варианты?

Карьера футболиста коротка. Годы расцвета наперечет – и их гораздо меньше, чем в бизнесе. Обыкновенный работник может заниматься самореализацией по двадцать, тридцать или даже сорок лет, в то время как мы, футболисты, должны выжать максимум в предельно сжатые сроки, имея в запасе не больше 15 лет.

Мы не можем метаться из стороны в сторону и каждый раз с радостью пробовать что-то новое. Твою карьеру может разрушить один неверный выбор трансфера, одна идиотская подпись. Так же опасна и нерешительность при переходе на новый уровень. «Реал Мадрид» или «Барселона» не будут стучаться в твою дверь по сотне раз, из года в год выступая с новыми предложениями. Вот у них образовалось свободное место в команде, и тебе дают возможность его занять. И если сейчас ты упустишь свой шанс, эта дверь закроется для тебя на долгие годы, ведь это свободное место займет другой топовый игрок.

В «Вердере» мне было более чем комфортно, я наслаждался возможностью играть за этот клуб. Но я стал замечать, что постепенно вырастаю из него. Что я остановлюсь в развитии, задержись я тут еще на два, три или четыре года. Именно поэтому мы не хотели спешить с продлением, несмотря на соответствующее предложение от «Вердера». Это вовсе не означало, что я неблагодарный. Таков уж наш бизнес.

На поле ты являешься частью команды, но в деле подписания контрактов и профессиональных достижений решаешь только за себя.

Твой клуб окружает тебя заботой, пока ты нужен в команде в борьбе за чемпионский титул, пока тренер считает тебя важным винтиком в своей системе. Но как только у руководства клуба на примете появляется кто-то лучше тебя, то из добрых боссов они мгновенно превращаются в суровых дельцов. Несмотря на то что контракт с тобой еще длится, они мысленно уже прощаются с тобой. И их уже нисколько не интересуют твои былые заслуги.

Этот урок прошлым летом[10] преподали Бастиану Швайнштайгеру. После чемпионата мира 2014 года бывший тренер «Баварии» Луи ван Гал хотел во что бы то ни стало заполучить его в «Манчестер Юнайтед». Но стоило Жозе Моуринью сменить ван Гала, место для Швайнштайгера в

тренерских планах тут же кончилось.

Одним словом, мы хотели рассматривать сразу все варианты. Не больше и не меньше. Что я считаю абсолютно справедливым. Когда журнал «Шпорт Бильд» выпустил в декабре 2010 года материал об угрожающе возросшем количестве трансферов и оценил на 70% мою «вероятность побега», это мне совершенно не понравилось. Отчасти из-за способа подачи. Сбегают из клуба, которым недовольны. Когда не хотят больше иметь с ними никаких дел. Когда существуют непреодолимые разногласия. Так, как было у меня в «Шальке». Тогда было бы вполне уместно говорить о побеге. Я действительно хотел оказаться подальше от Сломки и Мюллера. Но с «Вердером» было совсем не так. Зачем сбегать из клуба, где от тебя так много ожидают и так способствуют твоему росту? Где состоялось такое значительное продвижение в карьере? Где от заката и до рассвета тебе оказывают безграничное доверие? Вероятность перехода в другой клуб была. Состоялись начальные, ни к чему не обязывающие переговоры. Имели место раздумья, но никак не планы побега.

Само собой, теперь Клаус Аллофс все чаще и чаще заговаривал со мной о дальнейших планах в связи с этими слухами. «Мы убеждены, что Месут продолжит свой профессиональный путь в составе «Вердера», – поначалу уверял он общественность.

Звезда футбола из Швеции Златан Ибрагимович так написал в своей удивительной книге мемуаров «Я – Златан» о том, как проходили трансферы: «Одна игра идет на поле. Другая игра идет на трансферном рынке – и мне нравятся они обе, и я знаю в них немало трюков. Я знаю, когда нужно держать свой рот на замке, а когда нужно драться»[11].

Я хочу играть в футбол и завоевывать титулы. Это моя задача. На этом я концентрирую все свое внимание. Для остального есть мой агент, который согласует свои действия со мной.

Когда я официально объявил об окончании своего пребывания в «Шальке», мы постарались уладить все мирно и даже пригласили ведущего спортивного обозревателя журнала «Шпорт Бильд» Флориана Шольца к нам домой, чтобы показать, где я вырос. Что мы с семьей отнюдь не катаемся как сыр в масле. Что мы не вымогатели, что мы не наглые, что мы не купаемся в деньгах. Таким отчаянным образом отец вместе с агентом попытались отвязаться от негативного имиджа.

Я бы хотел как можно меньше вникать в эти закулисные игры на трансферном рынке. Тут скорее навредишь, чем поможешь делу. Вот честно, как лучше всего комментировать слухи о переходе в другой клуб? Если оставить вопросы журналистов без

ответа и просто пройти мимо, на следующий день в газетах напишут, что молчание – это знак согласия.

И правду ведь тоже не скажешь. Ведь переговоры с любым клубом начинаются с негласного обещания, что обе стороны будут держать язык за зубами. Как бы понравилось Арсену Венгеру, если бы я всем в «Вердере» с радостью доложил о его звонке? Он наверняка расценил бы это как вероломство и никогда больше не стал со мной общаться.

Или мне стоило слегка приврать? Как же лучше всего поступить?

Со стороны всегда гораздо легче судить обо всем, задрав нос. Но не когда ты сам сталкиваешься с этим. Ежедневно ты должен держать ответ перед многочисленными журналистами, которые так и следуют за тобой по пятам. Они ожидают, что мы, профессиональные футболисты, с готовностью расскажем о своих решениях. Но с чего бы? Где написано, что мы обязаны распространяться на эту тему? Когда журналисты переходят из одного издания в другое, вероятно, они делятся такими новостями с коллегами, только когда все переговоры уже позади. Так же как и в любой другой сфере, если речь идет о смене работы. Но только не у нас.

В то время, пока Франка Рибери обхаживали со стороны мадридского «Реала», я считался самым вероятным кандидатом на его место в составе «Баварии», если в итоге француз примет решение уехать в Испанию.

Слухи о трансферах достигли апогея во время чемпионата мира в Южной Африке и не прекращались даже после его окончания.

Больше молодых игроков в сборной Германии, чем у нас тогда, принимало участие только в чемпионате мира 1934 года. Мануэль Нойер, Хольгер Бадштубер, Сами Хедира, Томас Мюллер и я были в числе дебютантов. Наш капитан Михаэль Баллак вынужден был пропустить чемпионат из-за травмы, нанесенной Кевином-Принсом Боатенгом. К моему великому сожалению, ведь Баллак всегда был одним из самых горячих моих заступников. Насколько мне известно, он не раз высказывался в мою пользу в присутствии Йоги Лёва и членов его тренерского штаба. Отсутствие такого опытного и благонамеренного человека на ЧМ ощущалось как настоящий шок. Хотя впоследствии это оказалось чуть ли не на благо как мне, так и команде в целом. Потому что таким образом мы, представители нового поколения, перестали прятаться за спинами других, не имели возможности переложить ответственность на чужие плечи, должны были сами проявить смелость.

Йоахим Лёв выпустил меня в стартовом составе против Австралии в первом туре группового турнира ЧМ. Я вышел на сцену высочайшего в своей карьере уровня. Да, на других стадионах, например на Олимпийском стадионе в Берлине, возможно, и собиралось больше зрителей, чем в Дурбане. Но в тот раз за мной наблюдало в разы больше людей в прямом эфире, ведь матчи чемпионата мира транслировались в более чем 200 странах мира. В довершение ко всему я еще никогда не слышал, чтобы на трибунах производили такой необычный шум. Наш выход на поле из недр стадиона Мозес Мабида сопровождал гул множества вувузел. Эти звуки напоминали рой растревоженных шмелей.

Перед началом матча, стоя между Бастианом Швайнштайгером и Пером Мертезакером, я прослушал сначала немецкий, а затем австралийский гимн и внезапно почувствовал, как меня накрыло волной счастья. Я почувствовал, как у меня по коже бегут мурашки, и слегка поежился, настолько сильны были эмоции. По накалу тот момент сильно превосходил первую игру Бундеслиги. Это было грандиознее первого гола Бундеслиги. Невесть откуда взявшееся ощущение счастья совершенно неожиданным образом захлестнуло меня и накрыло с головой.

Но эти чувства совсем не лишили меня способности мыслить трезво, не заставили застыть на месте. Совсем наоборот. В ту минуту, когда судья дал свисток к началу игры и я прикоснулся к «Джабулани» – официальному мячу чемпионата мира, то сразу понял: сегодня настанет мой звездный час. Я чувствовал себя легким, как перышко, и был преисполнен уверенности. Я не размышлял, а действовал. Что, в общем-то, лучший способ показать хорошую игру.

Без лишних мыслей в голове я играю охотнее всего. Я не имею никакого желания ломать голову над тем, как бы обойти своего противника, и вместо этого действую по наитию. Я не хочу слишком глубоко задумываться над тем, куда послать очередной мяч, и просто посылаю его в нужное место. Много думать вредно. В идеале твои движения должны быть отточены до автоматизма и совершаться интуитивно. Раздумья сильно тормозят. Большинство моих голевых передач – результат предчувствия, помноженного на удачу. Конечно же, при этом мои товарищи по команде должны принять верное решение и вовремя открыться.

Именно по этой причине я не в восторге от бесконечных и детальнейших разборов игр с просмотром их на видео. Да, это черта профессионалов – стремление обнаружить слабые места у своего противника. Чтобы быть во всеоружии, когда в следующий

раз я буду обводить соперника. Для меня немаловажно знать, что у игрока передо мной, к примеру, слабовата левая нога. Но если меня слишком сильно будут занимать мысли о слабостях противника, то в решающий момент мне не хватит секунды для удара. Либо я забуду о собственных преимуществах, ориентируясь только на противника. А что, если тренер противоположной команды решит провернуть коварный трюк и выставит против меня совсем другого игрока?

Мой учитель испанского, приступивший к занятиям со мной буквально пару месяцев спустя, объявил мне в самом начале: «Я научу тебя языку так, что ты заговоришь на нем незаметно для себя. Слова и предложения будут приходить тебе на ум без лишних умственных усилий. Я намерен сделать иностранный язык частью твоей повседневной жизни. Когда ты встаешь по утрам, ты ведь не думаешь над тем, как будешь добираться на тренировку, на какую скорость при этом должен будешь при этом переключиться. Ты едешь себе и едешь и делаешь очень многое машинально, пока не прибудешь на свою базу. Я не стану пичкать тебя ни грамматикой, ни лексикой. Я хочу, чтобы ты заговорил на испанском без усилия». Так и в футболе.

В том матче со сборной Австралии я не потратил ни секунды на раздумья. А просто играл. Я сделал два обманных движения, увидел, как стартовал Томас Мюллер, и отдал ему пас – мяч пролетел мимо трех австралийцев как раз на выход Томасу. Если бы я пасовал на доли секунды позже, задумавшись о том, как поступить, то наверняка мяч перехватили бы, кто-то из трех соперников достал бы его обязательно. Но поскольку пас был интуитивным, все получилось в лучшем виде, и Мюллер откатил мяч дальше в центр, где к нему подоспел Лукаш Подольски – и вот он уже в воротах через каких-то восемь минут после начала матча. Мирослав Клозе и Томас Мюллер довели счет до 3:0 в нашу пользу, четвертый и финальный мяч забил Какау.

Матч со сборной Австралии стал венцом моей карьеры. Это была чистой воды магия. Задуманное осуществлялось. Каждый пас. Каждое открывание. Каждый выход один на один. Каждая игра в «стенку». Решительно все.

Когда в середине второго тайма меня заменили, болельщики сборной Германии поднялись со своих мест. Устроили стоячую овацию. Они хлопали в ладоши и выкрикивали мое имя. В тот момент я лопался от гордости.

Также я отчетливо расслышал, что обо мне сказал главный тренер немецкой сборной Йоахим Лёв перед телекамерами: «Месут невероятно ценный игрок для нашей сборной, он прекрасно демонстрирует именно такую игру, которая

соответствует нашему уровню. Его убийственно эффективные пасы производятся с невероятной легкостью, он нисколько не тормозит игру, напротив, она течет как по маслу. *Даже без мяча он остается активным.* Он добился чрезвычайно больших успехов».

> Матч со сборной Австралии стал венцом моей карьеры. Это была чистой воды магия. Задуманное осуществлялось. Каждый пас. Каждое открывание. Каждый выход один на один. Каждая игра в «стенку». Решительно все.

До меня также долетели похвалы из уст Мирослава Клозе: «Мы долгое время искали так необходимую нам десятку. Как же хорошо, что Месут решил выступать за сборную Германии. Он не имеет себе равных, отдавая своим товарищам по команде очередной невероятный пас».

Братец Мутлу пересказал мне чуть позже сказанное «Кайзером» Францем Беккенбауэром: «То, что делает Месут Озил, неподражаемо».

С ума сойти, и ведь эти слова принадлежали классному игроку, нашему тренеру и легенде футбола. Но я не должен был ими прельститься. Одна-единственная хорошая игра еще ничего не означает ни для меня, ни для команды в целом. У нас впереди был еще долгий путь.

Второй матч с Сербией также складывался для меня удачно. В течение пяти минут мне удалось отдать два суперпаса на Лукаша Подольски, которые, впрочем, он так и не реализовал. Вместо этого забил Милан Йованович – и параллельно мы лишились Мирослава Клозе, которого удалили за две желтые карточки.

И тут наше уверенное продвижение вперед, несмотря на великолепный выход против сборной Австралии, застопорилось. Мы знали, что должны одолеть Гану, чтобы выйти в финальный раунд.

У обеих сторон случались неплохие моменты. На 25-й минуте я получил невероятный пас от Какау, отрезавшего от меня всех соперников. Поистине, пас мечты. В полном одиночестве я бежал прямо на вратаря Ганы Ричарда Кингсона. Защитники находились в 6—7 метрах от меня. Я коснулся мяча правой ногой, пробросил его на три шага. И задумался. Черт! Черт! Черт! Что делать, бить? Или постараться обыграть вратаря? Я провел мяч еще немного вперед. На этот раз уже левой. Я уже достиг штрафной площадки. На меня несся Кингсон. Он выбежал за пределы своей вратарской площадки. Мы были лицом к лицу. Нас разделяла всего пара

метров. Я видел, как он раскрыл рот и заревел. Верхом или низом? Верхом или низом? Ну, что же? Верхом! Ох, лучше бы низом. Дурная ты моя голова, хватит сводить меня с ума. Прекрати же! Все! Стоп.

Кингсон рванул мне навстречу, резко выставив ноги в подкате. «Ну, еще немного!» – подумал я. Пока я решал, что пробью низом, меня уже давно раскусили – и его правая нога была тут как тут. Какой шанс я упустил. Да еще и в такой важной игре.

«Siktir lan», – злился я на себя. Как же глупо все порой выходит.

И второй такой же крупный, но, может быть, не такой очевидный, шанс я также оставил неиспользованным. Мяч, посланный со свободного Швайнштайгером, внезапно оказался передо мной. Удивленный такому подарку, я готовился пробить с 12 метров. Но один из ганцев бросился наперехват и блокировал мой удар.

Во втором тайме я наконец отключил голову и начал действовать. Томас Мюллер отдал мне пас с правой бровки. Обработав мяч, который слегка подскакивал, я увидел, что путь свободен, и просто пробил с 18 метров. Мяч со свистом пронесся над головами ганцев и приземлился точнехонько у левой штанги. Победный гол, обеспечивший выход в одну восьмую.

Неожиданно я был назван в «Гадзетта делло спорт» «путеводной звездой» немецкой сборной, хотя на тот момент провел за нее всего тринадцать матчей. «Туттоспорт» причислила меня к «лучшим игрокам чемпионата мира». В Турции мой гол чествовали как «суперракету» с подачи «Фанатик». А «Бильд» вышла с таким заголовком: «О-о-о-о-о, как же ты бьешь».

В ⅛ финала я сделал голевую передачу в матче со сборной Англии, закончившемся с победным счетом 4:1. В четвертьфинале мы встретились со сборной Аргентины – созвездием таких выдающихся игроков, как Хавьер Маскерано, Анхель Ди Мария, Гонсало Игуаин, Карлос Тевес и Лионель Месси, я сделал передачу на Клозе, позволившую ему забить наш четвертый гол. Мы действовали единодушно и безошибочно. И получили признание всего мира. «Германия наводит страх», – появилось на страницах испанской ежедневной газеты «Ас», «Марка» же восторженно писала: «Новая сборная Германии просто класс. Эта команда играет иначе, они гораздо мягче обращаются с мячом».

В полуфинале нас ожидала встреча с действующими чемпионами Европы – сборной Испании. Даже они питали к нам невероятное уважение. «Я всегда был большим поклонником вашего стиля игры, – заявил Фернандо Торрес перед началом

матча. – Судя по ходу нынешнего чемпионата, вы заслуживаете победу даже в большей степени, чем мы. На чемпионате мира нам еще не приходилось противостоять команде, которая была бы так сильна в нападении. Мы должны быть как начеку». Давид Вилья назвал наши успехи «поистине выдающимися». Даже их главный тренер Висенте дель Боске оказался впечатлен: «В матче с Германией мы должны играть, не щадя себя. На сегодняшний день им нет равных в мире».

К сожалению, в том полуфинале мы ничего не добились. Как и в 2008 году, когда меня, впрочем, еще не было в сборной, мы снова проиграли испанцам. Правда, тогда это был финал чемпионата Европы. На этот раз – полуфинал. Мы не вступали в единоборства. Мы все время отставали на один такт. Их тики-така действовала на нервы. Нет ничего хуже для футболиста, чем противостоять коротким пасам противника и непрерывному движению с мячом, так что перехват решительно невозможен. Андрес Иньеста, Давид Вилья, Хаби Алонсо и компания вконец замотали нас. Вот ты пытаешься рвануться и отвоевать мяч. И какое же разочарование, когда после твоего долгого рывка в одну сторону мяч мгновенно снова уходит на другую.

На 73-й минуте Пуйоль пробил головой в угол наших ворот, и это означало окончательный конец. Я до сих пор отлично помню, как Йоги Лёв что есть мочи кричал на последних минутах матча. «Теперь либо все, либо ничего», – призывал он с боковой линии. Пока в запасе было еще 10 минут, он выцепил нашего капитана Филиппа Лама, дотянувшись до него своей длинной рукой, и через него передал остальным: «Все в атаку. Неважно, что при этом мы можем проиграть со счетом 0:2. Тут уже не важно, 0:1 или 0:2. Не бойтесь рисковать!»

Мы собрались и с новыми силами настроились не допустить поражения. Но тщетно. Мы вылетели. И сразу же – по крайней мере в Германии – все бросились искать крайнего. Вместо того, чтобы воздать команде по заслугам по результатам прошедших выступлений. Вместо того, чтобы не дать упасть духом, ведь все без исключения были подавлены.

Ни с того ни с сего комментатор с ZDF Бела Рети обрушился с критикой в связи с местом нашего пребывания во время чемпионата мира. В отличие от нидерландских футболистов, размещенных в одном из центральных отелей Йоханнесбурга, где у них была возможность по вечерам сидеть вместе с другими постояльцами в баре, нас поселили в малонаселенном месте на краю Претории. Он выразил недовольство тем, что наш отель был отгорожен ото всех. Компанию футболистам, помимо их товарищей по команде и руководства сборной, составили разве

что парочка журналистов и вараны, заявил он.

До вылета из чемпионата в полуфинале никого и не волновало наше размещение. Мы демонстрировали отличную игру и поражали воображение фанатов по всему миру. Но вот теперь, после неудачного матча, виной всему оказался отель? Полный бред!

Позади у большинства игроков сборной Нидерландов – впечатляющая футбольная карьера. Марк ван Боммель, к примеру, завоевал бесконечное множество чемпионских титулов – в Италии, Германии, Испании и у себя на родине. Он выиграл не одну Лигу чемпионов. Но, несмотря на то что он, следуя логике Белы Рети, мог расслабиться в баре и жил в гораздо лучшем окружении, чем журналисты и вараны, ему еще ни разу не удалось стать ни чемпионом мира, ни чемпионом Европы. В финале ЧМ – 2010 в составе сборной Нидерландов он проиграл все тем же испанцам.

Тот чемпионат мира был просто потрясающий. И нам следовало по-настоящему гордиться тем, что нам довелось выступить там, будучи очень юной и неопытной командой. Наша победа над Уругваем в матче за третье место подтверждает, насколько высок был наш моральный дух.

Незадолго до закрытия чемпионата мира мы собрались всей сборной, чтобы послушать традиционное обращение Йоги Лёва, которое он начал так: «На чемпионате мира мы всех удивили. Это был отличный турнир. Здесь, в Южной Африке, я увидел команду, которая меня вдохновила. И я уверен, что эта команда еще возьмет свое и определенно завоюет чемпионский титул. Я точно знаю». И он оказался прав.

Кстати, даже после окончания чемпионата мира я все еще не принял никакого решения по поводу трансфера. После удачного выступления в Южной Африке мой рейтинг, по оценкам СМИ, подскочил до потолка. Меня упоминали даже в политических кругах. Так, большого фаната «Вердера» из партии «Зеленых» Юргена Триттина в интервью журналу «Stern» спросили обо мне. Он лукаво ответил: «Озила невероятно переоценивают. Пожалуйста, передайте это информационным агентствам. Так снизится вероятность, что его у нас выкупят».

В дискуссию после ЧМ активно вступил и Клаус Аллофс, он льстил моему самолюбию, публично расточая комплименты. «Месут, пожалуй, даже лучше Лионеля Месси», – как-то раз сказал он.

Каждую новую неделю он должен был снова обозначать свою позицию и давать новые прогнозы. В середине июля в интервью

«Вельт ам Зоннтаг» он заявил: «В разговоре с глазу на глаз он признался, что ему нравится в «Вердере» и конкретных предложений ему также еще не делали. Так что я даже не переживаю, что он уйдет от нас». Почти так же он выразился в журнале «Кикер»: «Я не исключаю, что Месут продлит с нами свой контакт». Добавив, что «нельзя представить более неблагополучного исхода, чем прощание с футболистом, на смену которому никто не приходит. Но раз не получается уладить финансовую сторону, тогда как в спортивном плане игрок нас полностью устраивает, приходится принимать, что срок действия его контракта рано или поздно истечет».

То была его первая скрытая угроза в мой адрес: нам лучше не стоило принимать другие предложения. Вполне возможно, что мы все равно оставим тебя здесь и разгоним всех интересующихся.

Как было сказано выше, после напряженного турнира в Южной Африке я отдыхал на Майорке, на несколько дней арендовав усадьбу в Порт-Андратч. И оттуда мы вели переговоры о моем будущем. Мой агент даже распорядился установить в доме факсовый аппарат. Отсюда мы летали в Мадрид и Барселону, чтобы лично выслушать, какие планы относительно меня есть у руководства обоих клубов. Здесь же я часами валялся в шезлонге, ломая голову над тем, действительно ли стоит дерзнуть и отправиться в «Реал Мадрид», где моим конкурентом стал бы их тогдашний плеймейкер Кака. Хотя я решился довольно быстро: да, стоит.

Единственным препятствием на этом пути был Клаус Аллофс. Он втихую ставил мне много палок в колеса. Из славного генерального директора, который три года прикрывал меня и защищал от почти сошедших на нет нападок прессы, который одаривал меня самыми пышными комплиментами, он превратился в сурового, бездушного дельца, который действовал не ради моего блага, а в интересах клуба. Неожиданно он связался с нами по телефону. И уже не скрывал своего раздражения в связи с моими трансферными планами. «Я не могу тебя отпустить, – как-то он обронил в разговоре. И заговорил о таких вещах: – В нашей власти заставить тебя целый год просидеть на скамейке запасных».

Мой агент тут же перезвонил Аллофсу, чтобы сгладить ситуацию. Он начинал снова и снова. Но бременский босс оставался тверд как кремень. По его словам, если он сейчас позволил бы мне уйти, то размер компенсации должен быть пропорционален. В свою очередь, мы знали, что «Реал» готов заплатить за меня около 15 миллионов евро. То есть в три раза больше, чем за меня просил «Вердер». Недурная компенсация,

учитывая, что у меня оставался лишь год до окончания контракта. Впрочем, в самом начале Аллофс пытался, если мне не изменяет память, заломить 30 миллионов, какая-то совершенно дикая сумма.

Я здорово тогда тревожился, ведь сделка могла провалиться. Из-за Клауса Аллофса мог сорваться шанс всей моей жизни. Тогда я сам взял трубку. «Однажды оказаться в команде под руководством Жозе Моуринью – моя заветная мечта», – сказал я ему. А затем рассказал ту историю на игре с Миланом и процитировал свои слова, сказанные агенту. «Такое выпадает лишь раз в жизни», – не унимался я. Я не хотел ни запугать, ни разозлить его. Я хотел всего лишь убедить Клауса Аллофса, какой невероятный шанс мне представился и как важен для меня переход в эту команду. «Пожалуйста, не порть мне будущее. Ну пожалуйста, – сказал я почти с мольбой. – Поезд «Реал Мадрид» проносится лишь раз. Позвольте мне вскочить в свой вагон».

Я отдавал себе отчет, что Аллофс был раздосадован перспективой потерять игрока, который провел в клубе три года и на которого строили еще много планов. Разумеется, я понимаю его чувства. И я даже готов понять его упрямство.

Но когда меня начали запугивать скамейкой запасных, я счел, что это уже перебор. Кто выиграл бы оттого, что меня бы наказали?

Накануне отъезда из майоркской усадьбы в Порт-Андратч мы с друзьями примостились у телевизора, где внизу экрана в какой-то момент бегущей строкой передали срочные новости. «Хедиру взяли в «Реал Мадрид», – значилось там. – За игрока «Штутгарта» потрачено 14 миллионов. Хедира подписал контракт на пять лет».

У меня тут же разыгралось воображение. Перед мысленным взором мне чудилось, что вместо «Хедира» написано «Озил», а вместо «Штутгарта» – «Вердер». Мне тоже хотелось попасть в экстренный выпуск новостей. Мне не хотелось больше ждать. И наконец, мне хотелось уже все рассказать друзьям. Сделать их сопричастными. Больше не молчать как рыба. Покончить со всеми этими секретами. Барыш прервал мои размышления. «С тобой все в порядке?» – спросил он.

«Да, да», – закивал я. Мне кажется, к тому времени он уже догадывался, в чем дело.

В начале августа я должен был вернуться в Бремен. Подготовка к новому сезону была в самом разгаре, игроки, не входившие в национальную сборную, уже отправились в Донауэгинген и на остров Нордернай. Третий этап подготовки состоялся в австрийском городе Бад Вальтерсдорф. В то же самое время в «Вердер» перешел Марко Арнаутович.

Когда на меня наседали журналисты, по совету агента я выдавал им вызубренные, практически ничего не значащие фразы типа: «Для меня важны только факты. И они таковы, что у меня контракт с бременским «Вердером». На ближайшие 12 месяцев ситуация абсолютно ясна. Я не могу сейчас судить о том, что произойдет в дальнейшем».

5 августа появились известия о том, что Кака предстоит операция на колене – в Антверпене ему должны были сделать артроскопию мениска, – и это означало, что меня точно должны взять в Мадрид. Когда два дня спустя мы встретились с «Фулхэмом» в рамках товарищеского матча, на стадионе «Крейвен Коттедж» среди зрителей был замечен сэр Алекс Фергюсон, и газета «Times» предположила, что он приходил по мою душу. 11 августа в немецких информационных агентствах появилось сообщение следующего содержания: «Если верить испанским спортивным газетам, Месут Озил уже совсем скоро в том же качестве появится у них на страницах. Условия его трансфера из «Вердера» в «Барселону» были бы просто идеальны: контракт на четыре года, 12 миллионов в качестве компенсации».

> Я каждый вечер мечтал о «Реале». Каждый вечер я проникался атмосферой, окружавшей «Реал». Я все еще тренировался в «Вердере», но мысленно был уже в Мадриде.

СМИ взахлеб обсуждали новые слухи. А я написал одно сообщеньице. Я уже давно проникся доверием к Сами Хедире и точно знал, что могу во всем на него положиться. «Есть вероятность, что скоро мы будем играть в одной команде», – еще в начале августа писал я ему. Когда его переход был объявлен официально, переписка между нами участилась. Я задавал ему тысячу стандартных вопросов. Например: «Как тебе тренер?» Или: «Ну и как команда?» А также: «Ты бы решился, будь ты сейчас на моем месте?»

Однажды случилось нечто забавное. Мой телефон пискнул, сигнализируя, что пришло сообщение от Хедиры. «Прив, Мес, – писал он, – я тут тебе сейчас перешлю сообщение от Моуринью». Тут телефон пискнул еще раз, на этот раз в знак того, что пришло упомянутое послание. Оно гласило: «Привет, Сами. Взгляни на наш будущий стартовый состав». Дальше шли 11 имен. Среди которых, конечно же, был Роналду, Рамос, Хедира. И даже мое имя попало в этот список от «Реала», хотя со мной еще даже не подписали контракт. Моуринью пребывал в уверенности, что выйдет именно так, как он задумал, поэтому даже решил поделиться с частью игроков своими планами.

Переписка с Хедирой помогла мне выдержать тот мучительный период ожидания. Я не отличаюсь особым терпением. Я каждый вечер мечтал о «Реале». Каждый вечер я проникался атмосферой, окружавшей «Реал». Я все еще тренировался в «Вердере», но мысленно был уже в Мадриде. Я хотел стать полноправным членом той команды. А не просто невзрачной строчкой в списке, присланном по SMS.

17 августа 2010 года трансфер объявили в высшей степени удачным. «Реал» договорился с Аллофсом по цене – мой трансфер обошелся им в 15 миллионов. «Нам удалось заполучить его контракт по цене, которая далеко не соответствует его реальной стоимости. Этот шанс просто нельзя было упустить», – прокомментировал Жозе Моуринью.

Меня ровным счетом не интересовала сумма, назначенная за мой трансфер. Главное, что я наконец-то оказался там. Вот так, в одночасье, моя жизнь круто изменилась.

12. Здравствуй, новый мир! *Твоя задача – никогда не останавливаться на достигнутом*

О том, что «Реал Мадрид» – величайший футбольный клуб на свете, мне было известно до перехода туда. Но со стороны трудно себе представить его реальные масштабы. Их не постигнешь, пока сам с ними не столкнешься. Нужно оказаться встроенным в эту невероятную систему, чтобы в ней разобраться. Обычно говорят о славной истории «Реала». Но это всего лишь слова. Размах «Реала» осознаешь, только когда сам становишься частью этого колоссального объединения, которое поглощает тебя целиком.

Когда я впервые надел на себя форму игрока мадридского «Реала», я весь затрепетал. Меня вправду била дрожь, и я даже немного испугался своей настолько бурной реакции. Это не какая-то там тряпочка, которую снимаешь и надеваешь. В тот момент, когда я ощутил эту форму на себе, мне стало предельно ясно, какая ответственность легла на мои плечи. На какое дело я подписался.

Впервые оказавшись на тренировочной базе, я просто остолбенел. Эти просторы не шли ни в какое сравнение с тем, что я видел в «Вердере» и «Шальке». В качалке тренажеров было больше, чем игроков. Не надо было ни секунды тратить на ожидание, пока твой товарищ по команде закончит упражнение. Всего было в изобилии, условия просто превосходные. Для футболиста – все равно что рай на земле, если можно так выразиться.

Одним из самых главных достоинств «Реала» было то, что там можно было работать без помех в абсолютной тишине. Никто тебе не мешал. Не было журналистов, которые вникали во все внутренние дрязги в погоне за сенсациями. Соответственно, не было ни одного случая «шпионажа» во время закрытых тренировок. На тренировках «Баварии», к примеру, всегда толпятся папарацци, которые пытаются отснять не предназначенные для чужих глаз схемы и отследить ход самой тренировки. Снова и снова собираются они за заграждением, внимательно вслушиваясь, что за указания раздает тренер. Подобное исключено в «Реале» – настолько обособленно расположена база. Информация о том, что тренер отрабатывает с командой, таким образом, отсюда не просачивается. Тренировки «Реала», как, кстати, и лондонского «Арсенала», проходят в

закрытом режиме.

Стоит отметить, что как раз напротив тренировочной базы «Реала» расположен принадлежащий клубу отель. Когда игрок почувствует усталость, то в перерыве между тренировками к его услугам – отдельный номер, где он может уединиться. Дверь номера открывается при помощи сканирования отпечатка пальца. Никакие карточки к электронным замкам не нужны.

Впервые приминая траву на стадионе «Сантьяго Бернабеу», я чувствовал себя карликом. Когда я оглядывал эти крутые ярусы, уходящие ввысь, мне казалось, что я уменьшился в размерах. Стал просто крошечным. Первые шаги по газону я сделал с величайшей осторожностью, и зачем только? Если честно, полнейшее безумие. Но у меня было ощущение, что священный зеленый покров, на котором было совершено столько подвигов, не подобает вот так бездумно топтать. Я допускаю, что на свете найдутся сотни футболистов, которые заплатили бы любые деньги, лишь бы только сыграть разок на этом поле, на этом стадионе. Вероятно, и я оказался бы в их числе, не выпади мне шанс присоединиться к «королевскому клубу».

То и дело я убеждался в значительности мадридского «Реала». Во время чемпионата мира в Южной Африке перед отелем, где жила наша сборная, собиралось по паре десятков фанатов. Переезжая с место на место с «Реалом», я видел тысячи, которые обступали места нашего пребывания ради того, чтобы несколько секунд лицезреть нас вживую. Меня поразила шумиха, которой сопровождалось каждое появление «Реала». Это – показатель любви, которую весь мир испытывает к «Реалу». Ни одна команда в мире не сводит людей с ума так, как «Реал». «Сама по себе победа – еще не все. Победы следует одерживать совершенно особенным образом», – как-то раз высказался легендарный мадридский нападающий Эмилио Бутрагеньо. За недели до трансфера я много читал о «Реале», часами просматривая в Сети всевозможную информацию о них. В какой-то момент я и наткнулся на эту цитату. Сумасшествие, конечно, но зато правда!

Ожидания болельщиков, а также журналистов были и вправду невероятно высоки. Никого из игроков «Реала» не меряют обыкновенным аршином. Ведь зрители привыкли к тому, насколько высока планка Роналду и его команды. Они каждый раз застают шквал голов. Становятся свидетелями рекордов, один за другим устанавливаемых «Реалом». Наблюдают игру на высшем уровне. И к этому давно привыкли. Невероятное кажется им вполне очевидным. Если Роналду набирает меньше 40 забитых

голов за сезон, это автоматически означает, что он скатился в кризис. Причем «Реал» сам поставил себя в такие условия. «Хорошо» не годится для «Реала». Напряжение поистине невероятное. С ним предстояло научиться справляться.

После первого же товарищеского матча я понял, что к чему. Мое премьерное выступление в форме «Реала» продлилось 58 минут в рамках матча с «Эркулесом» из Аликанте, пробившемся в высшую испанскую лигу. «Всего лишь в нескольких сценах Озил продемонстрировал, какого уровня он игрок, – писали в газете «Марка». – Пока мяч у него, ворота противников под угрозой. В лице Озила Криштиану Роналду обрел высококлассного товарища по команде». Газета-конкурент «Ас» высказалась куда более критически: «Озила явно ожидают более успешные выступления в сливочной форме. Экс-игрок «Вердера» продемонстрировал нестабильную игру». А один журналист из «Марки», несмотря на позитивную оценку других коллег, пришел к заключению, что я производил впечатление «священника в борделе», что бы это ни значило.

После переезда в Мадрид я поселился в отеле. Но прожил там совсем недолго, потому что не затягивал с поиском собственного гнезда. Сначала я поселился в доме по соседству с Сами Хедирой. Снаружи он напоминал Белый дом в Вашингтоне. Если честно, он мне с самого начала не особенно нравился. Но я как-то не подумал, ведь после Бремена для меня принципиально было больше никогда не задерживаться на несколько недель в отеле. Но в этом здании мне было неуютно. Дом был меблирован. Так что я сидел на диване, который выбрал предыдущий владелец. Спал на постели, где до меня спал кто-то еще. Я бродил по комнатам, которые выглядели как операционные. Белые, до блеска выскобленные, безликие. У нас с хозяином дома абсолютно не совпадали вкусы. Я не мог, как ни старался, назвать это место своим домом. Поэтому через несколько месяцев снова переехал. На этот раз в район, где жил мой друг Серхио Рамос. Дом еще достраивался. Это означало отсутствие внутренней отделки. Я мог и должен был все устроить сам. Так я закупил все, что мне понравилось. Не проявив при этом большого дизайнерского мастерства. Далеко не вся мебель сочеталась между собой. Все было хаотично составлено вместе. Но мне так хотелось, и я наконец-то мог почувствовать себя как дома.

Так же я чувствовал себя и на поле. За первые недели тренировок во мне проснулась, что называется, жажда успеха. В Мадриде я оказался среди людей, которые не желали проигрывать. Тут не привыкли отлынивать. Да, я умел трудиться,

чтобы добиться попадания в первый состав «Шальке» или признания в «Вердере». Но у меня, как и у остальных, случалось, что я выкладывался не на все сто. Не работал на пределе своих возможностей. Работал, если угодно, для галочки. Это случалось редко, но случалось же. Думаю, это знакомо каждому. Ведь неважно, где ты работаешь, в офисе или на стройке, бывают дни, когда ты не стараешься в полную силу. До моего перехода в «Реал» это мне казалось вполне нормальным. Пока это не входит в привычку. Но за все время пребывания в Мадриде я ни за кем и никогда не замечал подобного. Тот, кто раз увидел Серхио Рамоса или Криштиану Роналду на тренировке, навсегда усвоит, что значит работать по-настоящему.

Обычно я не очень распространяюсь о своих товарищах по команде. Я не люблю, когда во время интервью меня спрашивают о других и просят дать оценку их действиям или поговорить об их перспективах. Но Рамос или Роналду – особый случай. Они легенды. Они уникальны. И об обоих я с превеликим удовольствием всегда готов поддержать разговор.

Рамос зарекомендовал себя как образцовый футболист, с которого я всегда брал пример. И человеком он оказался просто замечательным. Он с самого начала, что называется, взял надо мной шефство. Показал мне Мадрид. Объяснил правила клуба. Чуть погодя он уже пригласил меня к себе домой. Рамос – талантливый музыкант. Когда мы приходили к гости, он иногда брал гитару и пел. Теплее приема и желать было нельзя.

Именно от него и Роналду я узнал, что значит непреклонная воля к победе. Что значит двигаться вперед, невзирая на преграды. Какая боль, Роналду не сумел забить на тренировке по отработке ударов. У него сразу испортилось настроение. Он злится из-за того, что один-единственный раз у него не получилось обвести вратаря. Даже если восемьдесят раз до этого все прекрасно получалось. Единственный неудачный эпизод прямо-таки взбесил его.

За всю свою жизнь я еще не видел профессионалов такого уровня, как он. Когда мы возвращаемся среди ночи с выездного матча, Криштиану всякий раз залезает в джакузи, чтобы помочь организму восстановиться, тогда как остальные едут прямо домой и падают в постель.

И хотя Роналду – звезда мирового масштаба, он ведет себя как вполне обычный и очень милый парень. Во время пробежек и растяжек на предыгровых тренировках он нередко подходил ко мне в самом начале и всегда справлялся, как у меня дела. Спрашивал, есть ли у меня девушка. Как там живется в Германии. Однажды мы вместе ходили на баскетбол, на матч «Реал

Мадрид» – «Барселона». Мы оба оказались заядлыми любителями баскетбола. Я упомянул, что обожаю это постоянное напряжение. Это беспрестанное мельтешение. «Что тебе ближе: хоккей или футбол?» – спросил он тогда. Я отмел оба варианта: «В футболе слишком сложные правила. И может пройти очень много времени, пока дойдет до дела. Но и НХЛ я не сказать, чтобы люблю».

Я уверен, что множество игроков защиты по всему миру вздохнут спокойно, когда их извечный противник Роналду завершит карьеру и перестанет оставлять их в дураках. Они почувствуют облегчение, когда лучший из лучших оставит футбол.

Все до единого в «Реале» жаждут успеха. Тут горят желанием победить. Тут ни одну тренировку не проводят спустя рукава. Здесь собрались самые целеустремленные футболисты мира, которые мотивируют друг друга.

Я также застал здесь самого целеустремленного тренера. Когда в 2004 году Моуринью приступил к своим обязанностям в качестве тренера лондонского «Челси», он заявил буквально следующее: «Пожалуйста, не сочтите меня гордецом в связи с тем, что я сейчас скажу, потому что это – чистая правда. Я чемпион Европы[12], я к вам не с улицы пришел. Я думаю, что я – особенный».

И это так. Жозе Моуринью действительно особенный – он исключительно хорош в своем деле.

В самом начале этой книги я описал самую серьезную взбучку, которую когда-либо получал от тренера. В перерыве, в момент, когда мы проигрывали «Депортиво» со счетом 3:1, Моуринью отчитал меня перед всей командой так, как никто после. Он совершенно справедливо накричал на меня из-за того, что я, скажем прямо, не выкладывался по полной, что отразилось на общем ходе игры, но то, как он это сделал, было на грани фола.

Будучи на грани смены клуба, я укрылся в душе – единственном месте, где можно было прийти в себя. Сначала я в гневе пинал свою баночку от шампуня и стучал кулаками по кафелю. Много раз я запускал шлепанцами в стену. Я должен был как-то выместить злобу, накопившуюся за время той тирады Моуринью. Я ругался на чем свет стоит.

Но когда мой запас ругательств подошел к концу и я заметил, что начинаю повторять их по кругу, я спросил себя, за что же Моуринью так злобно на меня набросился. К тому времени я достаточно хорошо изучил его, чтобы понять, что он не просто

был не в настроении и поэтому взорвался. Все, что он говорит и делает, обычно взвешено и обдумано. Тем более эта взбучка в раздевалке должна быть содержать некий посыл, который он хотел до меня донести.

В свое время Мюллер просто хотел морально раздавить меня. Для меня это было очевидно. Он хотел унизить и отвергнуть меня на глазах у товарищей по команде. В планы Моуринью это определенно не входило, осознание этого пришло ко мне достаточно быстро. Его намерение было иным. Какую именно цель он преследовал, дошло до меня чуть позднее.

Направляясь домой по ночному Мадриду, я пытался припомнить каждое слово Моуринью. Каждое в отдельности, брошенное им в мою сторону. И еще – как они были сказаны. Я прокрутил в голове еще раз, как он меня изображал. Но по дороге домой я так ни до чего и не додумался. Вместо этого во мне снова стала закипать злоба, когда я вспоминал о том, как посреди раздевалки он так обидно меня пародировал. Я никак не мог забыть это, как сильно бы ни хотел. И прежде всего меня мучил вопрос: почему нельзя было все обсудить с глазу на глаз?

Уже подъехав к дому, в ожидании открытия автоматических ворот на въезде, я подумал о своих товарищах-футболистах.

«Какой же я засранец! – вдруг пронеслось у меня в голове. – Я вел себя как последний идиот! – Покачав головой, я со всего размаху ударил по рулю. – Черт! Черт! Черт!» Ведь я бросил своих сотоварищей на произвол судьбы. Они ничего не могли поделать, были совершенно непричастны к скандалу. А я не остался их поддержать во втором тайме. Я был зол на Моуринью, а пострадали от моего поведения еще и они.

> Ни один футболист на свете не пожелал бы услышать из уст тренера, что он трус и ведет себя как ребенок.

В тот же вечер я заглянул к Серхио Рамосу, жившему неподалеку. Я долго говорил с ним и извинялся за то, что сбежал. Позже я извинился перед остальными членами команды. Рамос тут же принял мои извинения и попросил рассказать, как теперь я думаю общаться с тренером.

«Чего же теперь ты хочешь от него? – спросил Рамос. – Чего ты ждешь от Моуринью?»

«Он должен принести мне извинения», – откликнулся я.

На следующий день Рамос переговорил с Моуринью по поводу случившегося в раздевалке. Такой вот он человек. Он взваливает на себя всю ответственность и приходит на помощь, когда требуется прояснить ситуацию. Рамос – очень честный

парень, настоящий друг, личные и профессиональные качества делают его игроком, о котором только можно мечтать.

Тем временем до меня наконец дошло, почему Моуринью так резко отчитал меня в присутствии других игроков. Не так-то это было сложно. Моуринью ведь вполне ясно выразился: он не хотел, чтобы я останавливался на достигнутом! Чтобы я вышел из своей зоны комфорта. Он считал недопустимым, если из-за недостатка амбиций страдает качество. Он хотел лишить меня этого покоя и основательно подстегнуть. Так нажать на меня, чтобы я никогда не прекратил дальнейшее развитие. Чтобы я сам был в состоянии определить, когда я еще не на пределе возможностей. Чутье Моуринью подсказало ему, что, сколько бы он ни прочитал нотаций, это не возымеет такого действия, как после такой порки перед лицом всех моих одноклубников и друзей, только тогда ко мне придет осознание. Он предугадал, что именно так я разозлюсь и задумаюсь, что же пошло не так, а не получу нагоняй без свидетелей в крохотной комнатке. Иногда мне действительно требуется взрыв гнева, чтобы прийти в норму или сделать для себя правильный вывод.

Ни один футболист на свете не пожелал бы услышать из уст тренера, что он трус и ведет себя как ребенок. В первые минуты нельзя против такого не восстать. Но, по большому счету, Моуринью был прав. Когда я прибыл в Мадрид, то полагал, что красивой игры будет достаточно. После трех удавшихся передач и четырех эффектных обводок я важно расхаживал по полю, вместо того чтобы продолжать борьбу и, предельно сконцентрировавшись, выполнять возложенные на тебя задачи. Я слишком быстро успокаивался, слишком быстро оказывался удовлетворен результатом и иногда с чересчур явным удовольствием сбавлял обороты. Именно от этого хотел меня избавить Моуринью.

За это я его впоследствии поблагодарил. Через несколько дней я признался ему, что мозги у меня развернулись в нужную сторону. И я испытываю благодарность за то, что он так ясно показал, в чем заключалась моя самая большая слабость.

«Я от тебя не отстану, пока не реализуешь весь свой потенциал», – только и ухмыльнулся он в ответ.

Вместе с тем он еще раз напомнил о том скандале в раздевалке, выступая перед всей командой перед началом следующего матча. Когда мы собрались в Барселоне, он начал так: «Мой выпад и выражения, которые я выбрал, вероятно, оказались грубоваты. За это я прошу извинить меня, Месут. Остальное мы уже обсудили. Я хочу для вас только лучшего. Но порой ты понимаешь, что для тебя самое лучшее, только если

тебе настучат по голове. Но отныне, – прибавил он, слегка склонившись передо мной, – бояться не нужно, юного джентльмена больше не будут гладить против шерсти». Тут он рассмеялся, и мы вместе с ним.

На своем веку я переслушал множество речей в раздевалках. От самых разных людей. Тренеры всякий раз пытаются взбодрить игроков пламенными словами или повысить мотивацию, просматривая короткие видеоролики.

Порой тренер делает выбор в пользу видеонарезки с невероятными футбольными голами. Я от этого обычно не в восторге. Потому что это способно воодушевить далеко не всех игроков. На половину команды такие видео не производят никакого эффекта. Что, к примеру, принесет Мануэлю Нойеру подборка лучших голов Мирослава Клозе? Или Икеру Касильясу, если ему покажут концовку победного матча с участием Роналду? Или Петру Чеху, который увидит ликование своего товарища по команде Оливье Жиру?

На моей памяти только пара собраний из всех были по-настоящему яркие, они произвели на меня неизгладимое впечатление.

К примеру, мне запомнилось, как на чемпионате Европы среди молодежных команд (U21) в 2009 году Хорст Хрубеш настраивал нас на финальную игру со сборной Англии. В раздевалке установили экран с проектором. «Сегодня я перепоручаю речь человеку, который уже нашел все нужные слова. Лучше него и не скажешь. Так что слушайте внимательно и вдохновляйтесь», – сказал Хрубеш, после чего нажал на кнопку воспроизведения.

По итогам группового этапа мы оказались вторыми и вышли в полуфинал. Занявшая первое место в нашей группе сборная Англии стала нашим соперником и в финале. В групповом этапе мы сыграли с англичанами вничью. В полуфинале мы одолели Италию во главе с Марио Балотелли. Теперь подошло время второй по счету нашей дуэли с англичанами в рамках чемпионата, по случаю чего Хрубеш и передал слово Аль Пачино.

Он показал отрывок из культового фильма «Каждое воскресенье», в котором звезда Голливуда в образе тренера Тони Д'Амато произносит речь перед своей командой, которую преследуют неудачи. Разумеется, большинство было знакомо с этой лентой 1999 года. Но тем не менее все как завороженные слушали, что Аль Пачино втолковывал своим игрокам: «Через три минуты начнется самая важная схватка за всю нашу профессиональную жизнь. Сегодня решится все. Или мы снова становимся командой, или совсем ломаемся». Этими мудрыми,

взвешенными словами Аль Пачино настраивал свою команду на бой. Каждое слово било точно в цель, все это так точно отражало его идею. «В любой драке побеждает тот, кто готов отдать жизнь за победу, за этот дюйм, – взревел он, стоя перед своими футболистами. – Лучше посмотрите на парня, который рядом! Посмотрите ему в глаза! <…> Вы увидите парня, который пожертвует собой ради этой команды, потому что он знает, если придется, каждый из вас сделает то же самое ради него! Это и есть команда, господа! Так что, либо мы всей командой победим, либо умрем поодиночке. <…> Ну, вы уже все для себя решили?»

Мы также переглянулись в конце этого отрывка. И во взгляде у каждого, на кого бы я ни взглянул, читалась такая решимость победить, что стало страшновато. Каждый излучал непоколебимую уверенность в том, что мы одолеем Англию. Мы наперебой закричали и захлопали так, что заложило уши. Это видео помогло нам сплотиться настолько, что мы одержали победу над сборной Англии со счетом 4:0. Благодаря моему пасу на Гонсало Кастро был забит первый гол, второй я забил без посторонней помощи, третий же был забит в результате моей передачи на Сандро Вагнера. А все благодаря идее Хрубеша с Аль Пачино.

В 2010 году, накануне чемпионата мира, Йоахим Лёв пригласил на одну из наших тренировок на Сицилии одного особенного человека, который, в свою очередь, должен был послужить нам источником вдохновения. Это был легендарный новозеландский регбист Джона Лому – он рассказал нам историю своей жизни. Обычно я скептически отношусь к повествователям, которым лишь дай волю поразглагольствовать. Но то, чего добился Лому, настолько впечатляюще, что я обратился в слух и никогда не забуду, как отчаянно он боролся.

Сын переселенцев из Тонги, Лому рос в очень скромной среде в печально известном пригороде Окленда. Его отец пил и не раз поднимал на мальчика руку. Он ушел из дома, попал в нехорошую компанию и был в шаге от того, чтобы стать бандитом. Но после того, как один из его друзей был убит в поножовщине, он одумался и решил попробовать себя в регби.

Лому упорно тренировался и в какой-то момент был приглашен в национальную сборную Новой Зеландии, All Blacks. На чемпионате мира по регби в Южной Африке в 1995 году он поразил зрителей всего мира своим выступлением, хотя за год до этого у него диагностировали редкое заболевание почек. В 1996 году Лому пришлось приостановить выступления на год из-за проблем со здоровьем. Но после возвращения он так громко заявил о себе, что ему не было равных на чемпионате мира 1999

года.

Смелость и неудержимость, проявленные в игре, принесли ему мировое признание. Его называли «бульдозером с турбоприводом», «носорогом», а также «неуправляемым», «неудержимым», «стихией» и «черным автобусом». При весе 120 кг он пробегал стометровку за 10,8 секунды. «Пока на мне трико All Blacks, я чувствую себя Суперменом», – признался Лому, который из-за своего роста напоминал мне персонажа комиксов Обеликса – такого же могучего, но в то же время очень добродушного.

Он сметал все новых и новых соперников. Все, кто осмеливался встать у него на пути, терпели сокрушительное поражение. Но то, что не удалось его противникам, сделала его болезнь. Она приковала его к постели. Ему потребовался диализ. А затем – и пересадка почки. «Я привык обгонять противников, выигрывать и получать от всего этого удовольствие. А теперь я болею и не смог бы перегнать даже ребенка».

Этот исполин должен был всему учиться заново. «Как же мне сделать шаг? Как мне сдвинуть ногу? Как же снова начать ходить?»

В конце концов он вырвался из плена инвалидного кресла, восстановил мышцы и снова стал жить полной жизнью – пока в 2015 году скоропостижно не скончался в возрасте 40 лет.

За пять лет до этого, будучи гостем на нашей тренировочной базе, он был полон сил. «Вас ничто не остановит. Равно как и меня. Вы способны на многое».

Я до сих пор вспоминаю Джона Лому. Его позитивный настрой оставался неизменным, хотя у него было достаточно причин, чтобы жаловаться и роптать на судьбу. Он не только не делал этого, но и всегда с оптимизмом смотрел в будущее.

Мне также запомнились собрания в преддверии чемпионата мира – 2014 в Бразилии. Перед каждым новым матчем Йоги Лёв обычно передавал слово одному из членов команды. Один раз говорил Филипп Лам, в другой раз – Роман Вайденфеллер. Каждый мог поделиться ожиданиями от игры и своим видением ситуации в абсолютно свободной форме. Накануне полуфинального матча с хозяевами чемпионата – сборной Бразилии Йоги Лев говорил от себя. Он сказал: «Когда мы с вами сейчас выйдем на поле, против нас будет почти весь стадион. Именно поэтому важно держаться друг за друга. Всем игрокам. Всем руководителям. Мы будем бороться вместе. Если поймаем удачный момент, то будем аплодировать. Если допустим ошибку – поддержим друг друга. Мы все сделаем сообща. И будем бороться до тех пор, пока не окажемся в финале в Рио. Мы

выступим, как подобает победителям!»

Вряд ли существуют рекомендации по поводу того, какой должна быть идеальная речь на собрании команды. Она должна всего лишь быть адекватной в текущей обстановке. И если это поможет, нелишним будет пригласить игрока, который поделился бы своим опытом с остальными.

Возвращаясь к Моуринью, надо признать, что его главное достоинство заключалось в том, что он был всегда предельно честен с нами, игроками. Он говорил то, что думает. Он никогда не злословил за спиной. Он был суров, но справедлив. Моуринью по определению не был способен на коварство. В этом – его сильная сторона. Он мог похвалить, а мог и отругать. Я знаю тренеров, которые испытывали с этим проблемы. Которые не решались критиковать игроков. Которые корчили из себя крутых парней в присутствии прессы, на самом деле опасаясь делать замечания звездным игрокам. Вместо этого они выпускали к ним с критикой своего помощника. Но Моуринью не такой. И это всегда адекватно воспринималось. «Я ни за что не скажу вам, – втолковывал он нам, – что у вас все получается, если на деле это совсем не так». Положа руку на сердце могу сказать, что за все время, проведенное в Мадриде, ни один не позволил себе худого слова в адрес Моуринью. Я также должен заверить, что за все время никто не вступал с ним в конфликт. Потому что он был подчеркнуто точен. Он говорил прямо и начистоту. Таким образом приводя многих своих игроков к осознанию необходимости брать новую высоту. В том числе и меня.

Серхио Рамос

«Спасибо за все, братан!»

Серхио Рамос – ветеран мадридского «Реала» и один из самых успешных футболистов мира. С 2005 года он играет за «королевский» клуб. Дважды он выигрывал со «сливочными» Лигу чемпионов. В 2014 году в финале с «Атлетико Мадрид» он сравнял счет в компенсированное время, после чего «Реал» забил три гола в дополнительные полчаса и одержал победу со счетом 4:1. В составе национальной сборной Испании он стал чемпионом мира и дважды – чемпионом Европы. После того как Месут Озил перешел в «Реал», Рамос с первого же дня проявлял к нему участие и очень с ним сдружился.

Когда я думаю о футболисте по имени Месут Озил, я подразумеваю чародейство, талант, качество игры и уникальную способность оценивать игровую ситуацию.

Когда я думаю о человеке по имени Месут Озил, то

подразумеваю дружбу, чуткость, искреннюю привязанность, уважение, радость и душевную теплоту.

Разумеется, я знал Месута как игрока до того, как он оказался в мадридском «Реале». В моих глазах он был необыкновенным футболистом, левая нога которого – золотая, а чувство мяча – поразительное.

Как только мы с товарищами по команде прослышали, что, скорее всего, он в ближайшее время должен перейти в мадридский «Реал», мы были уверены, что он прекрасно впишется в клуб. Проведя столько лет в «Реале», я считаю своей обязанностью помогать новеньким освоиться. Под этим подразумевается, что, например, я показываю им город и советую, где лучше всего поселиться. Месута я тоже взял под крыло. И на этот раз это было нечто исключительное.

Само собой, поначалу нам препятствовал языковой барьер – он не понимал по-испански. Несмотря на это, мы оживленно болтали. У нас обоих английский был примерно на одном уровне, поэтому мы не упускали случая попрактиковаться. Таким образом, мы очень скоро подружились. Так получилось, что он поселился в соседнем доме от меня, и я частенько приглашал его, чтобы облегчить адаптацию. И так как он был очень славным, то заодно еще весело провести вместе время.

Нас объединяли не только профессия и клуб, нам нравились похожие вещи. В первую очередь это справедливо в отношении стилей одежды и музыкальных вкусов. К примеру, Месут нередко спрашивал меня о лучших бутиках и новинках ритм-н-блюз и хип-хоп музыки. Со временем между нами установилось совершенно особое взаимопонимание.

В знак нашей тесной дружбы в сентябре 2012 года во время матча с «Депортиво» я носил футболку Месута под своей собственной. В этом случае данный жест означал привязанность и дружбу. Месут – очень тонкий человек, обладающий невероятными данными и имеющий огромный потенциал, так что я думал, что это будет символично, если я забью гол в его футболке.

Незадолго до его ухода он подарил мне свою последнюю форменную футболку «Реала» с небольшим посвящением. С этой вещью у меня связаны особые воспоминания – ее можно видеть в моем музее.

В плане спортивной подготовки мы с Месутом всегда были на равных. Мне повезло быть причастным к победе сборной Испании на чемпионате мира в Южной Африке. Месут добился того же через четыре года со сборной Германии в Бразилии. Я очень хорошо помню, как поздравлял его тогда с победой. Для нас,

футболистов, это наивысшее достижение из всех мыслимых, и я рад, что он смог испытать то же, что и я четыре года назад.

Мы с Месутом до сих пор держим связь. Часто обсуждаем семейные дела, наши команды и города, в которых живем. Он был очень счастлив здесь, в Мадриде, ему есть что вспомнить хорошего о клубе, городе и болельщиках. Поэтому он все еще с интересом следит, что у нас происходит. Месут, ты просто неподражаем!

Спасибо за все, братан!

13. Дуэль двух «галактикос»
Доверься инстинкту

Жозе Моуринью блестяще проводил собрания команды. Не в последнюю очередь потому, что на них все было по справедливости. Он критиковал Криштиану Роналду таким же образом, как Серхио Рамоса или Икера Касильяса. У него не было любимчиков, с которыми он вел себя иначе. Он не робел ни перед кем, а потому ни перед кем и не заискивал. Он рассматривал нас исключительно как команду, в которой все были равны и заслуживали равного отношения.

Когда он заканчивал речь, то мы были готовы всех порвать за него и за клуб. Возьмем, к примеру, «Барселону». Он настроил всю команду на то, чтобы разгромить этих первоклассных игроков. Не только во время встречи лицом к лицу, но и заочно, в ходе оставшихся туров.

Я думаю, не всем очевидно, насколько велика была пропасть между «Барселоной» и «Реалом», когда пришел Моуринью. Перед тем как он был назначен главным тренером, «Барселона» обладала неоспоримым превосходством как в Испании, так и во всей футбольной Европе. «Барселона» была сильна как никогда. Каталонцы затмили всех, прочие команды пребывали в тени. Сколько бы усилий они ни прикладывали, этого было недостаточно против «Барселоны». Они отвечали на любые вызовы. И в отчаяние из-за них в первую очередь приходил «Реал Мадрид».

В сезоне 2008/09 именно «Барселона» нанесла «Реалу» одно из самых сокрушительных поражений всех времен. В ходе непростого второго круга «Реал» под руководством тогдашнего тренера Хуанде Рамоса набрал 52 из 54 возможных очков, после чего большинство зрителей ожидало встречи равных в «эль класико», которое и состоялось за пять туров до конца чемпионата. Впрочем, вместо того чтобы выступить под стать «Барселоне», «Реал» проиграл на «Сантьяго Бернабеу» со счетом 2:6 – и это учитывая, что «Реал» лидировал в турнирной таблице. «Это один из счастливейших дней в моей жизни, и я знаю, что таким образом мы осчастливили еще очень многих», – сказал тренер «Барсы» Пеп Гвардиола на пресс-конференции после того, как они преподали урок первоклассного футбола.

На следующее утро самолет с его командой на борту приземлился в аэропорту Барселоны, где их встречали такие толпы, как будто они только что выиграли Лигу чемпионов и

везли кубок с собой в багаже.

Вся уверенность «Реала» попросту испарилась на долгие месяцы.

Их заклятый враг «Барселона» повернула ход чемпионата в свою пользу и выиграла Кубок Испании. Игроки «Барсы» оказались на высоте.

И если бы только там. В финале Лиги чемпионов их ожидала встреча с «Манчестер Юнайтед», преисполненными веры в собственные силы: англичане только что в одиннадцатый раз стали чемпионами. Это не помешало Пепу Гвардиоле за два дня до финала выцепить своего полузащитника Хави и шепнуть ему: «Я знаю наверняка, где и как мы победим в Риме. Мне открылось это. Я это предвижу. Мы забьем два или даже три гола, вот увидишь».

Вот и на пресс-конференции Гвардиола всем своим видом выражал уверенность: «Я знаю точно, что нас не под силу превзойти ни одной команде, когда речь заходит о владении мячом или силе духа. Мы сделаем все возможное, чтобы нагнать на них страху, который нельзя не почувствовать, когда тебя постоянно атакуют».

Поначалу словам Гвардиолы не находилось подтверждения. Вместо обещанного шквала атак саму «Барсу» теснили к воротам – они чудом выдержали первые минуты, но выдержали, не позволив себе забить. И тем не менее благодаря голам Лионеля Месси и Самуэля Это'О победа в итоге осталась за ними, не в полном соответствии с прогнозами Гвардиолы – но хотя бы 2:0.

В довершение ко всему каталонцы завоевали еще и Суперкубки Испании и УЕФА, а также победили в клубном чемпионате мира по футболу; таким образом, в 2009 году они невероятным образом насобирали шесть титулов, то есть побеждали в каждом турнире, в котором участвовали.

Стоит подчеркнуть, что в то время «Барселона» и «Реал Мадрид» различались друг от друга по уровню футбола, как небо и земля. Или другой пример: «Барселона» была как спортивный Mercedes-AMG GT S, в котором все шестеренки идеально подогнаны друг под друга, обеспечивая работу двигателя мощностью в 510 лошадиных сил. Причем за рулем этого автомобиля – гениальный водитель, который умело маневрирует на улицах, двигаясь на высокой скорости.

В случае с мадридским «Реалом», выражаясь так же образно, Моуринью, напротив, достался лишь кузов. В то время «Реал» представлял собой «Феррари», под капотом которого не было и намека на мощность в 963 лошадиные силы, вместо этого там находился видавший виды двигатель, изъеденный куницами,

который к тому же заправляли неподходящим топливом.

Такова была обстановка на момент, когда в «Реал» пришли Жозе Моуринью, Сами Хедира и я. С учетом этих обстоятельств и надо судить о наших достижениях за последующие три года.

В первом же сезоне мы заявили о себе. Из первых двенадцати игр чемпионата мы выиграли десять и дважды сыграли вничью. Мне удалось тогда забить три гола и сделать шесть голевых передач. И в Лиге чемпионов мы добились заметных успехов. Из первых пяти матчей четыре окончились для нас победой, по количеству очков мы шли вровень с «Миланом». Моя личная статистика была такова: четыре голевых передачи, один забитый мяч.

> «Эль класико» масштабнее всего, что только можно себе представить. Большего напряжения по случаю встречи двух команд не бывает ни на одном другом матче в мире.

Затем состоялся мой первый «эль класико». Накануне дебюта я толком не знал, что меня ожидает. Я приготовился к тому, что это будет особенная игра. Очередное дерби. Вроде противостояния «Вердера» с «Гамбургом». Или «Шальке» с дортмундской «Боруссией». Разве что чуть масштабнее. Но затем происходящее захватило меня, а эмоции накрыли с головой. «Эль класико» масштабнее всего, что только можно себе представить. Большего напряжения по случаю встречи двух команд не бывает ни на одном другом матче в мире. Это противостояние имеет собственное название. Оно не просто масштабное, а эпичное. Нервы игроков с мировым именем накаляются до предела. За противостоянием с замиранием сердца следит не только Испания, оно воодушевляет весь мир. Ты подъезжаешь – как и на любой домашний матч – на автобусе к стадиону. Тысячи людей следуют за тобой по улице, кое-кто даже бегом. Автобус еле тащится. Он едва продвигается вперед в этом море людей. Они зажигают файеры. Они поют. Они раскачивают автобус. Перед самым поворотом в сторону стадиона люди приходят в неистовство. Они трясут автобус и бьют в барабаны. Громче любого концерта. Ярче любого карнавала.

Во время игры действие продолжается с новой силой. Каждый удачный момент приводит публику в сумасшедший восторг. Когда ты отходишь на угол поля, кажется, что десятитысячная толпа орет тебе прямо в ухо.

Тот «эль класико» оказался дебютом не только для меня. Тогда состоялась первая битва тренеров «Барсы» и «Мадрида» – Пепа Гвардиолы и Жозе Моуринью.

Не успел Моуринью перебраться из Италии в Испанию, как Гвардиола тут же прокомментировал его переход во время первой пресс-конференции в новом сезоне: «Благодаря Моуринью я буду расти как тренер. Важно то, что такой профессионал мирового класса, как он, теперь работает в Испании. Он будет мотивировать всех нас, чтобы стать лучше».

В конце концов Моуринью полностью опустошил его и отчасти повлиял на решение Гвардиолы оставить пост в «Барсе».

Ту игру я помню, как сейчас: мы прибываем на стадион «Камп Ноу» в качестве лидеров, у нас на одно очко больше, чем у «Барселоны». СМИ предвкушали самый отчаянный «эль класико» всех времен, ведь Моуринью всего за несколько месяцев до этого удалось одержать победу над «Барселоной» на посту тренера миланского «Интера».

Очередной матч состоялся месяц спустя, что уже само по себе необычно. Но в Каталонии проходили выборы, в связи с чем такая отсрочка была необходима.

Я играл с первых минут матча наряду с Криштиану Роналду, Анхелем Ди Мария и Каримом Бензема. Уже на девятой минуте мяч у гостей забил Хави. Затем после гола Педро счет стал уже 2:0. Во втором тайме Давид Вилья забивает дважды за две минуты – 4:0. Незадолго до финального свистка Хеффрен добивает нас окончательно. Да еще Роналду сцепился с Пепом Гвардиолой. Тренер не отдал Роналду ушедший в аут мяч, а просто выпустил его из рук, дав мячу упасть к ногам… Португалец толкнул Гвардиолу, из-за чего завязалась драка, в которую вмешались Андрес Иньеста и Виктор Вальдес.

В компенсированное время с поля удалили и Серхио Рамоса за грубый прием против Месси. В довершение ко всему по пути в раздевалку он ударил Пуйоля и толкнул Хави.

Для меня эта драма закончилась еще при счете 0:2 – меня заменили в перерыве.

Еще ни одна команда под руководством Моуринью не терпела такого сокрушительного поражения. «Это поражение не из тех, которое легко можно пережить. Тут не такой случай, что вообще-то вы заслуживали победы или всю игру раз за разом атаковали ворота, – позднее признал Моуринью. – Одна команда работала на пределе собственных возможностей, другая показала себя очень плохо. Это нужно рассматривать в позитивном ключе. Когда у тебя оказывается чемпионский титул, чувствуешь себя вправе расплакаться от счастья. Когда случается такое поражение, как у нас сегодня, плакать нельзя, нужно приниматься за работу. Как бы мне хотелось сейчас же взять реванш».

До меня дошли и слова Хави: «Они и до мяча-то не добрались. Они были полностью в нашей власти». Вратарь «Барселоны» Виктор Вальдес, которого прямо-таки распирала гордость, также высказался: «У меня кружилась голова, когда я отслеживал траекторию мяча. В конце концов я перестал следить за ним так пристально, он же все равно был у ребят». В свою очередь, Гвардиола распространялся о том, что эта игра «запомнится публике и войдет в историю футбола не только из-за результата, но и благодаря тому, каким образом мы его достигли. Это далеко не так просто – настолько хорошо играть против настолько сильной команды, против команды, которая разделалась со своими соперниками в родной стране и во всей Европе. Мы должны гордиться своим успехом. Эта победа будет иметь далеко идущие последствия именно потому, что мы одержали ее в своем неповторимом стиле, и именно потому, что мы всецело доверяем нашим игрокам».

Эти слова меня больно обожгли. Они причинили мне боль. Что мне никогда не забыть. Поражение со счетом 0:5 было худшим за всю мою карьеру. Я чувствовал себя раздавленным. Я чувствовал себя бесконечно униженным, когда в смятении добрался до раздевалки.

Мы просто позорно выступили. Допустили непростительную ошибку. То, что мы были разочарованы, еще мягко сказано. Ведь целый мир был свидетелем. Мы подвели всех членов клуба. В том числе и врачей, и физиотерапевтов, которые сделали все возможное, чтобы привести нас к матчу в надлежащую форму. Провинились мы и перед водителями клубных автобусов, и перед работниками, отвечающими за нашу экипировку. А также, само собой, перед всеми болельщиками, которые потратили деньги на дорогу и билеты на матч.

Как и все игравшие за «Реал Мадрид», я был убежден, что мы – лучшие футболисты на свете. Ведь «Реал» – это созвездие самых-самых, команда лучших из лучших. Но эти самые лучшие тогда не показали класс, а выступили даже хуже, чем посредственно. Мы просто-напросто сдулись. После такого поражения начинаешь сомневаться в собственных силах. По крайней мере мне порой приходило в голову, что, видимо, я вовсе не так хорош, как мне казалось. Может статься, что я себя слишком переоценил.

Наша профессия тем и хороша, что в ней все так изменчиво. Мы можем в кратчайшие сроки снова вознестись на вершину славы, оставив в прошлом ошибки и сбои. Но даже после двух побед подряд в матчах с «Валенсией» и сарагосским «Реалом» боль того поражения и не думала утихать. Было по-прежнему очень стыдно. Это крепко засело в голове.

Даже несмотря на все старания Моуринью помочь нам пережить этот позор. Сразу после матча он произнес маленькую речь. «Забудьте о том, что случилось, – сказал он. – Да, это было крайне неприятное поражение. Не больше и не меньше. Но в то же время это лишь один из матчей длинного турнира. Выкиньте это из головы. Я уверен, что в этой стране мы положим конец господству «Барселоны». Я уверен, что мы станем чемпионами. Но нам не удастся добиться этого, если мы позволим себе ослабнуть, единожды потерпев поражение».

Я был очень впечатлен тем, как отреагировал Моуринью. Он мог бы в наказание начать истязать нас дополнительными тренировками. Но он очень хорошо знал, что в тот момент чувствовал каждый из нас. Ему было очевидно, что мы были на грани отчаяния. Что нам было бы не под силу выдержать очередной удар судьбы.

Моуринью не раз демонстрировал необыкновенное чутье, когда его игрокам требовалась поддержка. Однажды он отпустил меня прямо в разгар сезона, когда заметил, что я абсолютно измотан и нуждаюсь в отдыхе. Он подошел и сказал: «Месут, ты отдохни пока. Развлекись немного. Пусть у тебя будет пара дней, когда ты можешь забыть о футболе и делать то, что тебе хочется».

На моей памяти так себя не вел еще ни один тренер. Он выводит меня из игры, чтобы я мог набраться сил. Обычно бывает наоборот, то есть тренер старается ни на секунду не отпускать от себя лучших игроков. Даже если силы игрока на исходе, тренер, скорее, задействует его, играющего не на все сто, чем вовсе откажется играть без него. А вот Моуринью заметил, что я был не совсем в порядке, отыграв несколько очень напряженных недель, и отреагировал самым удивительным образом. Через пять дней он позвонил, чтобы узнать о моем самочувствии. «Ну, как у тебя дела, получше? Как ты себя чувствуешь?» – поинтересовался он. Подобные расспросы – также большая редкость в мире большого футбола. Большинство тренеров ожидают от тебя бесперебойной работы. И если однажды ты даешь сбой, то это твоя проблема.

В тот ноябрьский понедельник «Барса», этот Mercedes с идеально пригнанными шестеренками, не просто обогнал нас, но и опередил на целый круг[13].

Гвардиола выиграл первый круг чемпионата Испании. Но, к счастью, у нас впереди было как минимум четыре матча, по результатам которых мы могли бы помериться силами с лидерами и сократить разрыв между нами.

В чемпионате мы шли вторыми, сразу за «Барселоной». В Кубке Испании мы добрались до финала. А в Лиге чемпионов стараниями Моуринью «Реал» добился выхода в четвертьфинал,

чего не удавалось добиться девяти предыдущим тренерам в течение 2562 дней и 74 матчей. Семь лет подряд команда не поднималась выше ⅛. В четвертьфинале мы расправились с «Тоттенхэмом» и в итоге встретились в полуфинале с «Барселоной»; все предвещало знатную разборку.

Иными словами, в течение 18 дней должно было состояться сразу четыре «эль класико». Что означало четыре боя Гвардиоло против Моуринью. Четыре раза мы должны были помериться силами, которые все еще были явно неравны; несмотря на огромную работу, проведенную Моуринью в «Реале», он только начал диагностику и ремонт этого Ferrari. Ему еще только предстояло разобрать его до винтика и вновь собрать. Он все еще находился в поиске идеального тюнинга. И разумеется, в поиске слабого места звездной команды «Барселоны».

В конце концов он нашел лазейку. Глядя со стороны, Гвардиола казался непревзойденным мастером посвящать всего себя работе с командой, достигать предельной концентрации в работе и бросать все силы на подготовку к встрече с очередным соперником. Он был занят только делом и не распылялся ни на что другое.

Тогда как Моуринью склонил его к обратному. Ему удалось отвлечь его внимание, прикованное к следующему матчу, и постоянно причинять ему беспокойство. Он сделал так, чтобы, отвлекаясь, каталонец терял силы. Моуринью прекрасно справился с тем, чтобы измотать Гвардиолу и «Барселону», вместе взятых, сбить с толку и перетянуть их на еще один фронт работ. Параллельно он внушил нам стойкое желание раз и навсегда разделаться с «Барселоной».

«Если ты хочешь показать, на что ты способен, не всегда нужны враги, но неплохо, когда они есть, – любил повторять он во время моего пребывания в составе «Реала». – Прежде всего, когда ты достиг определенных высот и испытываешь соблазн расслабиться». И я это прочувствовал. Я никогда не воспринимал игроков «Барселоны» как врагов, но меня буквально преследовала мысль о том, что должен их разгромить. Во время каждой игры чемпионата я думал примерно так: неважно, с кем мы встречаемся на этот раз, но мы ни при каких обстоятельствах не должны проигрывать, иначе «Барселона» продвинется вперед. Я рисовал себе в воображении, как они злорадствуют из-за потерянных нами очков, и эти мысли делали меня еще решительнее настроенным на победу.

Я никогда не воспринимал игроков «Барселоны» как врагов, но меня буквально преследовала мысль о том,

что должен их разгромить.

Еще в бытность игроком «Шальке» я осознал, как серьезно воспринимается обязательство перед фанатами одолеть «Боруссию». В Бремене я узнал, насколько велика неприязнь к «Гамбургу». На моих глазах немецкая пресса просто выворачивалась наизнанку перед нашими встречами, пытаясь разогреть и без того накаленную обстановку. До меня доходили отголоски словесных перепалок, которыми обменивались в Дортмунде и Гельзенкирхене, которые адресовали на берега Везера с берега Эльбы и обратно. Но все это не шло ни в какое сравнение с «классико».

Отчасти потому, что масштабнейший матч в мире становился еще интереснее благодаря противостоянию двух тренеров на кромке поля.

Моуринью был настроен на то, чтобы любой ценой одержать победу во всех четырех предстоящих «эль класико». Он велел Пепе ни на шаг не отходить от Лионеля Месси. «Ты должен ощущать его дыхание», – втолковывал он ему на установке, после которой мы отыграли впереди так, как, пожалуй, еще ни один состав «Реала». Поэтому я начал этот матч в запасе.

Не передать те чувства, когда в Мадриде ты оказываешься за пределами раздевалки и ожидаешь в длинном туннеле, ведущем на поле. На большинстве стадионов мира команды, выстроенные гуськом, запросто стоят в коридоре рядом. Впереди – капитан, затем вратарь, за ними остальные. С одной стороны – хозяева, с другой – гости. Перед началом игры многие пожимают друг другу руки, перебрасываются со знаменитостями или приятелями из противоположной команды парой фраз. Словом, царит не особенно напряженная и мирная атмосфера. В Мадриде совсем не так. Там обе команды в коридоре отделены друг от друга железной решеткой. Толком и поздороваться нельзя. С самого начала тут проникаются иным настроением. Здесь настроены далеко не так дружелюбно. Отчего и чувствуешь себя гладиатором, который готовится выйти в свой последний бой.

Здесь, в этом коридоре, все чувства чрезвычайно обостряются, и эти несколько минут до выхода тянутся дольше и переживаются гораздо острее. Это один из тех моментов, когда футболисты в каком-то смысле теряют голову. Голоса товарищей по команде, которые, храбрясь, как правило, шепчут себе под нос, звучат будто в отдалении. А вот клацанье шипов на бутсах звучит гораздо более угрожающе, чем обычно. Ты вглядываешься сквозь решетку в лица противников: Иньесты, Месси и Вилья, и не видишь ни намека на милое выражение или улыбку, решительно

ничего, что могли бы принять за слабость. Чтобы добавить колорита этой сцене, не хватает только боевого раскраса.

Второе в моей жизни и первое в серии этих четырех «эль класико» состоялось 16 апреля 2011 года. Мы начали очень бодро и поначалу очень удачно действовали в соответствии с планом – в первом же матче разгромить «Барселону». Пепе неотступно следовал за Месси, прекрасно справляясь с заданием Моуринью. Пять раз он напористо атаковал его, лишая даже удовольствия от игры. Пепе вымотал его настолько, что тот в сердцах ударил по мячу, угодив по трибуне и даже задев одного из болельщиков.

Оба гола в этом матче были забиты с пенальти. Месси забил после того, как сфолили на Вилье. Гол Роналду последовал после нарушения на Марсело. Счет 1:1. Первое очко, отыгранное у заклятого врага после пяти поражений подряд. Первый успех в матче с «Барселоной» с мая 2008 года.

Тем не менее тактику нападения Моуринью раскритиковал легендарный игрок «Реала» Альфредо ди Стефано, что красноречиво свидетельствует о том, что больше всего ценится в этой команде. Решающий мяч, изменивший ход противостояния, сам по себе мало что значит, если он был забит недостаточно изящно.

Через четыре дня мы снова встретились с «Барселоной», на этот раз в финале Кубка Испании, проводимом в Валенсии. Для Пепа Гвардиолы в качестве руководителя команды каталонцев это был десятый по счету финал. Девять из них неизменно заканчивались в его пользу. Со времен сезона 1992/93 «Реалу» почти два десятилетия подряд не удавалось завоевать кубок.

Моуринью выпустил меня с первых минут. На этот раз, действуя на позиции центрального нападающего, я должен был постараться внести смятение в ряды защитников «Барселоны», что вышло очень даже неплохо. В то же время мы сумели обуздать «Барсу» – забить нам она так и не смогла.

101-я минута борьбы прошла при нулевом счете. В дополнительное время активность необычайно возросла. Судья вынужден был показать шесть желтых карточек в ответ на яростные стыки.

Месси и тот получил предупреждение за то, что помешал ввести мяч в игру.

На 102-й минуте Анхель ди Мария навесил слева. Роналду взмыл в воздух и пробил головой – 1:0 в нашу пользу. Победный гол. Кубок наш. На самом деле заслуга не так велика, ведь этот титул обладает далеко не таким весом, как титул чемпионов Испании. Но раз мы добыли его в борьбе с действительными

обладателями кубка – длительное время единственными победителями турнира, несомненно, это можно было считать успехом.

После финального свистка Месси со слезами на глазах скрылся в раздевалке. Его до глубины потрясло, что итоговый матч был проигран. Он явно подзабыл, каково это – по итогам финала не становиться ослепительным героем. Его слезы были для нас весьма характерным признаком. По крайней мере, после этой победы «Барселона» восприняла нас по-настоящему серьезно. В результате этой сложной и изнурительной борьбы мы завоевали еще и уважение, которое не чувствовалось прежде.

В то время как Моуринью готовил нас к оставшимся двум битвам с каталонцами, он подпустил пару шпилек в адрес «Барселоны». Таким способом он продолжал изводить Гвардиолу. И это возымело эффект – вопреки своему обыкновению, каталонец ввязался в словесную перепалку на страницах газет. На пресс-конференции накануне полуфинала Лиги чемпионов Гвардиола заявил: «За пределами поля Моуринью побеждал в течение всего сезона. Давайте дадим ему за это трофей Лиги чемпионов, чтобы он им любовался и забрал себе домой. В этом зале[14] он чертов босс. Он все знает лучше всех на свете. На этой территории я больше ни секунды не желаю с ним конкурировать».

Игра протекала в том же ключе. В первом же тайме желтые карточки получили Альваро Арбелоа и Дани Алвеш. Когда мы разошлись по раздевалкам, эмоции зашкаливали. Арбелоа толкнул Кейта. Затем на него набросился второй вратарь «Барсы» Жозе Мануэль Пинто, которому показали красную карточку.

Свисток на второй тайм только прозвучал, как Пепе в прыжке пошел прямой ногой на Дани Алвеша, также схлопотав красную карточку. Это существенное ослабление, ведь доигрывать в меньшинстве предстояло еще полчаса.

Несогласный с красной карточкой Моуринью язвительно аплодирует, повернувшись в сторону судьи. И начинает скандалить с резервным судьей Торстеном Кинхёфером, после чего его самого отправляют на трибуну. Моуринью вступился за Пепе и поддержал свою команду, что для нас было чрезвычайно важно.

К сожалению, «Барселона» воспользовалась численным преимуществом – Месси удалось забить два гола на нашем же стадионе, что причинило нам большую боль.

Затем Моуринью выступил на послематчевой пресс-конференции с обвинениями в адрес судьи, решившего удалить игрока, из-за чего игра пошла не так. «Почему судья допустил такое, когда возможности были равны, при нулевом счете? –

недоумевал он. И приступил к провокациям: – Мне было бы стыдно выиграть Лигу чемпионов так, как Гвардиола. Если бы я высказал судье и УЕФА то, что думаю о том, что происходит, моя карьера мгновенно завершилась бы. «Реал Мадрид» вылетел из Лиги чемпионов. Мы уйдем с гордо поднятой головой, уважая мир футбола, который, однако, так часто внушает мне отвращение»[15].

Жесткая критика УЕФА обернулась для Моуринью дисквалификацией на пять матчей, которая по итогам апелляции была сокращена до трех. В любом случае руководить командой лично в ответной встрече он не мог.

Сыграв со счетом 1:1, достойным «Камп Ноу», мы все же вылетели из Лиги чемпионов.

Тем не менее итоги серии «эль класико» оказались более чем положительные. Позади времена, когда у «Реала» не было ни единого шанса совладать с «Барсой». Позади времена, когда матчи заканчивались позорными поражениями со счетом 2:6 или 0:5. Мы дважды сыграли с «Барселоной» вничью, один раз победили их, соперничая за титул, один раз победили они, пройдя в финал Лиги чемпионов.

За четыре схватки было показано невообразимое количество желтых карточек, целых 25. Если считать Моуринью, состоялись четыре удаления.

Соперничество продолжалось почти три недели. Они были совершенно измотаны, в первую очередь Гвардиола, который, в свою очередь, признался, что этот период «был очень тяжелый, обернувшийся большими нагрузками: невероятно насыщенный и чрезвычайно утомительный».

После вылета из Лиги чемпионов Моуринью с удвоенной энергией добивался прекращения владычества Гвардиолы в Испании. «Пока я был тренером миланского «Интера», мне понадобилось три игры, чтобы вычислить, как разделаться с «Барселоной» и что противопоставить команде Гвардиолы, – говорил он нам. И продолжал, преисполненный уверенности: – Скоро мы добьемся того же».

Случай представился нам в начале нового сезона; для меня это был второй год в составе «Реала». На правах обладателей Кубка Испании мы встретились в матче за Суперкубок с «Барселоной», которая выигрывала его два последних года подряд.

На 12-й минуте мне удалось открыть счет с подачи Карима Бензема. Давид Вилья забил ответный гол, затем забил Месси и, в конце концов, Хаби Алонсо. Итог – 2:2 и возможность отыграться три дня спустя на «Камп Ноу»; тот матч должен был стать одним

из самых напряженных, в котором мне до сих пор доводилось участвовать.

У нас было стойкое ощущение, что на этот раз уведем титул у привыкших к успеху футболистов «Барселоны». Они были намерены бросить все силы, чтобы отстоять свое превосходство. Тем самым в этой игре ставки были очень высоки.

Иньеста обеспечил каталонцам преимущество в счете, Роналду сравнял его. Месси забил, но стараниями Бензема снова было достигнуто равенство. Затем Месси забил еще раз. 3:2 в пользу «Барселоны». Абсолютно не по игре. Особенно если учесть, что «Барса» симулировала беспрецедентное количество нарушений. В каждом стыке они валились с ног и поднимали такой шум, как если бы им по меньшей мере оторвали ноги. Пока один из барселонцев валялся на траве, пусть даже повод был пустяковый, остальные тут же налетали на предположительного нарушителя. Подобные сцены, да еще в таком количестве, мне доводилось наблюдать очень редко.

Вместе с тем они постоянно отпускали в наш адрес провокационные комментарии. То одна провокация, то другая. Тем вечером игроки «Барсы» совсем не производили впечатления команды, которая играет по-честному. Но, разумеется, и мы нахватали желтых карточек. За пять минут до конца матча у нас их набралось целых пять. «Барса» получила всего две.

На 93-й минуте каталонцы, продолжавшие вести в счете, завладели мячом в центре поля. Забегая вперед, стоит отметить, что в конце игры счет не слишком изменился. Хави дает пас на Алонсо, который, в свою очередь, передает Фабрегасу, который очень изящно завладевает им. Внезапно на него налетает Марсело. Вытянув левую ногу, он сбивает Фабрегаса свободной правой, точно срезает ножницами. В ярости он валит Фабрегаса с ног как раз между двумя скамейками запасных – «Реала» и «Барселоны». Инцидент был совершенно неприемлем, нельзя, чтобы подобные инциденты вообще происходили.

В ту же секунду начинается кутерьма. Со стороны происходящее выглядит как бело-красно-синий клубок, где со всех сторон толкаются, ругаются, оскорбляют и задирают друг друга. В центре – целая толпа, которая вот-вот взорвется от злости, к которым подключились даже тренеры и генеральные директора. Большинство игроков «Барсы» жаждет крови Марсело. Они несутся к нему, наседают и ругаются на него совершенно неподобающим образом. Он заслужил красную карточку. А вот того, с каким ожесточением на него набросились после фола, нет.

Я вступаюсь за него, пытаясь оградить от этого. Я оттягиваю его назад, чтобы он не выкинул еще какую-нибудь глупость. Ведь

в такие моменты теряешь контроль над собой. Марсело бился за «Реал Мадрид» до последнего. Снова и снова выходил один на один. Сражался за каждый мяч. Он просто потрясающе выступил и сделал все, чтобы не запятнать честь «королевского» клуба. Но если потом случается такое нарушение и на тебя бросаются со всех сторон, то ты можешь совершить любую глупость, пока у тебя бушуют эмоции и бурлит адреналин. Ни один футболист на свете не отвешивает подзатыльники или пощечины расчетливо. Никто не ударяет другого игрока с умыслом и ясной головой. Такое происходит в исключительных случаях. Именно от этого я хотел удержать Марсело. И тут ко мне, исполненному благих намерений, сзади исподтишка подкрадывается Давид Вилья и бьет меня ладонью по голове. Это была последняя капля!

Такие подзатыльники не лезут ни в какие ворота. Ни на «Камп Ноу», ни на «Сантьяго Бернабеу». Так не годится делать и на детской спортивной площадке – ударять кого-то со спины, пусть даже это один маленький подзатыльник, это коварно и низко. Нельзя ни увернуться, ни защититься. Не говоря уже о том, что любой удар – это в принципе плохо.

Когда я понял, что это Вилья был злодеем, ударившим меня, я попросту слетел с катушек. Я всего лишь хотел вступиться за Марсело и уладить ситуацию и сам же в итоге получил по голове. Вместо того чтобы помочь своему товарищу по команде справиться с гневом, я сам разъярился как бык. Самого удара я особо и не ощутил, это было не грубо и не особенно больно. Меня взбесило то, что это было сделано исподтишка. Поэтому я хотел поймать Вилью. В тот момент я просто потерял голову. Беспрепятственно я пробежал через все поле, чтобы ответить ему тем же. Он задел мое самолюбие. Я хотел отомстить. Я поклялся, что он пожалеет о своем поступке.

Пепе и Рикарду Карвалью стали держать меня. Я кричал им, чтобы отпустили. Я пытался вырваться. Я тогда действительно вел себя как сумасшедший. Меня попытался успокоить и Адриано из «Барселоны», что, как я считаю до сих пор, сделало ему, сопернику, большую честь. Тогда до меня это, разумеется, не дошло.

Когда я получил свою красную карточку, как, кстати, и Вилья, я хотел отловить его в раздевалке, чтобы задать ему там хорошую трепку. К счастью, меня остановили – на этот раз Марсело и Моуринью.

Тогда я страшно сердился на всех, кто меня держал. Мне казалось, что я должен проучить Давида Вилью. А сегодня я ужасно рад, что все так получилось. Вероятно, мне на пару секунд полегчало бы, если бы благодаря мне Вилья понес бы, как мне

казалось тогда, заслуженное наказание. Но что случилось бы потом? Потом обо мне в «Реале» осталась бы память как о драчуне! Хаме! Буйном идиоте!

Все прежние заслуги были бы забыты. Никто не говорил бы больше о моих профессиональных качествах, везде только и разговоров было бы, что о том срыве. Моя репутация была бы вконец испорчена. Из-за одного-единственного раза, когда я вышел из себя.

Между тем, пока мы с Вильей выясняли отношения на поле, у Моуринью также чуть не дошло дело до разборки. В той заварухе он подошел к помощнику тренера «Барселоны» Тито Виланове и сунул указательный палец правой руки ему в правый глаз. Я не берусь судить, что на него нашло. Совершенно точно – он и сейчас не смог бы объяснить, зачем это сделал.

В то же время я уверен, что он действовал без умысла. Несмотря на его продуманные провокации и резкие заявления в СМИ, Моуринью – весьма порядочный человек.

Позже он извинился за ту выходку с пальцем в глаз. «Мне не следовало этого делать. Я же не идиот. Я уделяю много времени, чтобы научить своих игроков держать свои эмоции под контролем. Я совершил ошибку и не пытаюсь найти оправдание».

Противостояние шквалу критики, обрушившемуся на нас в СМИ после Суперкубка, позволил нам еще больше сплотиться как команде. Мы поклялись: что бы ни писали и ни говорили, нас никому не сбить с пути. Мы не позволим разобщить нас. Мы будем держаться вместе, защищать и вдохновлять друг друга.

Впоследствии мы забили по шесть голов в матчах с «Сарагосой», «Райо Вальекано» и «Севильей», по пять – в матчах с «Гранадой», «Эспаньолом» и «Реал Сосьедадом», целых семь в матче с «Осасуной». По итогам 33 туров мы возглавляли турнирную таблицу, одержав 27 побед при двух поражениях. Общее количество забитых голов потрясало – их было 107. На втором месте оказалась «Барселона», у которой было на четыре очка меньше. В случае если «Барса» обыграет нас еще раз за четыре тура до конца чемпионата, его исход будет неясен.

Между тем Моуринью раскусил «Барселону», чему поспособствовало двухраундовое противостояние в Кубке Испании. После того как «Барса» обыграла нас на выезде со счетом 2:1, они быстро вырвались вперед и в ответном матче дома, забив сразу два гола – 2:0. На нас это не произвело никакого впечатления, и мы решили не бросать все силы на оборону, а вместо этого взять инициативу в свои руки. В том матче на «Камп Ноу» я передал пас Роналду, который забил наш первый гол: 1:2. Затем Бензема сравнял счет. Это было очень

показательное поведение на чужом поле, и оно подействовало на каталонцев устрашающе. В свою очередь, к нам вернулась уверенность, необходимая, чтобы выдержать дальнейшее противостояние.

Моуринью напомнил обо всех трофеях, которые достались «Барселоне» за последние годы. «Они не станут чемпионами в четвертый раз подряд. Мы им не позволим», – сказал он, чем раззадорил нас еще больше.

И действительно, в 34-м туре мы одержали победу на «Камп Ноу». После того как Сами Хедира обеспечил нам преимущество в счете, а Алексис Санчес забил ответный гол, мяч оказался у меня. На моем счету за весь чемпионат было 18 голевых передач. Пас, который я отдал на Криштиану Роналду, стал девятнадцатым.

За первый год в составе мадридского «Реала» во всех турнирах, вместе взятых, я забил 10 голов и стал автором 28 голевых передач. На следующий год мне удалось уже целых 29 голевых передач и 7 голов, благодаря чему меня назвали лучшим ассистентом чемпионата Испании. На третий же год, забегая чуть вперед, на моем личном счету снова было 10 голов и 24 голевых передачи. Три года подряд – необычайные показатели.

Хотя стоит признаться, что в этой команде мирового класса на фоне игроков, которые выступают на высшем из возможных уровней, довольно легко выглядеть успешным. Надо всего лишь пасовать с умом, и благодаря таким нападающим вероятность того, что в итоге мяч приземлится в воротах соперника, очень велика.

В результате этой победы над каталонцами мы сделали решительный шаг к победе в чемпионате, что нам в итоге и удалось – после трех лет абсолютного превосходства «Барсы». Моуринью привел мотор нашей «Феррари» в порядок, починил все неисправные детали и под чутким контролем вывел этот спорткар на трассу. По итогам сезона у нас на счету были 121 гол, 32 победных матча и всего два поражения.

Благодаря стараниям Моуринью нам удалось разделаться с «Барселоной». А ведь каких-то два года назад они нас попросту драли. Невероятный успех. Наша команда невероятно сплотилась. Моуринью сделал из нас на редкость целостное единство. Сам же он стал тренером, который покончил с господством «Барселоны». Это было его высшее достижение.

Таким же значением обладал чемпионский титул. Ведь это просто – выигрывать титул за титулом, когда ты управляешь безотказно работающей, идеально настроенной гоночной машиной. Но вот если тебе досталась машина не на ходу и тебе пришлось долго доводить ее до ума, тогда победа вызывает куда

большее уважение.

До этого в моей карьере случалось лишь второе место в Бундеслиге. А еще третье и десятое. Первый год в Испании снова закончился вторым местом. А сейчас, с шестой попытки, впервые в жизни я стал чемпионом.

Добившись успеха с «Реалом», я испытывал чувство глубокого внутреннего удовлетворения. Полагаю, каждый футболист на земле спит и видит, как однажды он надевает форму «королевского» клуба. Немногим футболистам выпадает счастье забить гол в этой форме. Лишь избранные могут насладиться моментом торжества, когда «Реал» становится чемпионом. Мне довелось пережить это. К тому же по итогам того сезона я попал в символическую сборную Испании, по версии читателей газеты «Марка».

Когда в 2012 году Гвардиола объявил о своем уходе из «Барселоны», он добавил: «Я сделал все, здесь мне больше делать нечего. В этом и заключается основная причина. Кроме того, мне стоит восстановить силы». Совместными усилиями с Моуринью мы напомнили непревзойденному тренеру, что значит проигрывать. Лишить не только на поле, но и за его пределами, покоя команду, вершившую ход футбольной истории, было чрезвычайно ценно.

Никогда прежде у меня не было такого насыщенного периода, как в «Реале». Он поглотил меня целиком. Один год, проведенный в Мадриде, сравним с тремя-четырьмя годами в любом другом клубе мира.

> Изобретательный игрок не должен позволять тренеру вешать себе гири на ноги. Нельзя становиться марионеткой.

За это время я сильно вырос как футболист. Наряду с тем, что я многое узнал из области тактики и об игре в защите, я понял еще кое-что очень важное: находясь на поле, следует прислушиваться к себе. Когда тренер предъявляет ко мне во время матча слишком жесткие требования, я чувствую себя скованно. Когда же я нутром чую, что должен повернуть налево, я делаю это. Я не вижу смысла оставаться исключительно на своей позиции. Я игрок, и мне следует самому принимать решения. В игре должно быть место импровизации. Изобретательный игрок не должен позволять тренеру вешать себе гири на ноги. Нельзя становиться марионеткой. С другой стороны, ты не имеешь права действовать вразрез с тактическим планом.

Еще во время чемпионата мира – 2010 я отметил, что

раздумья разрушают магию игры. Во всей ясности это открылось мне лишь в Мадриде.

Третий год в Мадриде был очень даже ничего с обывательской точки зрения. Но только не в понимании «Реала». В чемпионате Испании мы оказались вторыми, позади «Барселоны». В Лиге чемпионов нам третий раз подряд удалось добраться до полуфинала, после чего мы вылетели, не справившись с дортмундской «Боруссией»; в том матче Роберт Левандовски забил в наши ворота четыре гола. В борьбе за Королевский кубок[16] нам удалось выйти в финал, попутно даже разгромив «Барселону». Однако в финальном матче мы уступили «Атлетико Мадрид», и получилось так, что впервые с момента моего прихода «Реал» остался без титула. Слабовато для королевских «галактикос».

14. Лондон взывает [17]
Любое поражение ведет к чему-то новому

Жозе Моуринью покинул «Реал Мадрид» в 2013 году. Его пост перешел к итальянцу Карло Анчелотти. Мое пребывание в «Реале» также подошло к концу. Самым неожиданным образом.

О моем уходе много писали. Сплетничали. Судачили. Строили множество предположений. Предлагали кучу интерпретаций и объяснений.

Да, было понаписано очень-очень много бреда. В особенности бесили обвинения, что я якобы много лгу.

Единственное, что соответствовало действительности и было моим собственным упущением: в то время мой отец Мустафа стал представлять мои интересы в качестве агента. Он полагал, что уже достаточно хорошо овладел этой профессией и больше не нуждается в помощи агентов со стороны. Он считал себя сильным и волевым настолько, чтобы вступать в переговоры с такими людьми, как, например, президент «Реала» Флорентино Перес, и беседовать с ним на равных.

Я вовсе не хочу винить отца. Он многому научился, наблюдая за Роджером Уитманом, Михаэлем Бекером и Резой Фазели. Он оставался моим ближайшим советчиком и исходил исключительно из моих интересов. Папа подстегивал меня своей критикой и вдохновлял на новые свершения.

Он был вполне уверен в себе, ведь именно он способствовал тому, чтобы из его маленького Месута получился футболист, который, побывав в «Шальке» и «Вердере», оказался в мадридском «Реале».

Пока благодаря таланту и моим достижениям ситуация всегда складывалась так, что сразу несколько клубов, чей уровень был на порядок выше, чем у той команды, за которую я играл, вступали в жесткую конкуренцию за меня, так что мы могли без проблем осуществить трансфер, не продлевая досрочно старый контракт.

До этого отец не раз мог наблюдать, как ставили себя агенты, находясь в заведомо выигрышном положении, ведь мной интересовалось все больше и больше клубов, чтобы начать выдвигать свои требования, которые в большинстве случаев исполнялись в заявленном объеме.

Сейчас же ситуация была слегка иная. Разумеется, после трех

хороших лет в «Реале» наша переговорная позиция быть слабой не могла. Ни один игрок Примеры с 2010 года не отдавал столько голевых передач, как мы с Лионелем Месси, – на счету у каждого из нас было по 47.

Но никакого ажиотажа вокруг меня не наблюдалось. Летом 2013 года нам не поступало предложений от других клубов, которые желали бы выкупить мой контракт за три года до его окончания. Если разобраться, зачем? Я не выражал решительно никакого намерения покинуть «Реал». Ничто не предвещало трансфера. Мы с отцом стремились заранее продлить контракт еще на несколько лет ради того, чтобы и дальше успешно играть в составе королевского клуба и однажды выиграть Лигу чемпионов. Отец взял переговоры на себя. Он связался с Флорентино Пересом и назначил встречу, во время которой должен был обсуждаться вопрос о подписании долгосрочного контракта между «Реалом» и мной – возможно, на более выгодных условиях.

Когда я перешел сюда из «Вердера», я был, в сущности, никем. Практически ноль международного опыта: всего шесть матчей в Лиге чемпионов и вчерашний дебютант национальной сборной. В Мадриде же за три года я 31 раз выходил на поле в матчах Лиги чемпионов. Под руководством Йоги Лёва я дорос до основного состава сборной Германии и 29 раз выходил на поле с федеральным орлом на груди. Соответственно, во время пребывания в «Реале» мне причитались большие гонорары.

Будучи игроком «Манчестер Юнайтед», Хуан Мата сказал однажды очень важную вещь: «В масштабах футбольного мира у меня средняя зарплата. Но если сравнить с 99,9% населения Испании и мира, окажется, что я получаю неприлично много. При всем уважении к остальному миру нужно признать, что наш доход баснословно велик. Да это просто уму непостижимо».

Моя мать выбивалась на работе из сил. Причем на такой работе, которая едва ли доставляла ей радость. Убирать грязь за другими людьми не может доставлять никакого удовольствия. И зарплата у нее была мизерная. Моя же, напротив, огромная. Работаю ли я усерднее, чем она? Я бы не сказал. Получаю ли я от своей работы больше удовольствия, чем она? Определенно! Честно ли, что я зарабатываю так много, а она – почти ничего? Абсолютно нет!

К слову, мои деньги заработаны абсолютно честным путем. Я регулярно платил налоги в полном объеме. И вовсе не использовал «серые схемы», чтобы скрыть часть доходов, как в конце 2016 года предполагал «Шпигель».

Тогда меня поместили на обложку декабрьского выпуска. Выбрав ужасное черно-белое фото с тяжелым взглядом. На месте

моих зрачков стараниями изобретательных дизайнеров журнала появились ярко-желтые символы евро. «Жадные до золота»[18], – значилось на обложке; в том номере речь шла о финансовых махинациях, в которых подозревались Криштиану Роналду, Жозе Моуринью и я.

В подводке к статье значилось: «В течение полутора лет испанское налоговое ведомство недосчитывалось средств от игрока сборной Германии Месута Озила; сейчас ему предъявлены миллионные претензии».

Выпуск «Шпигеля» с обвинениями увидел свет 3 декабря 2016 года. Накануне мне позвонил мой агент Эркут, чтобы как-то подготовить меня к этому. Я был уже в «Арсенале» и находился в отеле с командой, на следующий день нам предстояло играть с «Вест Хэмом».

«Завтра ты увидишь себя на обложке, – с этого Эркут начал разговор. – «Der Spiegel» выпускает материал».

Само по себе известие меня совсем не удивило. Ведь за пару дней до этого редакторы, работавшие над статьей, направили мне по электронной почте множество вопросов, которые мы оставили без ответа. Мы сразу поняли, что в ближайшее время нам придется отбиваться от лживых домыслов.

Я слушал Эркута, сидя на кровати.

«Мы будем сохранять полное спокойствие. Они не сумеют нас этим задеть», – говорил он.

«Эркут, мы ведь не делали ничего противозаконного, правда?» – спросил я в который раз после того, как с нами пытались выйти на связь редакторы «Шпигеля». На всякий случай. Разумеется, я заполняю декларации о доходах не сам, а оставляю это дело профессионалам, которым доверяю. На это у меня попросту не хватает времени. И, будучи честным до конца, знаний тоже маловато. Именно поэтому, когда испанские налоговые службы потребовали от меня выплатить дополнительные суммы в виде налогов, мы созвали испанских, немецких и британских финансовых экспертов, чтобы пояснить мне положение дел и посвятить во все детали.

«Нет, не делали, Месут. Все в порядке. Они не способны причинить нам вреда, – спокойно сказал Эркут и еще раз объяснил мне все по порядку. – Все, что касается прав на использование твоего образа, оформлено самым что ни на есть законным путем. Ты передал их компании «Месут Озил Маркетинг», расположенной в Германии, что абсолютно легально и довольно распространено. При этом ты не только аккуратно уплачивал налоги, но и обеспечивал зарплату восьми сотрудников этой компании, которые, в свою очередь, также

отчисляли налоги немецкому государству».

Испанские власти были поставлены в известность о том, как обстоят дела, подытожил Эркут, и их это устраивало. «Мы исчерпывающе разъяснили порядок уплаты нами налогов в Германии. Вопросы, связанные с использованием образа, абсолютно не связаны с этими дополнительными налоговыми выплатами».

В начале 2016 года я действительно заплатил дополнительные 2 017 152,18 евро подоходного налога – этот факт соответствует действительности.

Однако сразу же мы подали апелляцию на решение испанского налогового ведомства. И вот в какой связи: до настоящего времени услуги футбольных агентов всегда оплачивал клуб. Везде и всегда, какой клуб ни возьми – «Баварию», «Пари Сен-Жермен» или «Арсенал».

Это практиковалось годами с согласия властей. Поэтому-то «Реал Мадрид» и заплатил 1,2 млн евро моему прежнему агенту Резе Фазели, а «Арсенал» выплатил 1,47 млн евро доктору Эркуту Сёгуту, который сейчас представлял мои интересы; «Шпигель» и эту информацию передал достоверно.

Эти выплаты были тотчас же задекларированы как с клубами, так и с агентами и, естественно, обложены налогом. А теперь, объяснял мне Эркут, испанские налоговые органы, борясь за наполнение бюджета, возжелали исчислить и взыскать налоги по этим операциям еще и с меня. Никакими изменениями в правовом регулировании это объясняться не могло – изменилось не регулирование, изменилась только позиция правоприменителя в отношении тех же самых норм.

Налоговики заявили, что выплаты клубов агентам являются моим доходом в неденежной форме, который и должен облагаться налогом.

Повторю: раньше этого никогда не требовали. Если мы не вносили расчеты клубов с агентами в налоговые декларации, это вовсе не означало нашего умысла на уклонение от уплаты налогов. Испанские налоговики просто пытались всеми доступными способами пополнить опустевшую казну.

Чтобы избежать конфликта, мы удовлетворили требования о дополнительных выплатах свыше 2 млн евро, пусть даже с нашей точки зрения основания для такой доплаты отсутствовали, а затем подали апелляцию, рассчитывая, что она подтвердит неправомерность предъявленных нам требований и все переплаченное будет нам возвращено.

Платить наложенный теми же налоговыми службами штраф в размере 789 963,36 евро мы отказались с самого начала,

обжаловав и его.

Я дал Эркуту проговорить все это еще раз. Его ясные и четкие доводы успокаивали: «У тебя же не фирма-однодневка. Ты не уклонялся от уплаты налогов. Ты всегда предоставлял свои налоговые декларации вовремя. С самого начала карьеры профессионального футболиста ты надлежащим образом уплатил миллионные налоги у себя на родине, в Германии. Эти миллионы были перечислены в государственный бюджет. Такую маркетинговую компанию ты мог бы завести себе и за границей. Но ты решил оставить все в Германии, чтобы и впредь платить деньги у себя на родине. И вот она, благодарность. То, что вытворяет «Шпигель», не что иное, как буря в стакане воды. Им просто нужно поднять тиражи. Любой ценой. В этом скандале, на ровном месте раздутом «Шпигелем», ты оказался козлом отпущения. Это очень низкая попытка очернить твое имя, которая, впрочем, не должна тебе навредить».

Я слушал, не перебивая. Нисколько не переживая.

«Это сделает нас лишь сильнее. Ты ведь уже и не такое проходил. Мы нанесем ответный удар, предъявив факты. У нас даже есть справка от испанских властей. «Реал Мадрид» в письменной форме заверил, что они делали налоговые отчисления с зарплаты Резы Фазели. Все в порядке. А ты борись на футбольном поле, ладно? С помощью голов и пасов. Покажи всем, что этот идиотизм на тебя никак не повлиял».

«Я верю вам. И сохраняю спокойствие. Хорошо, Эркут. Хорошо, что вы меня предупредили».

В ту ночь я спал так же крепко, как обычно. Ведь я был уверен, что моя команда все сделала правильно. К тому же мне не в чем было упрекать себя самого.

На следующий день во время матча с «Вест Хэмом» на лондонском Олимпийском стадионе меня уже не занимала эта тема. Я забил гол, чем обеспечил своей команде преимущество в счете, и отдал голевую передачу на Алекса Окслейда-Чемберлена – вот так.

Впрочем, я вряд ли бы сумел пребывать в таком спокойствии, если бы знал, что тем временем происходило в моем агентстве в Дюссельдорфе. Телефоны разрывались от звонков. После выхода статьи в «Шпигеле» сотрудникам угрожали, их проклинали, к ним приставали. Мне не место в национальной сборной! – наседали некоторые звонившие. Я позорник, бесчестный обманщик, который запятнал честь формы сборной Германии. Все это выводы, основанные на лживом материале «Шпигеля», который впоследствии распространили при помощи телеканала RTL на «Шпигель-ТВ». Чтобы не допустить продолжения этой

диффамации, мы подали на журнал в суд за клевету в день выхода публикации.

> В глазах клуба мы, футболисты, – товар, стоимость которого варьируется в зависимости от количества наших заслуг.

Но факт есть факт: суммы, которые люди зарабатывают на футболе, просто бешеные! В глазах клуба мы, футболисты, – товар, стоимость которого варьируется в зависимости от количества наших заслуг. А также от того, насколько ты известен. Я связываю это с тем, что футбол все развивается и развивается, утверждается на мировом уровне, из-за чего гонорары растут в геометрической прогрессии.

То, к чему мы подошли сейчас, не лезет ни в какие ворота и не может больше поддерживаться болельщиками. Я считаю, что ни один спортсмен в мире, каким бы известным и успешным он ни был, не заслуживает пятисот, шестисот, восьмисот или даже ста миллионов евро. Это астрономические суммы. Отчасти потому, что мне не с кем себя сопоставлять. Речь уже не об уровне футболиста. Как мне кажется, иногда это просто генеральные директора клубов развлекаются, устанавливая новый рекорд трансферных выплат. Ведь им всегда хочется прогресса.

Бесспорно, Поль Погба – отличный игрок, но ни он, ни какой угодно еще футболист не заслуживает ста миллионов евро. Я сам не заслуживаю своих пятидесяти миллионов. Что же за сумму, на минуточку, тогда следовало бы платить Зинедину Зидану за его выдающиеся способности? Миллиард? Такие суммы уже за гранью разумного.

Я никогда не забывал о своем происхождении. Мои лучшие друзья, которые помогали вытаскивать мне велосипед из подвала с крысами, до сих пор мне верны. Они работают в уже упоминавшейся компании «Месут Озил Маркетинг» и получают от меня за это деньги. Я купил чудесный маленький домик для своей мамы и поддерживаю ее финансово, чтобы избавить от необходимости работать.

Причина, побудившая моего отца потребовать от руководства «Реала» увеличения моего гонорара во время переговоров о досрочном продлении контракта, проста. Речь шла о проявлении уважения. Как и на любой другой работе. Кроме того, это распространенная практика – при продлении контракта делать так, чтобы зарплата соответствовала.

Если кто-то демонстрирует хорошие результаты, труды должны быть оплачены соответственно. Когда амбициозный стажер, проявляя упорство и работая сверхурочно, становится

специалистом, благодаря которому предприятие развивается, то он заслуживает повышения зарплаты. Когда футболист становится более умелым, начинает лучше разбираться в тактике и участвует в том, чтобы сломить преимущество «суперкоманды» «Барселона», не может быть, чтобы ему и дальше платили как новичку.

Продление контракта окажется выгодным для обеих сторон – с таким посылом отец обратился к Флорентино Пересу. Такова была исходная точка наших переговоров.

Это не имело никакого отношения к жадности. И к желанию потуже набить карман. Речь шла о справедливой оплате труда. Что, к сожалению, не наблюдалось в контракте, предложенном нам «Реалом» на рассмотрение.

Тем самым я вовсе не хочу упрекнуть «Реал». Это нормально, когда на начальной стадии переговоров позиции сторон разнятся, а в ходе дальнейшего обсуждения они взаимно смягчаются. Одни в чем-то идут на уступки, другие предоставляют что-то в большем объеме – и так до тех пор, пока итог не устроит обоих. Думаю, редко бывает так, что взаимопонимание достигается после первых же переговоров.

Но для моего отца все это было в новинку. Ему еще не случалось вести переговоры в таком формате. Он оказался в сфере, в которой, вопреки его представлениям, он не проявил себя как профессионал, у которого заготовлен план действий в любой ситуации. Он не провел и десятка переговоров с представителями крупнейших футбольных клубов, поэтому, оглядываясь назад, нужно признать, что ему не хватило сдержанности, чтобы достойно отреагировать на подобное провокационное предложение. Поэтому-то ему и не удалось сберечь трезвую голову, что в этой ситуации явно было необходимо.

Отцу свойственно упираться рогом. Иногда это к лучшему. Я испытал это на себе в генеральном консульстве в Мюнстере, когда отец добился, чтобы сотрудники приняли мой турецкий паспорт. Но с Флорентино Пересом, который привык, что окружающие пляшут под его дудку, не стоило упрямиться. И уж совсем некрасиво было то, что отец покинул кабинет Переса, хлопнув дверью.

Эта выходка не только не напугала главу «королевского» клуба, но и привела к тому, что теперь началось противостояние сразу двух упрямцев. Каждый хотел показать другому – по крайней мере, мне так казалось, – кто из них сильнее.

Вначале я был уверен, что они поупрямятся и перестанут. Что оба остынут так же быстро, как закипели; ведь, в конце концов,

обе стороны стремились к тому, чтобы мой контракт был продлен. Надеясь на это, 28 августа 2013 года я отправился на пресс-конференцию с участием фирмы «Адидас», которая тогда только что стала моим техническим спонсором.

Тут присутствовали журналисты со всей Европы. Телеоператоры включили камеры, фотографы щелкали затворами. Я намерен был дать ответы на все вопросы и покончить с домыслами о себе, которые в который раз наводнили СМИ. На YouTube до сих пор доступно видео, на котором я публично заявляю: «У меня контракт с «Реалом», там я и остаюсь». В отдельных интервью газетам «Марка» и «Бильд» я повторил те же слова и уточнил, что именно мной двигало: «Для меня большая честь играть за этот клуб. И мне здесь очень хорошо. Зачем же уходить? Я ни секунды не думал о возможном переходе. Я не рассматриваю никакой другой клуб. Я ручаюсь, что мой контракт с «Реалом» будет в силе вплоть до 2016 года».

Если бы я только знал, что менее чем через пятеро суток я нарушу свое обещание, то ни за что бы не выступил с таким однозначным заявлением. Я не произнес бы слова, которые чуть позже обернулись против меня и всю оставшуюся жизнь воспринимались бы как ложь. У меня нет обыкновения приходить на пресс-конференции и молоть всякую чепуху, не учитывая, какой эффект могут произвести мои слова. Я хотел, чтобы обо мне перестали судачить. А также продемонстрировать Флорентино Пересу, что для меня значит «Реал».

Я и представить себе не мог, что в ходе этой дуэли двух упрямцев стороны будут уже не просто меряться силами, что она перерастет в нечто большее, чем перебранку двух мужчин, а зайдет настолько далеко, что будет иметь для меня ощутимые последствия. Я впал в немилость у нашего мадридского босса, хотя лично я ровным счетом ничего плохого ему не сделал. Мне светила ссылка на скамейку запасных. Внезапно я должен был договариваться. Ради своей карьеры. Не играть же для меня было недопустимо – особенно когда такое решение принималось вовсе не исходя из моих профессиональных качеств.

Поэтому, хоть с этим было нелегко примириться вначале, я набрал номер, который хранился в памяти телефона с 2010 года.

«Господин Венгер, – начал я. – Я обещал связаться с вами, как только обстоятельства сложатся так, что я окажусь в поиске клуба. Этот час настал».

Арсен Венгер сказал, что пристально наблюдал за мной все это время и очень доволен моими успехами. И снова у меня возникло такое же приятное ощущение, как от разговора 2010 года. Я чувствовал, что этот человек, с которым мы ни разу не

виделись вживую, расположен ко мне и испытывает ко мне доверие. Именно это в той непростой ситуации мне было необходимо.

Разумеется, во мне теплилась надежда, что Перес сменит гнев на милость и не накажет меня в результате ссоры с моим отцом. Что он снова приблизит меня к себе. Но он этого не сделал. Наши отношения были испорчены.

Я вышел на связь с другим клубом через два дня после того, как сделал такое признание в верности «Реалу», потому что у меня, похоже, просто не было иного выхода. Время так и бежало. А если я действительно собирался переходить в «Арсенал», нужно было уладить столько вопросов. Знал ли я, чего хотел? Что именно это сделает меня счастливым?

Я остановил на два слова своего товарища по «Реалу» Луку Модрича, который играл в составе «Тоттенхэма» с 2008 по 2012 год. «Как там, в Лондоне?» – спросил я и без обиняков рассказал о своих планах. «Это лучший город Земли», – ответил он, и я поверил ему. На выяснение деталей у меня, сказать честно, попросту не было времени.

Накануне третьего матча чемпионата Испании сезона 2013/14, в котором нам предстояло встретиться с «Атлетик Бильбао» на «Сантьяго Бернабеу», мой друг Барыш спросил, может ли он поговорить со мной. У него сложилось впечатление, что у меня неспокойно на душе. Что я с собой не в ладу. «Ты уверен? – спросил он меня, когда мы остались с глазу на глаз. – Ты правда хочешь перейти в другой клуб?»

Переход из «Реала» в «Арсенал» действительно дался мне нелегко – это было самое сложное решение, которое я когда-либо принимал в жизни. Когда я покидал Бремен, то был на сто процентов уверен, что это шаг в нужном направлении. Я знал, что многому обязан «Вердеру» и, таким образом, лишаю себя многого. Но перспективы были настолько заманчивы, что я ни секунды не должен был тратить на размышления, правильно ли я поступаю или нет. Я чуял это нутром; и мой внутренний голос подсказывал мне: с «Вердером» покончено.

Сейчас же мне предстояло покинуть город, в котором мне было очень по душе находиться. Мне нравилось выступать на «Сантьяго Бернабеу». Я считал честью носить футболку «королевского» клуба – сначала под номером 23, а затем и под номером 10, который до меня был у Ференца Пушкаша, Гюнтера Нетцера, Робиньо и Уэсли Снейдера. Я чувствовал поддержку со стороны фанатов. Но главное – мне казалось, что я еще не все доделал. У меня в голове прочно засела мысль, что за время пребывания в «Реале» я обязан стать победителем Лиги

чемпионов. Кроме того, в составе «Реала» я хотел дорасти до футболиста мирового класса. Иными словами, эпопея с «Реалом» еще не подошла к концу. Но мне также не хотелось бесцельно блуждать и в итоге уйти невесть куда.

К тому же нельзя было сбрасывать со счетов этого человека, который так спокойно говорил со мной по телефону, вел себя так приветливо и говорил так умно, что мне стало понятно – он действительно хочет видеть меня в своей команде. Три года подряд Венгер присматривался ко мне и в данный момент выказывал гораздо больше заинтересованности во мне, чем Карло Анчелотти в «Мадриде».

Плюс – классный город, в котором проводился интересный чемпионат. Плюс команда, в составе которой играли Пер Мертезакер и Лукаш Подольски. Название этого клуба было на слуху, несмотря на то что со времен победы в финале Кубка Англии 2005 года они больше не завоевывали титулов. Плюс – этот тренер.

«Да, Барыш. Думаю, это верное решение», – ответил я, обсудив с ним все, что я думал по этому поводу.

1 сентября 2013 года мне стоило невероятных усилий сдерживать эмоции, в последний раз оказавшись на «Сантьяго Бернабеу». Пока я сидел на скамейке запасных рядом с Альваро Морато, Каземиро и Икером Касильясом, чувствовал ком в горле. В последний раз я здесь, с этой командой, на этом роскошном стадионе. В последний раз я слышу речевки наших фанатов на испанском. В последний раз звучит гимн клуба «Hala Madrid y nada más».

После того как мы выиграли благодаря двум голам Иско и одному, забитому Роналду, со счетом 3:1, я сообщил своим близким друзьям – Альваро Арбелоа, Серхио Рамосу, Кариму Бензема и, разумеется, Сами Хедире, что, по-видимому, скоро я покину их ряды.

В тот же день я отправился в аэропорт. На завтра в Мюнхене у нас был намечен сбор национальной команды в преддверии матчей со сборной Австрии и сборной Фарерских островов в рамках отборочного турнира к чемпионату мира.

На взлете я уставился в окно. Впервые в жизни я вглядывался, как взлетная полоса уменьшается под нами. Как терминалы аэропорта Мадрид-Барахас превращаются в крошечные точки, а потом и вовсе перестают виднеться через просветы в облаках, подобно городу, где я провел три замечательных года.

Сотни раз мои путешествия начинались и заканчивались в этом аэропорту. Ни одно из них я не воспринимал осознанно – до сегодняшнего дня. Обычно, войдя в самолет, я сразу откидываюсь

на своем кресле, надеваю свои массивные наушники, которые не пропускают ни один звук извне, подсоединяю их к планшету и всю дорогу смотрю фильмы. Пропускаю как предполетный инструктаж, так и сам момент взлета. Я также не из тех, кто обожает смотреть в окно. По крайней мере, был им до того, вероятно, последнего перелета из Мадрида. У меня даже выступили слезы. «Hala Madrid», – мрачно подумал я.

Ровно в час дня все члены сборной Германии должны были собраться в одном из отелей Мюнхена. Меня это тоже касалось. Но у меня была еще одна важная встреча, в связи с чем я посвятил в свои трансферные планы Йоги Лёва и попросил у него разрешения явиться позже. Ведь я прибыл в Мюнхен также и для того, чтобы пройти обязательное медицинское обследование. По-хорошему, я должен был бы сделать это в Лондоне, но время было на исходе, трансферное окно должно было вот-вот закрыться, поэтому спортивный директор «Арсенала» Ричард Лоу вместе с врачом команды приехал в клинику Ганса-Вильгельма Мюллера-Вольфарта, где вместе с ним осуществил все необходимые проверки.

Параллельно мой отец обговаривал последние детали моего контракта с лондонскими партнерами. В то время как «Арсенал» немилосердно торговался с «Реалом».

В конец того же дня, менее чем через час до закрытия трансферного окна, а именно в 23 часа 16 минут, я подписал новый контракт и стал игроком лондонского «Арсенала».

Бывший вратарь «Баварии» Оливер Кан высказался в связи с моим переходом так: «Когда решался вопрос о том, пожертвовать Озилом или аргентинцем Ди Марией ради Бейла, выбор тренера «Реала» Анчелотти пал на немца». Он также добавил, что мне явно «не удалось стать для «Реала» незаменимым». В газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» написали: «Этот искусник, лишенный хватки, не выдержал возросшей конкуренции в «Реале». Писали, будто бы я кинулся «в бега». Затем в испанских газетах внезапно всплыл комментарий от самого Переса, в котором якобы говорилось о том, что я никакой «не профессионал». Позднее выяснилось, что цитата выдумана, но ее успели растиражировать на пол-Европы. Из-за этих же предполагаемых обвинений Переса отец снова затеял ссору и с вызовом заявил: «В наше время, если кто-то зарабатывает много денег, его автоматически считают честным человеком. А вот Перес далеко не честный человек. Из-за него Месута сейчас делают козлом отпущения. А меня выставляют алчным папашей, который только и ждет, как бы добраться до еще больших денег.

Какая грязная игра, какое низкое поведение».

В ответ на все эти высказывания я могу сказать лишь одно: я лично не знаком с Гаретом Бейлом. И я не испытываю ни зависти, ни злости в связи с тем, что «Реал» заплатил за него около сотни миллионов евро. Он же не виноват в том, что с ним захотели заключить контракт за такую сумму. Он никаким образом не повлиял на мою жизнь, и было бы сущим безобразием предполагать, что ненавижу его.

В свою очередь, не было никаких проблем в отношениях и с Карло Анчелотти. Мы проработали вместе совсем немного к моменту, когда для меня в клубе настали тяжелые времена. Мы толком так и не познакомились. И не смогли проникнуться друг к другу доверием.

С Флорентино Пересом я тоже не ссорился – в отличие от моего отца; такая вот маленькая, но важная деталь.

В тот вечер, когда был подписан договор, я в тишине просматривал полученные сообщения. Одно из них было от братца Мутлу, который отдыхал с женой в Турции. Он оставил мне сообщение на автоответчике. В отеле на стойке регистрации его спросили, правда ли, что я перешел в «Арсенал». Газеты также полнились слухами об этом. У меня до этого не было времени, чтобы рассказать о происходящем всем своим близким. Все произошло так быстро. Мне нужно было тогда сосредоточиться на деле. Не было времени отвлечься. Выдохнуть. Поразмыслить.

Когда я позвонил Мутлу и подтвердил, что действительно теперь играю за «Арсенал», он не поверил своим ушам. «Вот уж чего я совсем не ожидал», – ошарашенно ответил он. Жозе Моуринью также был крайне удивлен. «И ничего мне не сказал. Я думал, что ты планировал остаться в «Реале» до конца карьеры», – написал он в SMS.

Во время презентации Гарета Бейла в «королевском» клубе тысячи фанатов ревели во весь голос: «Özil no se vende», то есть «Озил не продается». Серхио Рамос также выразил свое неодобрение состоявшимся трансфером: «Если бы я принимал решения в «Реале», то Озил был бы последним, кому бы я позволил уйти». Сам Криштиану Роналду выступил с критикой: «Уход Озила я воспринимаю как плохую новость. Я рассержен этим».

Испанские газеты запустили опросы, по результатам которых до 80 процентов болельщиков «Реала» признали мой трансфер ошибкой.

Все это доказывало, что мое поведение в эти три года не было совсем уж предосудительным.

Когда я переехал в Лондон и пообвыкся там, то крепко

задумался об обстоятельствах своего перехода.

Я размышлял, к лучшему ли то, что произошло? К чему была эта ссора с Пересом и кричащие заголовки? Могло ли все сложиться иначе?

Самым простым в этой ситуации было бы переложить всю вину на отца. Он начал бодаться с Пересом. Он не смог потом договориться с ним полюбовно. Короче, он виноват. Нет, нет! Ведь не все так просто. Отец годами оставался рядом и поддерживал меня. Он помогал мне, когда дела шли неважно. Он принял много важных решений, благодаря которым моя карьера профессионального футболиста оказалась возможной.

Мой отец не идеален, как и любой другой человек. А переговоры с «Реалом» в целом и с Пересом в частности, наконец, были просто ему не по силам.

> Тогда, на пороге своего 25-летия, я объявил отцу, что больше не нуждаюсь в его услугах в качестве агента. Разговор вышел тяжелым.

В октябре 2013 года, во время очередного сбора бундестим в Дюссельдорфе, я попросил его приехать к нам в отель. Тогда, на пороге своего 25-летия, я объявил отцу, что больше не нуждаюсь в его услугах в качестве агента. Разговор вышел тяжелым. Думаю, любые родители переживают, когда дети отдаляются от них. Когда они заявляют, что будут жить отдельно. Или вовсе уезжают учиться в другой город. Большинство родителей это повергает в отчаяние, ведь им не хочется признавать, что дальше дети справятся и без них.

В нашем случае речь шла не просто о переезде, а о прекращении деловых отношений. На порядок серьезнее. Во всяком случае, отец воспринял все это очень близко к сердцу.

Я не хотел задеть его чувства. Как не хотел, чтобы он думал, будто сделал что-то неправильно или мне во зло. Я просто хотел, чтобы он осознал, что в моей жизни должна произойти перемена, чтобы я смог совершить еще один шаг на пути к взрослой жизни.

Конечно же, это не значило, что я выкидываю его из своей жизни. Но дело в том, что отныне я действую самостоятельно и, соответственно, сам несу всю ответственность за свои поступки. Моей целью было добиться того, чтобы в деле принятия решений лично я определял все условия – когда, где, как и почему.

К сожалению, поначалу отца вовсе не обрадовало это, как мне казалось, зрелое решение. Он разозлился. И обиделся. Настолько сильно, что из чистого упрямства удалил мою страницу в твиттере, где он обладал правами администратора, что привело к тому, что я потерял миллионы подписчиков.

Это произошло вечером пятницы, 23 ноября 2013 года. Я планировал лечь раньше обычного – наутро нам предстоял домашний матч с «Саутгемптоном». Около десяти вечера мне несколько раз позвонили. Друзья доложили, что моя страница в твиттере больше не существует. Даже если отвлечься от обстоятельства, что это очень глупо, исчезновение фанатского аккаунта оборачивается колоссальными финансовыми убытками. Хуберт Рашка, помогавший мне в то время со связями с общественностью, пояснил, что каждый аккаунт в социальной сети с точки зрения маркетинга обладает определенной ценностью. Так что выходка отца привела не просто к тому, что моя страница исчезла, в первую очередь он лишил меня ресурса, ценность которого измерялась миллионами.

К счастью, в ту же ночь Хуберту Рашке при помощи техподдержки Твиттера удалось полностью восстановить мою страницу и ограничить отцу доступ к ней.

Рашка присоединился к моей команде. Наряду с братцем Мутлу, которому я безгранично доверял, мои интересы в качестве агента стал представлять доктор права Эркут Сёгут. В таком узком кругу мы посовещались, как моей карьере развиваться дальше.

Ведь разрыв с отцом оказался вовсе не таким мирным и безболезненным, как предполагалось. Он считал, что его подставили, и даже потребовал через суд вознаграждение за то, что благодаря его стараниям «Адидас» подписал со мной спонсорский договор. В каждой семье случаются ссоры. В некоторых случаях доходит до того, что родственники не желают знаться друг с другом. Во время таких конфликтов обычно не выносят сор из избы, так что даже соседи ничего не подозревают. Наш конфликт, к сожалению, был предан огласке. Из-за ошибки, совершенной судьей земельного суда Дюссельдорфа. По сути, мы уже давно достигли мирового соглашения за закрытыми дверями, не разглашая это на публике. Вследствие этого слушание было отменено, но его почему-то анонсировали в суде на пресс-конференции. Позже нам принесли извинения; пресс-секретарь суда призналась нам, что у них произошла «неувязка». Не случись этого, никто так и не узнал бы о нашем разбирательстве.

Я очень сожалею о произошедшем в целом. Этот эпизод омрачил длительные, очень тесные и гармоничные отношения как отца и сына, которые лежали в основе моего прогресса. И об этом мне никогда не забыть.

Сами Хедира
«Он сражался как лев»

Сами Хедира прибыл в «Реал Мадрид» в том же году, что и Месут Озил. Задолго до официального перехода Озила они переписывались по SMS и обсуждали «королевский» клуб. В составе «Реала» они выиграли чемпионат Испании. Затем оба стали чемпионами мира со сборной Германии. На счету у Хедиры 102 игры за «Реал», вместе с этой командой он одержал победу в Лиге чемпионов 2014 года.

Хотя мне уже доводилось играть вместе с Месутом – в 2009 году мы оба были в Швеции, где принимали участие в чемпионате Европы по футболу среди молодежных команд, – лишь в Мадриде я смог узнать получше, что он за человек. Два игрока немецкой сборной с турецкими и, соответственно, тунисскими корнями заводят дружбу в Испании. И все благодаря одному португальцу, имя которому – Жозе Моуринью. Он взял меня в «Реал Мадрид» после южноафриканского чемпионата мира. То были мои первые недели в «королевском» клубе, когда, во время нашего пребывания в Лос-Анджелесе, он рассказал мне, что он старается добыть еще и Месута. Вот круто, подумал я, учитывая, как нелегко тогда мне приходилось в «Реале» в возрасте 23 лет и без знания языка. В лице Озила у меня появилась бы родственная душа, и тогда, вероятно, переживать это было бы легче.

Месут вышел тогда на связь и забросал меня вопросами, как там, в Мадриде. Он признался, что «Барселона» также явно проявляет интерес, так что он должен будет сделать выбор. Честно говоря, я и сам пока привыкал к масштабам клуба и его значению для болельщиков и СМИ. «Клуб по-настоящему огромный, – написал ему я. – Это значительный шаг». Но я также объяснил ему, что если Жозе Моуринью желает видеть кого-то в команде, то он окружит его «стопроцентной заботой». «Если Моуринью в тебе заинтересован, он тебя поддержит. С ним ты каждый день чувствуешь, что нужен».

Пару недель спустя Месут действительно был здесь. Мы собрались на нашей новой родине, чтобы обсудить, как оба сюда добрались. Во всех подробностях. От начала переговоров до проставления подписей. Месут как-то раз с улыбкой заметил: «Из-за Моуринью я давно взял курс на Мадрид. Но на мое решение перейти в «Реал» повлиял и ты. Как только до меня дошло известие о том, что ты уезжаешь в Мадрид, я окончательно решился. Потому что у меня сразу прибавилось уверенности».

С тех пор Месуту частенько приходилось выслушивать, что именно благодаря мне его карьера пошла в гору. А потом, во время первого матча, мы плечом к плечу оказались на скамейке запасных. Моуриньо не сделал ставку на нас в первом матче с

«Мальоркой». Этого мы никак не ожидали! Напротив, пребывали в глубочайшей уверенности, что будем причастны к этой поворотной игре.

Матч шел своим чередом, пока мы сидели в полном недоумении и шушукались: «Что же мы такое натворили? В команду перешли, а не играем». К счастью, наше недовольство длилось недолго. Моуринью задействовал нас обоих с самого начала второй игры чемпионата с «Осасуной». Отныне мы считались игроками основы.

В раздевалках все разговаривают друг с другом. Обменялись парой фраз, отпустили более или менее хорошую шутку, обсудили музыку и, конечно, сам матч. Таким образом никого нельзя узнать как следует. Но мы с Месутом часто виделись и в свободное время. Тот, кто видел его только на поле или читал с ним интервью, знает лишь Месута-игрока, а не Месута-личность.

Месут гораздо тоньше и разностороннее, чем кажется многим. Он очень добрый и отзывчивый. Право слово, такими качествами в футбольном бизнесе обладает далеко не каждый. В жизни он предпочитает уступать другим, потому что желает окружающим только хорошего.

Находятся критики, которые обвиняют его в отсутствии лидерских качеств. И он действительно не поднимает шум ни на поле, ни после матча. Но в то же время он проявляет заботу о товарищах по команде, как и о прибывающих новичках. Это характерный признак хорошего лидера.

Есть также и те, кто твердит, что он теряется в важнейшие моменты. Учитывая, что ни один футболист из раза в раз не способен демонстрировать наилучшие результаты, часто его «язык тела» трактуют неправильно. То, что он делает, кажется небрежным, не в последнюю очередь потому, что в силу природного таланта ему многое попросту дается без усилий. Я редко видел его ожесточенным, хотя, как я знал, в душе он рвал и метал. Без сомнения, бывало, что он сбавлял обороты и излучал далеко не позитивный настрой, когда что-то действительно шло не так, однако я вижу, что, поработав над собой, он абсолютно изменился.

В четвертьфинале чемпионата Европы во Франции получилась превосходная игра со сборной Италии. Не только потому, что он забил гол, но и потому, что он сражался как лев. И в полуфинале со сборной Франции он продолжал в том же духе. В связи с травмой я сидел в запасе и мог наблюдать его во всей красе. Его движения красноречиво свидетельствовали о его желании победить.

Через некоторое время круг замкнулся на Моуринью. Я был свидетелем, как Месут получал ту самую взбучку, серьезней которой у него еще не случалось. До таких ссор, как у Месута с тренером в перерыве между таймами в матче с «Депортиво», когда счет был 3:1, дело доходит очень редко.

Моуринью невероятно жестко набросился на него. Слова, которые он употреблял, вероятно, были в ходу в суровом мире большого футбола, но, скажем прямо, по крайней мере с ними было трудно свыкнуться. Моуринью не устраивало, если Месут играл на среднем уровне. Он хотел, чтобы Месут всегда выступал превосходно. Но у Моуринью есть манера провоцировать, которую он применяет, чтобы пощекотать кому-нибудь нервы. В случае с Месутом он растравил его рану. Я сидел поодаль и видел, как Месут вращает глазами и все лицо у него горит. Внезапно он срывает с себя щитки, скидывает бутсы и стягивает гетры. При том, что Моуринью ни словом не обмолвился, что хочет заменить его.

И вот Месут уже ругается сам, по сути, сам добиваясь своей замены. Я тогда подумал: «Ох, ну вот и все. Они больше никогда не заговорят друг с другом».

Но все обошлось. Месут задумался и стал размышлять о причинах произошедшего. И Моуринью не осудил его за такую реакцию, что меня лично очень удивило. Через пару дней все снова было в порядке.

Наш с Месутом первый «классико» закончился полным поражением с разгромным счетом 0:5. Мы еще долго обсуждали, что же тогда пошло не так, и знали, что не должны больше допустить такого позора. «Мы их сделаем, – пообещали мы себе. – Мы одолеем «Барселону». Мы отыграемся».

В том сезоне нам действительно удалось это воплотить. К 34-му туру мы лидировали в турнирной таблице, на четыре очка оторвавшись от «Барселоны», с которой нам теперь предстояло встретиться на стадионе «Камп Ноу». Одержи «Барселона» победу, и судьба всего чемпионата снова оказалась бы под вопросом.

Но мы этого не допустили. На семнадцатой минуте мне удалось вывести команду вперед, примерно через час игрок «Барселоны» Алексис Санчес сравнял счет. Затем, через несколько минут, мяч оказался у Месута. Он стоял на правой бровке в нескольких метрах от средней линии. Ди Мария отдал ему пас, после чего на полной скорости обошел трех противников и ожидал, что Месут возвратит ему мяч пасом на ход. 98 процентов футболистов поступили бы на его месте именно так. Но только не Месут! Он молниеносно разглядел рывок Криштиану Роналду за спину Хавьеру Маскерано. Заметить такое – удел немногих. И

последовавший за этим шестидесятиметровый пас на ход Роналду был произведением искусства!

Мы выиграли со счетом 2:1 и, обладая преимуществом в семь очков, сделали уверенный шаг к победе. «Вот мы и вошли в футбольную элиту, – провозгласили мы на вечеринке после окончания чемпионата и обозначили себе новую планку: – А теперь надо выиграть с «Реалом» Лигу чемпионов». К сожалению, проиграв три полуфинала, мы так и не достигли этой цели вместе.

Я бесконечно благодарен за то, что эти три года в составе «Реала» провел вместе с Месутом. У меня появился потрясающий друг, который блещет многочисленными талантами. Но есть ли среди них кулинарный талант? Большой вопрос! Однажды он пригласил меня на ужин. «Давай сегодня приготовим что-нибудь вместе и посмотрим какой-нибудь фильм», – предложил он. Я с интересом пробую блюда разных стран мира. А турецкие попадаются мне совсем нечасто, поэтому я с радостью предвкушал. Через час, когда я уже выезжал к Месуту, он позвонил и спросил, чего бы мне хотелось. И зачитал меню службы доставки. В моем представлении это нельзя было назвать готовкой. Впрочем, к чести его должен сказать, что «суджук», турецкая колбаса с чесноком, его приготовления – это что-то с чем-то.

В 2013 году я тяжело воспринял уход Месута из «Реала». Мне было известно о переговорах с «Арсеналом», равно как и о некоторых противоречиях с «Реалом», которые никогда не казались мне непреодолимыми. В переговорах естественно, что каждая сторона сначала определяется с собственными целями.

1 сентября по дороге на «Бернабеу» ко мне в автобусе подсел Месут, явно чем-то обеспокоенный. Он почти не разговаривал и никак не отреагировал на то, что наш новый тренер Карло Анчелотти не включил его в стартовый состав. На мой вопрос о том, что случилось, он сказал только: «Думаю, я перехожу в лондонский «Арсенал».

Известие просто шокировало меня. Вопреки всему, я не желал мириться с этим решением. Даже в тот момент мне казалось, что это не взаправду.

Месут действительно не провел ни секунды в матче с «Атлетик Бильбао». Это определенно не смягчило его. После игры он объявил мне в раздевалке: «Я ухожу. Пока шел матч, оба клуба достигли соглашения».

Бац! Кончено! Так от нас ушел не только отличный игрок, не только один из надежных товарищей по команде – ушел Месут, мой большой друг.

Мы с Месутом добились почти всего, о чем только можно мечтать, вплоть до победы в чемпионате мира в 2014 году, далее по списку – вместе выиграть Лигу чемпионов. Кто знает, доведется ли…

15. Прочь из золотой клетки
Оставайся собой

Первые недели в Англии я провел в первоклассном отеле. По виду он напоминал дворец, будто из какого-нибудь фильма по книге Розамунды Пилчер. Тот величественный загородный отель под названием «The Grove» располагался на юге страны.

Окна моего номера выходили на площадку для гольфа; таких аккуратно подстриженных газонов, как там, я еще не видал. Ни одного желтого пятнышка. Ни одного бугорка. Ни одной бороздки, как у нас на футбольном поле, которые оставляет защитник в подкате, вспахивая газон шипами.

Каково же было бы сыграть на этом поле, порой думал я, выглядывая из окна.

В Лондон я улетел в компании Барыша, который должен был помочь мне с устройством на новом месте. В Мадриде остался мой двоюродный брат Сердар – он упаковывал вещи для переезда и решал другие вопросы типа расторжения договора аренды.

Я же прилетел в Лондон налегке. Когда я бронировал билеты в Мюнхен, отправляясь в сборную, то исходил из того, что вернусь обратно в Мадрид. Я уже даже взял обратный билет. Но меньше чем за неделю моя жизнь круто изменилась. Другой язык. Другой город. Больше дождя. Меньше солнца. Левостороннее движение. Форма другого цвета. Другие болельщики, чье расположение мне еще только предстояло завоевать. Другой путь до тренировочной базы. Другой тренер. Другой стиль игры. Все, решительно все было другим.

Представьте, что одним прекрасным утром вы просыпаетесь и понимаете, что мир вокруг вас не такой, как прежде. Обычно к таким большим переменам как-то готовятся. Заранее ищут квартиру. Посещают языковые курсы. Пытаются – по крайней мере, мне кажется, что большинство людей сделали бы именно так, – приобщиться к культуре новой страны. Неделями собирают вещи и, таким образом, неспешно настраиваются на переезд. В моем случае не было ничего подобного. Я знал о Лондоне лишь то, что на бегу рассказал мне Лука Модрич. Это было похоже на то, как будто кто-то щелкнул пальцами и переместил меня из Мадрида в Лондон.

Не один раз у меня проносилось в голове: как там дела у моего соседа Серхио Рамоса? Что поделывает Роналду? Как поживают мои собачки, оставшиеся на попечении Сердара?

Сказать по правде, я не отличаюсь сентиментальностью. Но я

скучал по Мадриду, пусть даже предвкушая новые приключения. В конце концов, это было моим решением. Это я намекнул Венгеру, что сейчас подходящий момент для сотрудничества. Инициатива во всем, что сейчас меня окружало, исходила от меня.

> Я не мог вот так запросто распрощаться с этим замечательным этапом в жизни. Я очень полюбил Мадрид. И люблю его до сих пор.

И тем не менее «Реал» нельзя было сразу же забыть. Я не мог вот так запросто распрощаться с этим замечательным этапом в жизни. Я очень полюбил Мадрид. И люблю его до сих пор.

Оказавшись вне «Реала», ты понимаешь, в чем особенность этого клуба. Ты также быстро привыкаешь к определенным вещам. Проведя в «Реале» достаточно времени, ты уже воспринимаешь шумиху вокруг как нечто само собой разумеющееся. А вот когда ты уходишь из «Реала», требуется принять, что теперь все изменилось.

Прямо из отеля мы с Барышем подыскивали мне новое жилье. В четвертый раз за последние шесть лет. Удача улыбнулась мне в районе между двумя зелеными массивами – Hampstead Health и Highlight Wood. Мы нашли дом, к которому, по словам владельца, приглядывалась и супермодель Клаудиа Шиффер. Почему же он решил сдать его мне? Без понятия. Явно не за мои красивые глаза. Наверное, он болел за «Арсенал».

Когда я впервые пришел на тренировочную базу «Арсенала», то почти никого не застал. В тот день тренировки не было, поэтому клуб будто вымер. На месте оказался лишь Алекс Окслейд-Чемберлен. Когда я осматривал раздевалку, он подошел ко мне, излучая доброжелательность, тут же обнял и произнес: «Как же круто, что ты теперь у нас. Мы найдем тебе отличное применение. Очень рад».

Поначалу на новом месте я веду себя незаметно. Я сажусь в раздевалке и просто наблюдаю. В каждой действуют свои законы. В каждой предусмотрена своя иерархия. Игроки делятся на шумных и тихих. Есть те, кто без конца говорит, к чьим словам прислушиваются. А есть интроверты, которых почти не воспринимают всерьез. У кого-то в шкафчике бардак, другие до фанатизма аккуратны.

По большому счету, раздевалка мало чем отличается от класса. Где есть свои старосты, ботаники и юмористы; кто-то из учеников милый, а кто-то – гадкий. Есть те, кто отлично ладит друг с другом, и те, которые враждуют. Те, кто внимательно слушает и записывает все, что говорит учитель, и те, кто теряет

интерес и быстро отвлекается.

Новичку всегда предстоит разобраться, что за люди твои новые товарищи по команде. Нужно определить, с кем из них получится наладить самые тесные отношения. Чтобы составить впечатление, я и наблюдаю за командой так пристально в первые дни. Так я делал и в «Шальке», и в «Вердере», и, разумеется, в «Реале».

Но в «Арсенале» у меня не вышло отсидеться в уголке, не спеша изучая новое окружение. Ведь в моей новой команде был Лукаш Подольски. Он никому не дает покоя. Вместе с Пером Мертезакером он тут же меня растормошил и приложил все усилия, чтобы я в кратчайшие сроки был принят остальными игроками «Арсенала».

С Польди мы ходили на бокс. Кроме того, влиться в команду мне помогли вечера встреч. Их проводили регулярно каждые два месяца, организатором выступал совет команды, куда входил Пер. К примеру, однажды мы устроили карнавал. Каждый должен был тянуть бумажку и затем явиться в том образе, который достался. К счастью, мне попался Супермен. Польди нарядился Халком. Но были среди нас и такие, уж и не помню, кто именно, кому пришлось заявиться в костюме маленького итальянца-водопроводчика. То есть в комбинезоне, кепке и усах. Разумеется, на нашей «героической вечеринке» Супермарио появился в компании Луиджи. Они оба, впрочем, не совсем отвечали моим представлениям о героях.

В «Реале» редко устраивали подобные встречи. А даже если и устраивали, то в середине дня. В Бремене же, напротив, проводили встречи раз в месяц.

Даже Арсен Венгер помогал мне освоиться на берегах Темзы. Всей семьей они старались сделать так, чтобы я не скучал и получил хорошие впечатления от Лондона.

А когда я отправился на первую игру в составе новой команды, которая проходила в гостях у «Сандерленда», Венгер попросил свою тогдашнюю жену Энни позаботиться о моей семье и всех друзьях, чтобы они не остались в Лондоне предоставленными самим себе. И она взяла и пригласила всех к ним домой. Госпожа Венгер вместе с дочкой Леа готовили. И разумеется, по телевизору шел наш матч. Госпожа Венгер чрезвычайно эмоционально реагировала, наблюдая за ходом игры. Она сидела на полу и смотрела, как играет команда мужа. Когда на 11-й минуте я отдал пас на Оливье Жиру, обеспечивший нам преимущество в счете, она запрыгала с только что испеченным чизкейком в руке и пустилась в пляс по комнате. По

крайней мере, так мне рассказывали…

Перед тем матчем, который мы выиграли со счетом 3:1, я должен был пройти принятый в клубе обряд посвящения. К счастью, Пер Мертезакер предупредил меня об этом заранее, так что я смог к этому подготовиться.

В «Арсенале» заведено, что каждый новичок должен стать на стул и что-нибудь спеть в присутствии всей команды, стоящей вокруг него кружком. Вот только я не могу похвастаться красивым голосом. С этим ничего не смог поделать даже Ян Дилэй, пустив в ход все свои технические возможности в студии звукозаписи. В 2010 году этому немецкому рэперу, бывшему члену хип-хоп группы Absolute Beginner, пришла в голову идея: записать со мной песню. Ян Дилэй – заядлый фанат «Вердера»; он сочинил для нас рэп «Large», в котором я пел – если это только можно так назвать – примерно следующее: «Мой капитан сказал: эй ты, трус, в отличие от тебя я уже – чемпион Европы. Йоу». В одной из строчек мы и «Вердер» приплели: «От нас пахнет рыбой, ведь мы – вердеровцы». И я присочинил еще кое-то о своих планах, чуть не пропустив момент, когда должен был вступать: «Я молод, рожден в 80-е, и я выиграю кубок в Южной Африке».

Я получил огромное удовольствие от процесса и с удовольствием повторил бы опыт. Да, я совершенно не умею петь. Не попадаю ни в одну ноту, не чувствую ритм; в детстве меня не учили ни игре на музыкальных инструментах, ни нотной грамоте. Я абсолютно лишен слуха. Но я считаю, что Ян Дилэй очень крут, а его идея – забавная, поэтому без всякого стеснения решил поучаствовать, подтрунивая над самим собой.

Я думал, не исполнить ли мне эту мою песню накануне игры в Сандерленде. Но, помня о своем ужасном голосе, я сделал выбор в пользу текста, который все знают и которому стали бы подпевать так, чтобы мой голос растворился в нестройном хоре. И вот я взгромоздился на стул и затянул песню Таркана «Kiss Kiss». Сначала потихоньку, затем, когда товарищи по команде засвистели, все громче и громче, и меня было уже не остановить, когда я, вне себя от радости, проверещал: «Kaderim puskullu belam. Yakalarsam». И все подхватили: «Kiss. Kiss».

Тем самым я завоевал сердца коллег. Впрочем, мое выступление и рядом не стояло с тем, что устроил Петр Чех, который в 2015 году перешел в «Арсенал» из «Челси». Его очередь подошла в начале того сезона, пока мы пребывали в Сингапуре. И он сочинил просто шедевральный рэп, в котором прошелся по некоторым игрокам, посвятив им отдельные строчки. Только о тренере он не прочитал ничего, кроме: «А о тебе я лучше промолчу, иначе окажусь на скамейке запасных». Разумеется,

рифмовка была на английском и звучала складно.

Пока я пел, то следил за тем, чтобы никто из ребят не снимал это на видео. Рэп Чеха также остался без каких-либо «документальных подтверждений». А вот одна песня на видео все-таки попала. Та, которую посвятили мне фанаты из «Арсенала». Строчки, сложенные ими, звучали и на стадионе, и на станциях лондонского метро. Там пелось так: «We've got Ozil. Mesut Ozil. I just don't think you understand. He's Arsène Wenger's man. He's better than Zidane. We have got Mesut Ozil». Что в переводе значит: «С нами Озил, Месут Озил. Вижу, вы просто не догоняете. Он человек Арсена Венгера. Он лучше Зидана. С нами Месут Озил».

Когда я впервые это услышал, то едва поверил собственным ушам. Когда тысячи людей поют для тебя, чувствуешь неподдельное счастье. Мне нравились фанаты «Шальке». Я был без ума от болельщиков «Бремена». Поддержка мадридских ребят не раз вызывала у меня мурашки от восторга. Но гимна в мою честь не сочиняли еще нигде.

Когда я слышу эту песню, то кажется, что я стал выше своих 180 сантиметров. Будто даже перерос тех, чей рост за 190. Плечи будто бы стали шире. Сознание стало просветленнее. А желание одержать с «Арсеналом» новую победу – еще сильнее. Хотелось бы мне разок проехаться в вагоне метро с тысячами фанатов, распевающих эту песню, но так, чтобы остаться неузнанным.

Но это, увы, совершенно неосуществимо. Ведь я веду очень уединенную жизнь в Лондоне. Практически не выхожу из дома. Почему? Да потому, что это очень неприятно – показываться на публике, когда тебя повсюду узнают. А тут еще эти папарацци. Первое время в британской столице, когда я только-только перебрался в новый дом, они постоянно докучали мне своим присутствием. Дни и ночи напролет фотографы дежурили у моей входной двери, направив свои камеры с мощными фотоувеличителями. И если бы только это. Были случаи, которые потрясли меня до глубины души.

Лукаш Подольски посоветовал мне один турецкий ресторанчик под названием «Likya» в районе станции Гольдерс-Грин, где я как-то раз хотел поужинать, пригласив пару друзей и своего агента. Мне нужно было проветриться и развеяться после того, как я не забил «Баварии» пенальти, и наши шансы перед ответным матчем ⅛ финала Лиги чемпионов были ужасными.

Только я сел в машину и осторожно выехал за кованые ворота, как за нами увязались фотографы. Они преследовали нас по всему Лондону, буквально сели нам на хвост. Беспредел.

Через несколько километров я съехал на левую обочину, вышел из машины и обратился к преследователям со словами:

«Эй, парни, я тут еду по личным делам. Мы просто хотим поужинать. Проявите хоть каплю уважения к моей личной жизни».

Я попросил их об этом вполне спокойным тоном. Но это ни к чему не привело. Как только я поехал дальше, возобновилось и преследование. В итоге мы решили никуда не ехать и просто вернуться домой. Когда я уже подъезжал, то заметил, что в мое отсутствие на участке собралось еще больше фотографов.

«Месут, ты только поаккуратнее, – сказал Эркут. – А то ненароком заденешь кого-то из них». Так что я на черепашьей скорости полз к въезду, в то время как папарацци снаружи со всех сторон снимали мой автомобиль. Настоящая буря фотовспышек, от которой хочется убежать или уехать прочь. Внезапно послышался грохот. Какой-то фотограф со всего размаха налетел локтем на боковое зеркало, которое оглушительно упало на землю. Я думал, мои глаза меня обманывают. Фотограф испустил вопль и обратил ко всем перекошенное болью лицо. Он держался за локоть и так закатывал глаза, как будто вот-вот упадет в обморок. Через секунду он уже кричал: «Он на меня наехал. Этот чел хотел меня задавить!»

Остолбенев, я остался сидеть в машине. Я ничегошеньки не сделал. Моя машина направлялась к въезду со скоростью менее 5 км/ч. И никто не находился от нее в такой близости, чтобы оказаться задетым. «Ты это видел?» – спросил я Эркута, который был шокирован не меньше меня. «О да», – отозвался он. И добавил: «Не волнуйся. Мы просто не будем реагировать».

Это была самая подлая попытка провокации из всех, когда-либо предпринимавшихся в отношении меня. Даже хуже, чем выходка Давида Вильи, этого трусливого пса, в матче «Барса» – «Реал».

А этот цирк с папарацци все не кончался. Он вызвал «Скорую помощь»; машина подъехала к моему дому уже через несколько минут, где начали его осмотр. Наведались ко мне и полицейские. Они протестировали меня на алкоголь, разумеется, ничего не обнаружили и выслушали нашу версию событий.

Работники полиции сохраняли спокойствие и начинали сомневаться в той чепухе, которую им всем скопом наговорили папарацци.

«Вы также можете воспользоваться записями с камер наблюдения, которые везде развешаны по этой улице и перед каждым домом, – предложил Эркут. – И вы сами убедитесь, что Месут не делал ничего из того, о чем сказали эти господа».

Полицейские поверили нам на слово. Хотя было приятно сознавать, что при случае мы могли бы предъявить

доказательства того, что папарацци солгали.

Журналисты хотели раздразнить меня. Им требовались снимки, на которых я был бы запечатлен выпрыгивающим из машины и грозно надвигающимся на фотографов, которые потом получили бы от газет барыши. Когда этого добиться не удалось, они захотели выставить меня лихачом.

Я вынужден мириться с фотосессиями. Мне хорошо известно, что, сделавшись публичной персоной, ты перестаешь принадлежать себе. Но эти попытки манипулировать мной и выставлять в дурном свете определенно зашли уже слишком далеко.

Подобное происходило несколько лет назад, когда умерла моя бабушка. Ее не стало во время чемпионата мира – 2010. Тогда мне также пришлось испытать на себе бесцеремонное преследование.

Моя милая бабушка Мюнневер ушла из жизни в возрасте 73 лет, за считаные дни до матча ⅛ финала со сборной Англии. Отец планировал рассказать мне об этом лишь после чемпионата, чтобы лишний раз не волновать меня. Но братец считал, что со мной сразу же стоит поделиться печальной новостью. Приближались похороны, и у него имелись опасения, что об этом разнюхает какой-нибудь журналист и опубликует статью. «Ты только представь, что Месут прочитает об этом в новостях, а не узнает от нас», – сказал Мутлу. И отец согласился с ним.

Бабушка проводила по нескольку месяцев в Германии, если приезжала погостить. Она жила у нас в квартире. Она окружала нас, детей, любовью, теплом и нежностью. Бабушка всегда звонила мне после матчей и поздравляла с каждым забитым голом или голевым пасом.

И вдруг ее не стало. Мало того, что я не успел попрощаться с ней. Мало того, что я не смог присутствовать на похоронах в кругу семьи в мечети Узуналиоглу Махаллеси близ Хиширoглу. Меня еще и обступили фотографы, когда после чемпионата мира я приехал к ней на могилу, что определенно выходило за рамки приличий.

Я приехал, чтобы попрощаться с ней. В одиночестве переживать тоску и скорбь. В тот момент я был совсем другой Месут Озил, не футболист и не любимец публики. Я был человеком, потерявшим близкого человека. Которому хотелось погрузиться в воспоминания, что было весьма затруднительно, когда тишину нарушают стоящие позади фотографы с щелкающими камерами.

Думаю, многим трудно себе представить, что значит – постоянно быть в центре внимания. Конечно, это бывает очень

приятно. Но когда внимание к твоей персоне не ослабевает по 24 часа в сутки, это также начинает сильно напрягать.

Я доволен своей жизнью, своей удивительной жизнью, которую ведут далеко не все вокруг. Но я плачу свою цену за славу. Ведь, если разобраться, я живу в золотой клетке.

Жозе Моуринью как-то раз сказал: «Всем, что у меня есть, я обязан футболу. Всего, что лишился, я лишился из-за него же». Очень меткое высказывание. Благодаря футболу я смог обеспечить достойную жизнь себе, а также своим родителям и другим родственникам, избавив их от финансовых обязательств и страха остаться в нищете. Футбол означал для нас пропуск в новый мир, куда бы при обычных условиях мы ни за что бы не пробились.

Став футболистом, я сделался богат. Но в то же время я чертовски беден. В плане жизненного опыта. Моя личная жизнь может протекать лишь в стенах квартиры, где я живу. Я не могу вот так запросто побродить по магазинам или погулять с друзьями. Я не могу пойти полазить по альпинистской стенке или отправиться в кино. Даже если замаскируешься, в большинстве случаев тебя раскусят. И тотчас же начнут наблюдать, сколько я съел попкорна, пью ли я колу или обычную воду. Каждое мое движение будет заснято на чей-нибудь телефон и разлетится по всему миру. Меня сразу же начнут осаждать просьбами о сотне селфи.

Ко всему этому в целом я отношусь спокойно. Ведь это тоже часть моей работы, которая приносит мне столько удовольствия. Но только не в те редкие моменты, когда я хочу заняться личными делами. Иногда людям сложно понять, почему я отказываю в селфи, пусть даже такое бывает нечасто. Она думают: и чего же он становится в позу из-за одной-единственной фотографии. Им невдомек, что до этого я уже позволил сделать сорок, а то и пятьдесят фото. И то, что мне надо идти, что у меня может быть встреча или мне просто нехорошо, как-то не приходит им в голову.

Мне бы так хотелось получше узнать Лондон. Мне бы хотелось прокатиться на Лондонском глазу, этом гигантском колесе обозрения на берегу Темзы. Разок проехаться на даблдекере[19]. Я бы с удовольствием побыл обыкновенным человеком, туристом, незнакомцем, чтобы иметь возможность насладиться этими простыми радостями, которые каждый день случаются в жизни других людей.

Каждый мой день похож на предыдущий. Я либо на тренировке, либо на игре. Потом я возвращаюсь домой, где зависаю там с парнями. Я толком не знаю Лондона. Должно быть,

это действительно потрясающий город, где столько достопримечательностей. Однако я почти не покидаю свою золотую клетку, ведь это оборачивается таким стрессом; вместо этого я постоянно играю в прятки.

> Каждый мой день похож на предыдущий. Я либо на тренировке, либо на игре. Потом я возвращаюсь домой, где зависаю там с парнями.

Поэтому-то я с радостью предвкушаю время, которое наступит после завершения футбольной карьеры. Когда у меня поубавится популярности, а журналисты и болельщики будут гоняться за другими игроками, я смогу наверстать многое из того, что упускаю сейчас.

Я познаю мир преимущественно благодаря телевизору. Часами смотрю документалки по BBC. Исторические сюжеты наряду с программами о высочайших небоскребах мира. Но больше всего я люблю передачи о животных. В особенности меня привлекают львы.

На какое-то время после чемпионата Европы – 2012 я залег на дно. Меня не на шутку вывело из себя поражение 1:2 от Италии в полуфинале.

Два года назад в Южной Африке я еще как-то это пережил. Да, чувствовалось разочарование. Но наша команда была настолько молода и несыгранна, что уже выход в полуфинал надо было считать большим успехом. Тогда поражение было неизбежным. И несмотря на то, что мы провалились в шаге от цели, я не утратил способность радоваться.

А вот с вылетом от Италии все было далеко не так просто. Я видеть не мог их синие футболки. Я злился при упоминании Марио Балотелли. Я на дух больше не переносил этого парня, хотя он не делал мне ничего плохого. Но его имя напоминало мне об этом горьком поражении, которого в этом случае уже никак нельзя было допустить.

Я был страшно недоволен собой. Недоволен своим выступлением. Меня угнетали разговоры, которые вели болельщики в Германии, в одночасье ополчившись на нас. У сборной Германии «генетическая предрасположенность к поражениям», писали тогда. А Йоахим Лёв, по их словам, «подрастерял свои магические силы». На пресс-конференции, последовавшей за проигранным нами матчем, его спросили напрямую, собирается ли он оставить пост главного тренера.

Повторюсь: наше выступление в полуфинале заслуживает критики. Это факт. Мы были не на высоте. Однако среди остальных полуфиналистов мы были самой молодой командой;

неудивительно, что наши успехи были не настолько блестящими, как хотелось бы. Тем не менее до полуфинала мы дошли – и у нас было несколько хороших моментов. У Матса Хуммельса в самом начале матча был отличный момент, но Андреа Пирло вынес мяч с самой «ленточки». Чуть погодя Джанлуиджи Буффон отразил отличный дальний удар Тони Крооса.

В общем, были все основания считать «маловерятной» нашу победу на чемпионате мира в 2014 году.

Но вот утверждать, что в полуфинале чемпионата Европы – 2012 играли «трусы с настоящими мужчинами», как это делали в бульварных газетах, было наглостью и абсолютно не соответствовало реальному положению дел. «При первых же звуках гимна 27,98 миллиона немецких телезрителей было ясно: сегодня мы проиграем», – писали в «Бильд». И развивали мысль дальше: «Итальянцы же распевали свой гимн в полный голос и с душой. В том числе и Марио Балотелли, сын переселенцев из Ганы. Вратарь Буффон даже закрыл глаза во время пения. С таким настроем итальянцы и вышли на поле». В конце статьи в «Бильд» был сделан следующий вывод: «Покажи, как ты поешь. И я скажу, как ты играешь…»

Если бы эта логика была верна, то 8 июля 2014 года в полуфинале чемпионата мира в Белу-Оризонти мы должны были бы потерпеть самое сокрушительное поражение в своей жизни.

Мне никогда не забыть выражение лица, которое было у капитана сборной Бразилии Давида Луиса, когда он стоял перед игрой в туннеле, ведущем на поле. На его правом плече покоилась рука вратаря бразильцев Жулио Сезара. На плече у каждого игрока сборной лежала рука того, кто стоял позади. Так они и вышли на стадион «Губернатор Магальянс Пинту». Одиннадцать футболистов, идущие след в след, как жемчужинки, нанизанные на нить. Неразрывно связанные. Поэтому-то на поле бразильцам пришлось выходить мелкими частыми шагами, чтобы не врезаться во впередистоящих.

Мы же идем как обычно. Каждый сам по себе. Впереди Филипп Лам, за ним Мануэль Нойер, а дальше Матс Хуммельс, Томас Мюллер, Тони Кроос, Бенедикт Хёведес, Мирослав Клозе, Сами Хедира, Жером Боатенг и я с Бастианом Швайнтайгером.

Мы не держимся друг за друга. Не выстраиваемся в живую цепь. Как, интересно, это бы расценили, если бы мы проиграли? Стали бы говорить, что командный дух немецкой сборной гораздо слабее, чем у бразильской? Начали бы строить предположения, что у бразильцев в сборной – одиннадцать друзей, где один за всех, а все за одного, а мы, немцы, думаем только о себе, раз уже на выходе это настолько бросается в глаза?

При звуках нашего гимна я по обыкновению сделал то же, что и всегда перед игрой. Я не пою вместе с остальными. Так же, как Жером Боатенг и Сами Хедира.

Бразильцы же поют, все до одного. Хотя «поют» – это слишком сильно сказано. При взгляде на Луиса Густаво, который с силой выкрикивает слова национального гимна Бразилии, становится не по себе. Кажется, он стремится к тому, чтобы его голос был слышен во всех уголках страны безо всяких микрофонов. Давид Луис и Жулио Сезар ревут на весь стадион. Так мощно! Так уверенно! С таким напором! В таком упоении! Любой игрок бразильской сборной поет громче, напористее и вдохновеннее, чем все мы, вместе взятые.

Если в футболе и вправду действовала бы такая закономерность: «Покажи, как ты поешь, и я скажу, как ты играешь…», то сборная Бразилии оставила бы от нас в том матче только рожки да ножки. Тогда они должны были бы победить нас со счетом 7:1. А не наоборот.

После того разгромного матча со сборной Италии ко мне подошел Пирло, автор звездного паса, который позволил Балотелли забить первый гол, и приобнял меня: «Ты классный футболист, – шепнул он мне. – Вы просто отпадно играли на ЧЕ. Ты еще завоюешь свой титул».

Это было сказано так, как если отец обратился бы к своему сыну, чтобы не дать тому раскиснуть в трудную минуту. Породственному. Кротко. Уважительно. То был вовсе не милый вздор, не работа на камеру. Это было сделано не ради того, чтобы слегка приободрить, а затем умчаться праздновать. Пирло было действительно жаль видеть меня таким измученным и печальным. Он знал не понаслышке, каково приходится профессиональному спортсмену после того, как он пережил такую неудачу. Это был невероятный жест, который я отметил для себя. А через два года у меня возникло желание самому совершить нечто подобное.

После того как мы разделались с бразильцами у них на родине в рамках чемпионата мира, одержав победу со счетом 7:1, я заметил, как ведет себя Давид Луис. Он не находил себе места и бесцельно кружил по полю стадиона «Губернатор Магальянс Пинту». Поэтому я остановил его, привлек к себе, прижав его голову к своей груди, и прошептал пару утешительных слов. Я даже извинился за то, что разрыв в счете такой большой.

И хотя слова Пирло в тот тяжелый момент в 2012 году принесли мне утешение, все же требовалось время, чтобы свыкнуться с поражением. Поэтому я заказал туристическую поездку, чтобы уехать подальше от цивилизации. Оказаться без

мобильной связи вне всякой зоны доступа. Вырваться из рутины. Пожить без футбола. Сбежать из золотой клетки. Отправиться в самую глубь Африки. В реальность, где голы и передачи не имеют решающего значения. В реальность, где я перестал бы обращать на себя внимание, а вместо этого любовался бы флорой и фауной.

Оказавшись в Африке, на лоне дикой природы, я сумел выкинуть из головы синие футболки. И снова заулыбался. А главное – я снова мог ходить, куда хочу, не испытывая к себе повышенного внимания. Я не должен был ни перед кем отчитываться, почему я не подоспел на подмогу в момент передачи Пирло на Джорджо Кьеллини. Сделать совместное фото или попросить автограф не пытались ни австралийка с дочерью, которой организовали эту поездку в честь окончания школы, ни супруги, выезжающие на сафари каждое лето вот уже десять лет.

Они и не подозревали, что буквально пару дней назад я гонял мяч на глазах у миллионной публики. Для них же я был пареньком, который в самом начале сафари самым глупым образом не смог придерживаться простейших правил. Наш гид строго-настрого запретил расхаживать по округе с едой в рюкзаке. Но я не придал этому особого значения, когда в первый день решил осмотреться, прогулявшись по территории, прилегающей к нашей вилле. Надо бы прихватить пару-тройку бананов на случай, если проголодаюсь, подумал я. Типичный перекус спортсмена. Но едва я вышел из дома, как меня заприметила целая стая павианов. По меньшей мере двадцать обезьян, некоторые из них были по 80 сантиметров ростом, ходили за мной по пятам и хотели выхватить у меня рюкзак. Одна даже запрыгнула на меня и попыталась распотрошить его. Я еле сумел стряхнуть с себя павиана и насилу убежал обратно в комнату. И когда обезьяны расселись по крыше виллы, ожидая, когда я выйду снова, мне пришлось звонить рейджеру и рассказывать, что я натворил.

За этим немного погодя последовала вторая встреча с диким животным. Однажды передо мной оказалась чернопятая антилопа импала, которая не сводила с меня своих глубоких черных глаз. Удивительный зверь. В нем столько красоты и изящества. Такую мягкую шерсть, как у него, хотелось потрогать, а потом долго ласкать. Но в то же время у антилопы были и винтовые рога, около 90 сантиметров в длину, как я навскидку прикинул тогда; они представляли определенную угрозу. Один удар – и встреча закончилась бы тяжелой травмой. Поэтому я стоял как вкопанный. Антилопа также не делала никаких движений, и казалось, мы простояли так целую вечность, пока ей это не наскучило и она одним прыжком не ускакала в кусты.

На третий день я увидел львов, всего в двух метрах от себя. Они просто прилегли в саванне. Под деревом. Тихо-мирно. Вокруг – ни забора, ни рва. Ах, эти 200-килограммовые гиганты. Ужасно, что такие величественные звери, чьи охотничьи угодья в дикой среде простираются на сотни квадратных километров, теснятся в зоопарках в крошечных вольерах.

И пусть те львы не делали ничего особенного, разве что изредка вертели головой, закрывали и открывали глаза и иногда сладко зевали, я не мог отвести от них взгляд. Я мог бы целый день простоять там, наблюдая за ними.

Я без ума от львов и думаю, что мы во многом схожи. Как и они, я гордый, ничего не боюсь и всегда готов встать на защиту своих близких. Именно в связи с этим сходством я решил сделать татуировку со львом. Причем мне потребовалось несколько подходов, прежде чем я, наконец, решился. Не один раз мы с двоюродным братом, которого я тоже подбил на татуировку, отправлялись в салон. Несколько раз мы даже заходили внутрь и обсуждали, каким должен быть рисунок. Но мне все не хватало решимости.

Лишь после тяжелой травмы, последовавшей в октябре 2014 года, когда разрыв связок коленного сустава вывел меня из строя на три месяца, я решился на татуировку.

Я пребывал в клинике «EDEN REHA» в баварском городе Донауштауф. Мне было нечем себя занять и очень хотелось на улицу. Так что я принялся за поиски тату-салона. 1 апреля в кресло татуировщика первым уселся Сердар. Когда я увидел, какой болью исказилось его лицо, то чуть было не наложил в штаны. «Думаю, я похожу и без татуировки, – сказал я ему уже после того, как мастер закончил работу. И закричал: – Первое апреля – никому не верю!»

Это была шутка. В тот день я никуда больше не сбежал. За один сеанс мне накололи огромную татуировку. Пытка длилась восемь часов. Уже после первого прикосновения тату-машинки у меня из глаз выступили слезы. Через час мне хотелось оказаться как можно дальше от этого кресла, настолько сильная была боль, когда острая игла снова и снова впивается в открытую рану. Через четыре часа кожа потеряла чувствительность и боли больше не было.

Я остался доволен своим львом и моим девизом по жизни: Only God can judge me (Лишь Господь мне судья), который я сформулировал как раз во время путешествия по африканским степям.

Та поездка в Африку является одной из моих немногочисленных попыток бегства из золотой клетки.

Воспоминания о красотах, увиденных мной тогда, еще долго наполняли меня.

В 2012 году в Африке я открыл для себя новый мир. Год спустя в Лондоне произошло то же самое, во всяком случае, в плане футбола.

Стиль руководства Арсена Венгера отличался от того, что применял Моуринью в Мадриде. В «Арсенале» действовали строгие правила. Например, Венгер требовал, чтобы мы снимали обувь, переступая порог раздевалки на тренировочной базе. Этот ритуал Венгер перенял в Японии, где он тренировал команду «Нагоя Грампус». Так что у нас был настолько чистый пол, что с него можно было есть.

Лондонский «Арсенал» немного напоминал школу. К примеру, Венгер был категорически против мобильных телефонов в массажном кабинете. На это был наложен полный запрет. Кроме того, он настаивал на том, чтобы мы выходили на поле в одинаковом виде, как будто это была школьная форма. Перед каждой игрой он решал, выступать ли нам в форме с длинными или короткими рукавами. Он не допускал, когда у одного рукава длинные, а у другого – короткие. Когда на улице было прохладно, то я был бы не прочь поддеть под футболку рубашку с длинным рукавом. Но нам этого не позволяли. Не говоря уже о подштанниках, которые с завидной регулярностью надевает Арьен Роббен мюнхенскими зимами.

И вообще, при всех своих положительных сторонах характера Венгер был очень строгим человеком. Как-то раз у меня сбежали оба мопса, Бальбоа и Капон. Каким-то образом они пробрались на улицу через дырку в заборе. Конечно же, я очень испугался за них. Но мои поиски ни к чему не привели. Они просто испарились. И не где-нибудь, а в Лондоне, в мегаполисе с оживленным уличным движением. Мои друзья обежали весь квартал. Они просили у хозяев близлежащих домой разрешения поискать в их садах – и все звали, звали собак по имени. Но они как сквозь землю провалились. В тот день Венгер назначил тренировку на утро. И я не мог просто так позвонить и сказать, что сегодня из-за чрезвычайных обстоятельств мне нужно остаться дома, чтобы продолжить поиски собак. Это прозвучало бы как слабая отговорка. Как если бы я не смог играть, будучи с похмелья, потому что накануне вечером напился. Так что, несмотря на тревогу за собак, я поплелся на тренировку.

Вообще-то нам следует быть на месте уже за полчаса до начала. К счастью, меня выручили товарищи по команде, не сказав Венгеру, что я объявился на базе лишь пять минут назад. «Тренер, мои мопсы сбежали. Позвольте мне поискать их», –

попросил я с тревогой в голове, чтобы он убедился, что я не искал предлог, чтобы увильнуть от тренировки, а был бодр и готов к работе. Но Венгер не разделил моей тревоги. «Придут твои мопсы домой», – сказал он невозмутимо и твердо, после чего отослал меня на поле. Я не мог взять в толк, почему он был так жесток. Ведь речь шла о собаках, считай, о членах семьи, которые пропали. И страшно было представить, что их задавили и они уже лежат в какой-нибудь канаве с отбитыми внутренностями, из-за чего потом и издыхают.

Ничего не удалось. Венгера было не переубедить. Я мог продолжить поиски лишь после тренировки. Тем временем мои друзья увешали весь квартал плакатами. И уже под вечер нам позвонили из местного зоомагазина, где, к счастью, подобрали обоих беглецов…

В спортивном же отношении первые месяцы принесли удивительные плоды. До этого «Арсенал» проиграл «Астон Вилле» в матче первого тура. Последующие матчи с «Фулхэмом» и «Тоттенхэмом» закончились победами. Я присоединился к команде с того самого матча с «Сандерлендом». Всего через 614 секунд в футболке лондонского клуба с цифрой «11» на спине мне удалась передача Оливье Жиру, в результате которой был забит решающий гол. Из всех моих пасов 90 процентов были удачными. Венгер был доволен результатом и публично похвалил меня, назвав мой дебют «великолепным». Одержав победу в матче со «Сток Сити», мы забрались на верхнюю строчку турнирной таблицы, откуда, правда, свалились, сыграв 1:1 с «Эвертоном» и проиграв в седьмом туре «Манчестер Сити» со счетом 3:6. Впрочем, мы тут же отвоевали лидерство и по результатам еще четырех игр оставались первыми.

До сих пор дела шли весьма неплохо. В Премьер-лиге я сделал девять голевых передач и забил четыре гола. Но постепенно я стал замечать, как мое тело начинает давать сбой. Ничего удивительного, ведь я пропустил всю подготовку из-за того, что перешел в «Арсенал» в самый последний момент. К тому же у меня впервые в жизни не получилось перерыва зимой. В прошлом мне всегда удавалось освобождать немного времени перед Новым годом, чтобы дать организму отдохнуть. А в Англии я был занят как 23-го, так и 26 декабря.

В начале февраля мы отправились в Ливерпуль. Набрав 55 очков, мы снова возглавили таблицу, с небольшим отрывом за нами следовали «Манчестер Сити» и «Челси». На очереди была встреча с «красными»[20], у которых было 47 очков. Через 53 секунды после начала матча игрок «Ливерпуля» Мартин Шкртел забивает. На десятой минуте он же увеличил разрыв – 2:0. Еще

через двадцать минут счет был уже 0:4. Мы были сильно сконфужены и не понимали, как это произошло. Ливерпульцы делали с нами что хотели. Противопоставить им мы не смогли ничего. И признаться, я сам имел бледный вид.

После провальной игры на меня обрушился целый шквал критики в СМИ. Они считали недопустимым, что иногда у меня случаются неудачные дни, отчасти из-за суммы, выплаченной «Арсеналом» за мой трансфер. Они думали, что я всегда буду на высоте, а когда однажды этого не случилось, это дало повод, к примеру, газете «Индепендент» написать, что я продемонстрировал «жалкую и невыразительную» игру. К тому же авторы статьи высказались так: «Он один из лучших игроков на свете при счете 2:0. Но ему не место в команде, если этот результат не в их пользу». Венгер встал на мою защиту и отреагировал на замечания так: «Месут достаточно давно профессионально играет в футбол, чтобы знать, что его пребывание в команде поставят под вопрос, если он будет показывать недостаточно хорошие результаты». Венгер подчеркнул, что не следует давить на меня из-за моего ценника. «Я просто хочу, чтобы он получал удовольствие от игры и хорошо выступал. Наедине с мячом он чувствует себя счастливым. Вот что имеет значение, вот в чем залог его успеха». Свой комментарий Венгер подкрепил словами, что я «необыкновенный футболист».

Пер Мертезакер также предпринял попытку на корню пресечь критику, направленную в мой адрес: «У нас в игре все так изменчиво, причем меняется все со стремительной скоростью. Каждый стремится чем-то уколоть Месута и доказать, что здешняя лига совсем не такая, как в Испании, где играют с изяществом. Поэтому мне заранее было ясно, что ему придется пережить и спады».

Мне было отрадно слышать такие слова поддержки. Но они мало что изменили. Внезапно на меня полилась еще одна волна критики. Стоило одному начать, как это подхватывали другие. Прямо-таки цепная реакция.

В своей колонке для журнала «Шпорт Бильд», озаглавленной «Озил не приведет нас к победе в ЧМ», Йохен Кёнен писал: «Можете ли вы припомнить хоть один по-настоящему грандиозный матч с участием Месута Озила? В котором он ярко проявил бы себя? Не можете? Ничего удивительного. Таких пока не было». Затем Кёнен перечисляет выступления, во время которых, по его мнению, я подвел либо «Арсенал», либо сборную Германии и потерпел полное фиаско. «Бесспорно, у него часто случаются длительные контакты с мячом, – развивал он мысль. –

Но это пустая трата времени, если это не приводит ни к чему значительному. Горько признавать, но с Озилом Германии не завоевать титул чемпионов мира в 2014 году. Ведь когда дойдет до дела, он снова спрячется за чужими спинами».

И разумеется, мне припомнили и «язык тела». Который был бы «благодатным объектом для изучения специалистов всех мастей, – писали авторы газеты «Süddeutsche Zeitung». – Бывает, если мяч летит ему не прямо в ноги, Озил смахивает на паренька, который немного растерянно замирает, глядя на больших ребят, которые не приняли его в игру».

После разгрома 1:5 последовала нулевая ничья с «Манчестер Юнайтед». В Кубке Англии мы взяли реванш над «Ливерпулем» и вышли в четвертьфинал. Но затем я неудачно пробил пенальти в матче ⅛ финала Лиги чемпионов с мюнхенской «Баварией», который после двух голов от Тони Крооса и Томаса Мюллера окончился для нас поражением; после 1:1 в ответном матче «Бавария» прошла в следующий этап. В глазах газеты «Дейли мейл» я стал немцем, который стоит 42,5 миллиона фунтов стерлингов и не умеет как следует бить одиннадцатиметровый.

В начале марта большое внимание мне уделил журнал «Кикер». Не учитывая, что за время отборочных матчей чемпионата мира в Бразилии я забил 8 голов, они подняли вопрос: достоин ли я принимать участие в престижных турнирах? Приглашенные эксперты, к счастью, были по большей части единодушны. К примеру, Андреас Мёллер был решительно не согласен с критикой. Он был убежден, что наша команда в состоянии показать класс на предстоящем чемпионате мира и у меня есть полное право носить в сборной номер 10. Гюнтер Нетцер и Вольфганг Оверат также одобрительно отозвались обо мне. Нетцер признал мои таланты и отметил, что я нужен в команде, пусть даже я не лидер. Вольфганг Оверат, в свою очередь, совершенно четко выразился: «Месут Озил способен определять ход игры и задавать темп, он мастерски владеет техникой скрытых передач, глядя влево, он отдает направо, и это делает его чрезвычайно опасным противником. Но бывает, что и ему недостает уверенности. У техничных игроков от этого зависит очень многое». И только Уве Байн, по итогам моего выступления заявивший, что я не создан «для участия в важных турнирах», стоял на своем, что, разумеется, было его правом.

Я наблюдал за этими дебатами со стороны и воздерживался от каких-либо комментариев. Я знал, что однажды все докажу не словами, а делами – на футбольном поле.

Вот только с середины марта я снова вынужден был пропустить четыре недели из-за проблем с бедром; команда

лишилась моей поддержки, пытаясь переломить ситуацию в английском чемпионате в свою пользу.

В то время «Арсенал» потерпел поражение в матче с «Челси» со счетом 0:6. Эта игра стала сотой для Арсена Венгера на посту тренера. И проиграл он ее не кому-нибудь, а Жозе Моуринью. «Мне стыдно за Моуринью», – сказал он в присутствии журналистов. Незадолго до этого тот назвал его «специалистом по неудачам». А о мартовской игре Моуринью высказался так: «Мы настолько здорово провели первые десять минут матча, что убили интригу в самом его начале».

Мы опустились на четвертое место и приложили все силы, чтобы на нем остаться. В конце наш результат был ненамного хуже, чем у чемпионов из «Манчестер Сити», а также «Ливерпуля» и, соответственно, у «Челси». До первого места нам не хватило семи очков. Ужасно обидно. Долгое время мне казалось, что я обязательно должен стать чемпионом Англии по итогам первого же своего сезона. Как я мог об этом не мечтать; тот, кто однажды становится чемпионом страны, хочет стать им снова.

Но у нас еще был шанс достойно завершить сезон, который так хорошо начинался, пока что-то не пошло наперекосяк.

Но в финале Кубка Англии в четвертьфинале с «Эвертоном» мне улыбнулась удача. Это был один из дней, меняющих восприятие, как я это называю. Когда играешь с ощущением, что мяч тебе полностью покорен. Когда ты в разы быстрее и решительнее противника. Когда ты уверен в себе и все задуманное осуществляется. Когда время работает на тебя, а не против.

> Время всегда течет с одинаковой скоростью. По всему свету. Сутки за сутками. Но только не на футбольном поле!

А со временем вообще отдельная история. То оно, что называется, летит. То, по крайней мере так утверждают, оно останавливается. По большому счету это, конечно, бред. Время всегда течет с одинаковой скоростью. По всему свету. Сутки за сутками. Но только не на футбольном поле! По крайней мере, мое восприятие времени порой подвержено сильным искажениям.

Иногда время растягивается, иногда вдруг сильно сжимается. Иногда мне верится с трудом, что 90 минут уже позади. А бывают матчи, когда нестерпимо хочется поскорее услышать финальный свисток, а минуты все тянутся и тянутся. И это лишь одно из многих искажений, которые случаются у футболистов.

По-разному воспринимаются и размеры. В удачные дни, когда я, например, готовлюсь подать мяч со штрафной площади,

вратарь соперников, выстраивающий перед ним «стенку», кажется мне крошечным, слишком маленьким, чтобы коснуться моего мяча. Я настолько уверен в своих силах, что вижу это так, как если бы игрушечный человечек из «Лего» стоял между металлическими столбами ворот 7,32 метра в длину и 2,44 метра в высоту.

Впрочем, бывает и наоборот, к счастью, ощутимо реже. А именно – ворота вдруг уменьшаются, так что я перестаю видеть, куда мог бы пробить. Вратарь же представляется мне монстром, который своими руками-щупальцами останавливает мяч, посланный мной, еще в воздухе. Не делая даже прыжка в эту сторону.

Иногда на меня со всех ног мчатся сразу четыре игрока противоположной команды. Но я могу предугадать их действия, когда они попытаются отобрать у меня мяч, и легко уворачиваюсь от них – так, как будто они продолжали бы двигаться с нормальной скоростью, а я отреагировал бы на их атаку в режиме замедленного времени. Слегка похоже на то, как делал Киану Ривз в фильме «Матрица», когда он уворачивался от пуль.

Другими словами, когда ты в себе уверен, то ты и в метре от противника сумеешь обработать мяч. И решаешься на дриблинг, тем самым начиная новую фазу игры. В той же самой ситуации ты растеряешься, если не будешь чувствовать достаточной уверенности.

Знаю, это звучит абсурдно, но я уверен, что многим спортсменам знакомо это чувство. Если мне не изменяет память, однажды подобное описал легендарный теннисист Роджер Федерер, которым, кстати, я безмерно восхищаюсь. Когда он чувствовал себя в форме, писал Федерер, то теннисный мячик как бы увеличивался в размерах и медленнее отскакивал от ракетки. В таких случаях он направлял его с прицельной точностью на заднюю линию, куда сопернику уже не успеть.

Именно в такой волшебный день состоялся четвертьфинал Кубка Англии с «Эвертоном». Мне казалось, что у меня в руках волшебная пыль, с помощью которой все в игре происходит по моему хотению. Я отлично себя чувствовал и был уверен в своих действиях. На седьмой минуте я забил, и мы повели. В концовке я отличился еще раз, отдав пас на Жиру; после его удара счет стал 4:1. Меня признали лучшим игроком матча, и после выхода в полуфинал к нам потеплело отношение и в СМИ. Внезапно тучи вокруг нас перестали сгущаться, что признала и «Дейли телеграф»: «Игрокам «Арсенала» удалось спасти сезон. Эта победа была далеко не рядовой победой. Мы наблюдали возвращение надежды».

Итак, мы разгромили «Тоттенхэм», «Ковентри Сити», «Ливерпуль» и «Эвертон». В полуфинале поражение от нас потерпел «Уиган Атлетик», так что мы вышли в финал, где нам предстояла встреча с «Халл Сити».

Прошло всего несколько минут этого решающего матча, а мы уже пропустили два мяча. Мы снова проспали все начало, но на этот раз отыгрались – 2:2 в основное время. На 109-й минуте Аарон Рэмси забил наш третий гол, на чем все и кончилось.

Девять лет до моего прихода «Арсенал» оставался без каких-либо титулов. А сейчас мы завоевали старейший титул на свете, первый розыгрыш которого состоялся в сезоне 1871/72.

После финального свистка я пробежал перед самыми телекамерами, выкрикивая «да, канониры, да». Просто потому, что в тот момент меня переполняли эмоции и мне необходимо было как-то выплеснуть радость. Кое-кто из болельщиков посчитал забавным, что я вошел в такой раж и ревел прямо в камеру. Да еще и по-немецки. Но это меня не смутило. Напротив, я и дальше повторял этот клич, когда нам что-то снова удавалось, и даже использовал его в качестве хэштега к собственным записям на фейсбуке и в твиттере. #YaGunnersYa стал бешено популярным. За месяц фанаты использовали его в постах, касавшихся «Арсенала», более 50 тысяч раз.

Мне нравится наблюдать подобный отклик у фанатов. Каждая запись – это частичка меня самого, сознательно выставленная на всеобщее обозрение, чтобы поделиться ею с поклонниками. Особенно мне нравится лаконичность, которая требуется в твиттере. Максимум 140 знаков. Без приукрашиваний. Без пышных словес. Сжато до простого сообщения. Ни одна соцсеть не нравится мне так, как твиттер.

Перед тем как публиковать очередную новость, я советуюсь с Хубертом Рашкой, который отвечает у меня за связи с общественностью. У нас есть группа в WhatsApp, где мы планируем, каким будет твит. То Хуберт что-нибудь предложит, то я. Мы работаем как режиссерский дуэт.

Благодаря соцсетям у меня есть целый набор всяческих возможностей общения с фанатами. Как-то раз, к примеру, Хуберт наткнулся на одно видео на YouTube с речью на свадьбе. Жених говорил так: «Есть человек, которого отлично знают все в этом зале. Я хочу, чтобы этот человек знал, что я преклоняюсь перед ним. Знаю, трудно найти того, кто вызвал бы такие сильные чувства. Я и представить себе такое не мог. Так поднимем же бокалы в честь…» – а потом, к превеликому удивлению всех присутствующих, звучит мое имя.

Видео показалось мне таким трогательным, забавным и искренним, что мы с Хубертом решили поблагодарить этого человека, выразившего такое восхищение. Мы написали в твиттере: «Как мило. Я хочу поздравить вас лично, когда вернетесь из свадебного путешествия, поэтому приглашаю на матч «Арсенала». Разумеется, они приняли это приглашение.

Итак, в 2014 году «Арсенал» наконец выиграл первый за долгое время титул. При этом кубки удаются мне явно лучше. Так было с «Вердером», с «Реалом» и вот теперь с «Арсеналом». Кстати, целых два года подряд. После того как в 2015 году мы разгромили «Астон Виллу» со счетом 4:0, в газете «Сан» написали: «Перед Месутом Озилом нам в этот раз следует снять шляпу. За последние два года мы подвергали его жесткой критике. А теперь, в финале, состоялось одно из лучших его выступлений».

Вопреки некоторым мнениям, на моем счету есть победы в престижных турнирах. У меня были решающие матчи. Когда либо пан, либо пропал. И пустым местом на поле я в таких играх отнюдь не был.

Учитывая сумму моего трансфера, ко мне предъявляли такие высокие требования, как никогда раньше. Интерес СМИ ко мне заметно возрос, за мной наблюдали пристальнее, чем когда-либо. Меня критиковали чаще и жестче, чем в составе «Шальке», «Вердера» или «Реала». Но все это я не принял слишком уж близко к сердцу. Ведь я знал, что главное – не терять веру в себя и собственные силы. Невзирая на критику со всех сторон, я верил, что стиль моей игры обязательно оправдает себя. И в конце концов мне удалось не просто завоевать чемпионский титул, но и вырасти в личностном плане, а также – хотя бы внутренне – покинуть золотую клетку.

16. Чемпион мира – 2014
Под конец требуется упорство и дисциплина

И вот я перестаю замечать всех вокруг. Я не реагирую даже на сигналы мобильника, который оповещает о новом сообщении. Сейчас я не хочу пялиться в экран и отвлекаться на что-либо. Я хочу насладиться моментом. Запечатлеть его в памяти и просто насладиться этой невероятной красотой.

На ржавом пароходике я плыву по реке Жоао де Тиба в Кампо Баия, где нас поселили на время чемпионата мира.

Я почувствовал, что ЧМ начался, около 10 часов вечера, очутившись на борту «Фанганзы», выполняющей рейс LH 2014 из Франкфурта. С подготовкой было покончено, мы летели в Бразилию. Не сказать, что эмоции переполняли, по крайней мере не меня; но было понимание, что впереди – особенное время. Что скоро на тебя будет смотреть весь мир. С другой стороны, этот полет был одним из сотен тысяч других, совершаемых людьми круглый год. Когда взлетают, едят, спят, смотрят фильмы, вертятся по сторонам, снова спят и в какой-то момент оказываются где-то. На этот раз в городе Сальвадор де Баия в 3:40 по местному времени. Промежуточная посадка. Как же аэропорты похожи друг на друга. В одних пластиковые сиденья в зале ожидания у гейта зеленые, в других – серые, желтые или белые. В каких-то из них уютно, в каких-то не очень. Для меня аэропорты всего мира неразличимы. Неудивительно. Ведь в моей жизни было уже 600, 700, а то и целых 800 полетов.

Высаживаемся, какое-то время торчим в аэропорту, а затем снова поднимаемся на борт. Полет продолжается. На этот раз следующая остановка Порту-Сегуру.

Все ближе и ближе к ЧМ. Хотя ни у кого из нас еще не наблюдается бури эмоций. В поездке этому мало что способствует, все происходит на автопилоте. Достаем вещи, встаем, выходим из самолета, заходим в автобус. Направляемся к нашему жилищу. После такого длительного перелета, каким бы приятным он ни был, хочется уже просто оказаться на месте, заселиться в комнату и рухнуть на нужную постель.

Но внезапно мы оказываемся на этом пароходике, который и доставит нас туда, где мы будем жить во время чемпионата. Никто не остался в автобусе. Мы в полном составе стоим на палубе и наслаждаемся воздухом, который на вкус отличается от

того, к которому мы привыкли в Германии. Мотор видавшего виды пароходика тарахтит, пугая птиц в мангровых зарослях. На борт зайцами пробралось несколько раков – сейчас они прячутся под стальными балками. Солнце сверкает золотом на поверхности реки.

Мы проплываем мимо ярко раскрашенных рыбацких лодок с синими, зелеными и желтыми полосками по бокам. Деревья с могучими корнями клонятся к воде.

Прежде на меня редко накатывало столько эмоций. Вид тропических джунглей в Бразилии воскресил во мне воспоминания об африканском сафари, во время которого я чувствовал себя таким свободным. «Вот и чемпионат мира. Начался чемпионат мира. Вот мы и здесь», – думал я про себя.

У нас были потрясающие условия. И не только в плане проживания. Были и другие нововведения. К примеру, Немецкий футбольный союз разработал нам приложение для смартфонов. Оно позволяло узнавать все необходимое о будущих соперниках, не выходя из комнаты. Буквально пара кликов – и я уже в курсе, в чем сила, а в чем слабость игрока противоположной команды. Я могу запросить о них сколько угодно информации. И перечитывать ее столько раз, сколько считаю нужным.

«В начале требуется энтузиазм. Под конец – дисциплина», – гласил лозунг, сформулированный для ЧМ членами тренерского штаба. Соответственно, мы, исполненные энтузиазма, и отправились на первый матч против сборной Португалии, в рядах которой были Пепе, Коэнтрау, Нани и, разумеется, Роналду.

В первые же минуты Криштиану опасно бьет по нашим воротам – Мануэль Нойер на месте.

Наша очередь! Марио Гётце врывается в штрафную, и Перейра, бессильный справиться с ним иначе, дергает Марио за футболку. Пенальти хладнокровно реализует Томас Мюллер. Я в прекрасном расположении духа. Тони Кроос выдает мне шикарную передачу, и я вхожу в штрафную. Сзади поддерживает атаку Гётце, он в лучшей позиции, чем я, поэтому пасую. Жаль, что его удар успели блокировать, иначе он точно оказался бы в воротах.

Долго ждать второго гола все же не приходится: Матс Хуммельс забивает головой. После чего продолжается показательное выступление Томаса Мюллера. Он продирается сквозь оборону португальцев и забивает третий гол, а затем и четвертый. Целых три гола в первом же тайме.

Такое начало просто окрыляет. После такой удачной игры прибавляется уверенности и легкости. Нет никаких напрягов. Это

означает, что наш план сработал и переживания были излишни.

Второй матч группового этапа со сборной Ганы оказался куда тяжелее; какое-то время мы проигрывали ганцам 1:2, однако в итоге сумели сравнять счет. За первое место в группе мы боролись с США, одолели их со счетом 1:0 и вышли в ⅛ финала.

Но сборная Алжира втянула нас в утомительную борьбу. Мы приложили немыслимые усилия и тем не менее ничего не добились в основное время. Если бы не Мануэль Нойер, который блеснул не в первый и не в последний раз на этом чемпионате, мы рисковали пережить полное фиаско.

Но мы и не думали сдаваться. Через две минуты после начала дополнительного времени Андре Шюррле вогнал мяч в ворота своим коронным ударом левой. На 119-й минуте забил я, сильнейшим ударом с пяти метров, не оставившим вратарю сборной Алжира Раису М'Боли шансов среагировать – мяч влетел под перекладину над головами Маджида Бугерра и Эссаида Белькалема. Все решили миллиметры. И очень кстати, ведь на последней минуте дополнительного времени Абдельмумен Джабу отквитал один мяч; таким образом, игра закончилась со счетом 2:1.

Мировая пресса отзывалась о нас уничижительно. «После этих 120 минут Германия перестала считаться явным претендентом на титул чемпионов мира», – писала бразильская газета «O Globo». «Фавориты были в шаге от провала, но так и не провалились», – отметила «Neue Zürcher Zeitung». А швейцарская газета «Tages-Anzeiger» пришла к такому заключению: «Немецкие защитники подложили себе свинью, даже на чемпионате мира совершая такие ошибки, от которых волосы дыбом встают. О красоте игры говорить даже не приходится».

Сразу после игры Пер Мертезакер вынужден был дать комментарий репортеру телеканала ZDF Борису Бюхлеру. «Мои поздравления с выходом в четвертьфинал, – начал он и напрямую спросил: – Почему национальная сборная выглядела такой уязвимой и нескладной сегодня?»

Ответ Пера, как и интервью в целом, стали настоящей сенсацией. «Мне все равно, – буркнул он. – Мы прошли в четвертьфинал. Значение имеет только это».

Так между критически настроенным Бюхлером, который приставал с дальнейшими расспросами, и Мертезакером, в словах которого читался вызов, началась словесная перепалка.

Пер раздраженно сказал Бюхлеру: «Вы что, считаете, что [Алжир] это какая-то кучка клоунов вышла сюда, в ⅛ финала?» Свой комментарий он закончил такими словами: «Что вы хотите? Успешного чемпионата мира или нашего вылета при красивой

игре? Я не понимаю всех этих вопросов. Мы прошли дальше, мы невероятно счастливы и теперь готовимся к встрече с Францией»[21].

Я считаю, Пер отреагировал просто замечательно. Я бы ни за что не смог никого так отбрить. В целом, конечно же, в вопросах репортера и оценках нашей игры не было ничего предосудительного. Будь они заданы в другое время, к примеру на следующее утро, Пер ответил бы на них гораздо спокойнее. И наверняка даже разделил бы точку зрения Бюхлера, что наша игра оставляла желать лучшего. В этом смысле репортер был прав. Но вот время он подобрал совсем не подходящее. Представьте на секундочку Владимира Кличко на ринге в бою против Дэвида Хэя. Каждый уже изрядно побит. Оба едва стоят на ногах. Всего один удар мог бы свалить любого из них. Исход боя не определен, победителя так и не получилось выявить. В последнюю секунду двенадцатого раунда Кличко наносит Хэю апперкот и отправляет в нокаут.

Разве можно обращаться к нему с вопросом, почему он так плохо защищался, вместо того чтобы спросить, как ему удался такой потрясающий удар?

По итогам того 120-минутного матча со сборной Алжира мы были на грани нокаута. Противники нас вконец вымотали. Конечно, нас самих это удивило. Что было гораздо тяжелее, чем в ситуации, когда мы бы ожидали чего-то подобного. Согласен, игра не была красивой от начала до конца. Но когда ты 120 минут провел на поле в движении, выполняя подкаты, вступая в единоборства, хотя все мышцы болят и немеют, меньше всего хочется говорить о неудачных моментах. Ведь неважно, насколько напряженной вышла игра, насколько маленьким получился отрыв – мы вышли в четвертьфинал. В конце концов, только это имеет значение.

Следующий поединок со сборной Франции, за которую играл мой друг Карим Бензема, также выдался не из легких. Благодаря мячу, забитому Матсом Хуммельсом головой, мы вели в счете, но так и не сумели забить второй. На 83-й минуте Йоги Лёв заменил меня, чтобы приберечь на потом.

С точки зрения тренера, это решение было абсолютно справедливым. Я никогда бы не посмел злиться на него из-за замены. Учитывая, что у нас с Йоги Лёвом сложились на редкость доверительные отношения. Он для меня больше чем просто тренер. Он всегда готов выслушать, причем даже если речь идет не о футбольных делах. Ведь есть люди, с которыми ты связан исключительно по работе. Йоги Лёв не из таких. К примеру, как-то раз он навестил меня в Лондоне.

Мне было известно, что он какое-то время провел в Турции в качестве тренера, в том числе и в стамбульском клубе «Фенербахче», поэтому я пригласил его в турецкий ресторан. В мой любимый – «Ликию». Лёв так и расцвел, сделав заказ по-турецки. Он говорил просто замечательно, но, конечно, с забавным акцентом. И литрами заливал в себя турецкий чай.

Несмотря на то что я вовсе не капитан сборной, мне сдается, что Лёва действительно интересует мое мнение. К примеру, тогда за ужином он заговорил о нескольких молодых игроках. И спросил, вижу ли я их в будущем игроками национальной сборной. Если честно, мне сложно судить о молодежи из Бундеслиги, ведь я нечасто вижу ее в деле и еще реже играю против них сам.

Когда Йоги Лёв заменил меня в том матче с Францией, оставалось еще семь минут до конца. Семь минут, которые казались мне сущей мукой, хотя в течение всего чемпионата мира у меня было вдосталь игрового времени; вернее, именно по этой причине так мне и казалось. Во всех семи матчах я выходил в стартовом составе. Четыре раза из семи я проводил всю игру на поле. И сейчас вынужденное бездействие выбило меня из колеи. Для футболиста нет ничего ужаснее, чем смотреть за товарищами по команде, не имея возможности помогать им. Пребывание на скамейке запасных было сродни пытке. Особенно сейчас, в самый ответственный, решающий момент. Разумеется, я всецело верил своим товарищам по команде. Разумеется, мне было известно, каким потенциалом обладает каждый из них. Но принять участие все же хотелось. Пойти в стык и пресечь атаку. Или же постараться наверняка обеспечить своей сборной выход в полуфинал, забив еще один гол.

> Для футболиста нет ничего ужаснее, чем смотреть за товарищами по команде, не имея возможности помогать им.

Я не прочь следить за игрой с экрана телевизора. Или когда играю в приставку. Но я ненавижу в такой ситуации оказываться на скамейке запасных.

И вот оттуда-то я наблюдаю, как французы на четвертой добавленной минуте идут в последнюю отчаянную атаку. Мой товарищ по «Арсеналу», Лоран Косельни, навешивает в штрафную из глубины. Бензема принимает этот мяч, играет в «стенку» с Оливье Жиру и выходит один на один с Мануэлем Нойером и оглушительно бьет левой с шести метров.

У меня перехватило дыхание. Пожалуйста, нет. Только на

моих глазах Бензема забил за «Реал Мадрид» 81 гол, 13 из них – левой. И это только в официальных матчах – а на тренировках еще сотни.

И это уже не матч Германия – Франция, а дуэль Бензема—Нойер. Мяч, выпущенный как из пушки, летит прямо на Мануэля. Я бы на его месте, вероятно, попытался пригнуться, уклоняясь от снаряда, который запросто может лишить сознания. Но Мануэль не сдвигается ни на миллиметр. Он исполински возвышается в воротах. Его ноги широко расставлены. Напряжен каждый мускул. Ни тени страха или сомнения; взгляд, как всегда, прикован к мячу. Его правая рука молниеносно взмывает вверх, отражает мяч и сохраняет наше преимущество. Свисток. Мы в полуфинале.

Нас ожидала встреча со сборной Бразилии. Хозяевами чемпионата. Мои друзья рассказали, какой ажиотаж тем временем творился в Германии. Некоторые фирмы, как, например, «Фольксваген» в Вольфсбурге, предоставляли персоналу отгулы, чтобы работники могли посмотреть полуфинал.

Разумеется, и в Бразилии все как с ума посходили. Наш автобус по дороге к стадиону, где нас ждали хозяева чемпионата, сопровождали девять полицейских мотоциклов и две машины. Над нами летел вертолет. Наш автобус пробирался через зелено-желтое море. Ни на ком из окружающих не было повседневной одежды. Я видел повсюду разрисованные лица, парики и флаги.

Любой опознает автобус, на котором едет сборная Германии. Совсем не так, как в «Арсенале», там по автобусу ничего не определить. Модели автобуса английских команд ничем не отличаются, на них нет ни одного опознавательного знака. Со стороны ни за что не поймешь, кто в каком автобусе едет.

Я всегда сижу на заднем сиденье. Так было в «Реале», так сейчас в «Арсенале», так когда-то было в школьном автобусе. Всегда сажусь на последний ряд.

Я мало что замечаю по пути на стадион. Просто сижу и слушаю музыку. Или смотрю сериалы. Есть такие игроки, которые уже по дороге собираются с духом. Они отключаются от внешнего мира и мысленно настраиваются на нужный лад. По два-три часа размышляют о сильных и слабых сторонах своих противников. Я не делаю ничего подобного.

Я считаю, что это утомительно, к тому же мало что дает. По крайней мере, я не вижу смысла настраиваться по дороге. Пока я еще могу смеяться над шутками в сериалах. Но я всегда отношусь с пониманием, если партнеры уже приступили к своим личным приготовлениям. Я просто стараюсь им не мешать.

Во время поездки на тот полуфинальный матч я поглядывал в

окно гораздо чаще, чем обычно. Меня поразили эти переливы зеленого и желтого снаружи.

Если бы я до сих пор был в составе «Реала» и увидел бы на их месте фанатов «Барселоны», то, вероятно, подумал бы: «Сегодня вам не будет никакого праздника». Но эти замечательные люди стекались на стадион, излучая такую уверенность и такой позитив. Как же все они болели за свою команду!

А еще надо было слышать, как они распевали гимн Бразилии перед началом вместе с игроками сборной. В едином порыве, как самый большой хор на свете. Даже у меня поползли по коже мурашки.

Кажется, я уже целую вечность разглядываю эти впечатляющие трибуны. Проходит еще две минуты, прежде чем судья дает свисток к началу игры и Мирослав Клозе, который стоит в центре поля, сможет ввести мяч в игру. ФИФА настолько строго соблюдает регламент, что не полагается начинать матч раньше, даже если все уже готово. На турнире такого уровня все расписано до секунды. Все ради совершенного зрелища. Ровно в 17 часов игра начинается.

Бразильцы попытались разделаться с нами в первые же минуты. Они насели на наши ворота и через 42 секунды после начала матча уже заработали угловой. Мы были готовы к такому развитию событий – об этом предупреждал тренерский штаб. Угловые бразильцев заканчивались голами в матчах со сборными Чили и Колумбии, авторами голов стали Давид Луис и Тиагу Сильва; последний отсутствовал на сегодняшней игре, потому что нахватал желтых карточек. Как мастер угловых себя проявил и Неймар, в которого влетел коленом игрок колумбийской сборной Хуан Суньига, в результате чего у Неймара оказался сломан поясничный позвонок.

На третьей минуте Марсело с 18 метров бьет по нашим воротам – мимо, на добрый метр. Затем мячом завладевает Мюллер и навешивает на меня с правого фланга. Майкон не заметил, как мелкими шажками отрывался от него, чтобы позволить ему перехватить этот пас. Краешком глаза я вижу рывок Хедиры и резко простреливаю в его сторону. Он от души бьет с отскока. Однако путь в ворота мячу преграждает задница Тони Крооса.

С самого начала игра пошла на встречных курсах. Мы будто прощупывали друг друга, присматривались, на что сегодня способен соперник. А затем произошло то, чего никто и представить себе не мог: игроки сборной Бразилии потеряли контроль над игрой. На их родном стадионе. Несмотря на всенародную поддержку. Через 9 минут и 40 секунд Халк

проходит по левому флангу, но не решается на обводку Филиппа Лама. Он передает ответственность, в смысле, мяч обратно Марсело, который снова посылает его в никуда, после чего он переходит к Сами Хедире. С этой самой секунды мы овладеваем инициативой. И не уступаем ее до конца.

На 11-й минуте мы выполняем угловой. Подает Тони Кроос. В точности, как это неделями отрабатывалось на тренировках. Девять бразильцев, включая вратаря, в своей штрафной. Против них лишь четверо. Наше преимущество заключается в том, что мы совершенно точно знаем, куда сейчас побежит каждый из нас. У нас есть тайное знание, и игрокам сборной Бразилии не остается ничего другого, кроме как реагировать. Сейчас ход за нами, и когда подача Тони прилетит, куда надлежит, в этом месте окажется Томас Мюллер.

Мирослав Клозе, Матс Хуммельс и Бенедикт Хёведес несутся навстречу мячу. А Мюллер остается на месте. Он делает пару шагов в противоположном направлении, чего за ним не повторяет опекающий его Давид Луис. Я стою точнехонько на линии штрафной, на случай, если удар отразят или Томас упустит мяч.

Угловые удары слегка напоминают шахматы. С той лишь разницей, что довольно много фигур ходят одновременно. Когда все ходы оправдывают себя, противник получает мат – мяч прилетает в ворота. И именно это мы провернули тогда на стадионе Белу-Оризонти.

До этого игроку немецкой сборной еще никогда не удавалось забить гол сборной Бразилии на чемпионатах мира. Единственная встреча состоялась в финале ЧМ 2002, который Германия проиграла со счетом 0:2.

И вот Мюллер забивает. Затем, в промежутке между 23-й и 26-й минутами, точнее, за следующие 178 секунд забивает Мирослав Клозе и делает дубль Тони Кроос.

То были самые невероятные моменты, которые я когда-либо переживал на футбольном поле. Получается, каждый пас, каждый проход. Все до одной идеи гениально воплощаются в жизнь. Мы перерастаем сами себя после каждого нового удачного хода. А бразильцы теряют остатки уверенности в себе. Каждый из нас хочет завладеть мячом, потому что все мы знаем, что с ним делать. Игроки бразильской сборной, напротив, к мячу совсем не рвутся; их гложет страх совершить ошибку.

Настолько явное превосходство можно ожидать, когда «Реал Мадрид» лучшим своим составом играет против команды низшего дивизиона. Но никак не здесь. Как такое получилось в полуфинале, я до сих пор не могу себе объяснить. Я не знаю, что так испугало и пошатнуло уверенность бразильцев, этих

великолепных футболистов с неповторимым стилем. Сказалось ли на них так сильно отсутствие Неймара – раз перед исполнением гимна Бразилии Луис с Сезаром размахивали его футболкой? Журналист газеты «Телеграф» объяснил это так: «Складывается впечатление, как будто бразильцам вкатили наркоз».

До меня с трудом доходила реальность происходящего. Этого просто не может быть. После второго гола Тони я поднял глаза на табло и лично убедился в том, что счет 4:0. И это менее чем за полчаса игры. В истории чемпионатов мира, а конкретнее – ни в одном из 832 матчей, сыгранных с 1930 года, такого еще не случалось.

Давид Луис позднее рассказывал, что он думал, будто ему снится кошмарный сон, от которого он отчаянно хотел пробудиться.

Осмотревшись, я замечаю, как первые отчаявшиеся болельщики бразильской сборной покидают стадион. Я должен был вбрасывать мяч, поэтому стою на боковой линии и вглядываюсь одному мужчине в лицо – у него заплаканные глаза. Краска, которой он нарисовал себе на щеках флажки, потекла. Мне так жаль. У всей страны целое горе: им надо как-то пережить итоговый счет 1:7 не в их пользу. Мы растоптали их мечту о чемпионском титуле. Каждый наш гол был как нож в сердце для этого гордого народа, который дал миру таких прекрасных футболистов, покоривших не одно поколение своей игрой в ритме самбы. «Немецкая машина» за четыре минуты раздавила беспомощную «Селесао».

> Что и говорить, я испытывал гордость и радость в связи с исходом игры. Но наш триумф обернулся для бразильцев историческом провалом. Чего они совершенно не заслуживали.

Что и говорить, я испытывал гордость и радость в связи с исходом игры. Но наш триумф обернулся для бразильцев историческом провалом. Чего они совершенно не заслуживали. Я чувствовал, что должен что-то предпринять, чтобы не заканчивать все на такой ноте. Я решил высказаться начистоту, по справедливости, которой желали многие из нас. В короткой записи, всего в 140 символов, которая останется на века и из которой никто не выкинет ни слова. Мой твит гласил: «У вас прекрасная страна, замечательные люди и удивительные футболисты. Этот матч не должен лишить вас гордости».

Я вложил в это послание душу. Мне во что бы то ни стало

хотелось его запостить. Это справедливое высказывание, которое выражало чувство многих, вызвало отклик у множества людей: более 92 тысяч пользователей твиттера оценили мою запись, более 124 тысяч сделали перепост – так что твит, написанный мной по-английски, стал рекордсменом года по упоминаниям.

Особенно примечательным было то, как бразильцы встретили нас, отъезжающих из Кампо Баия. Не было ни ненависти, ни возмущения из-за того, что мы разгромили их команду. Несмотря на горечь поражения, они признавали себя побежденными и оказывали нам должное уважение. Редко, но все же случается, что фанаты проигравшей команды обдают тебя презрением. Но тогда, в Бразилии, не чувствовалось ничего подобного.

На обратном пути по бортовой связи к нам обратился президент Немецкого футбольного союза Вольфганг Нирсбах: «Это историческая победа. Без всякого преувеличения. Годы и десятилетия спустя мы сможете рассказывать потом своим детям, если они у вас появятся, а затем и своим внукам, что 8 июля 2014 года вы были там, в Белу-Оризонти. И еще десятки лет вас будут спрашивать: как же вам это удалось?»

Приятно, когда все вокруг тобой восхищаются. Разумеется, мне льстило то, что сказал Нирсбах. Но, если честно, именно в тот вечер, в тот момент его слова не имели для меня никакого значения.

Ведь на фоне эйфории не стоило забывать, что мы выиграли лишь полуфинал. Да, самым незабываемым образом. Но я намерен рассказывать моим детям и внукам не только о полуфинальной победе 7:1. Я хочу когда-нибудь поведать им о победе на чемпионате мира. Каково это – взять в руки золотой трофей.

К чему радоваться сейчас и чувствовать себя пупом земли, если пять дней спустя снова могут заговорить о генетической предрасположенности к поражениям? О нас, о трусах? О нас, о лузерах? О представителях молодого поколения, которое не в состоянии завоевать титул?

До полуфинального матча с Испанией в 2010 году наша игра тоже вызывала восхищение. Но победили-то в итоге испанцы.

Поэтому в тот момент я пропустил слова Нирсбаха мимо ушей. Вот и Йоги Лёв вместе со своими помощниками подчеркнул, что радоваться пока нечему. И именно с таким настроем мы работали дальше вплоть до финала. Ни одна тренировка не проходила вполсилы. Никто не допускал небрежности и не думал о том, чтобы расслабиться хоть на секунду.

Эта победа со счетом 7:1 сделала нас увереннее, что

отразилось и на последующих тренировках. В то же время у нас не притупилось чувство реальности.

13 июля 2014 года, отправившись на «Маракану» в 13:50, мы все ощущали себя немного не так, как обычно. Было бы ошибочно назвать это волнением. Думаю, болельщики, спортивные комментаторы и журналисты пребывали в гораздо большем волнении во время финала, чем мы. Я, правда, думаю, что никто из нас особенно не нервничал. Ведь нервы до добра не доводят. Нельзя поддаваться волнению в финальной игре.

Нужно выходить на поле с осознанием того, что каждый миллиметр, каждое единоборство, каждый подкат имеют значение. И конечно же, требуется железобетонная уверенность в победе.

Как никогда часто у меня проскакивали мысли типа: «Сегодня ты можешь стать легендой». Хочется отбросить их, но они не пропадают. Хочется сохранять спокойствие, но не получается. По ощущениям поездка тянется гораздо дольше, чем обычно. Ты полон сил, едва сдерживаешься – так велико желание оказаться на поле, делать передачи и ударять по воротам. В автобусе чувствуешь себя будто замурованным. Зажатым между сиденьями.

Йоги Лёв запрещает нам пользоваться мобильниками в раздевалке, так что я пишу маме SMS-ку сейчас, из автобуса: «Помолись, чтобы я остался цел и чтобы мы выступили успешно». Буквально через несколько секунд, как если бы мама все это время не выпускала телефон из рук, ожидая, что я напишу, мне пришел ответ: «Месут, я всегда молюсь за тебя. Перед каждой игрой. Мы тебя очень любим. У тебя все получится». А потом прислала смайлик.

В этот раз в нашей раздевалке было громко, как ни в одной другой, где мне довелось бывать. Шум издавали 74 698 болельщиков – он доходил и до внутренних помещений стадиона. Даже за закрытой дверью мы слышали их песни и речевки; слов было не разобрать, но гул проникал даже сюда.

Тут и разогреваться перед игрой не надо – ты уже готов, благодаря атмосфере на стадионе «Маракана». В соседнем помещении мы с Пером Мертезакером и Юлианом Дракслером решаем немного почеканить мяч. Босиком. Чтобы хоть как-то отвлечься перед действом.

Некоторые утверждают, что нам, игрокам национальной сборной, недостает упорства на пути к успеху. У нас якобы недостаточно решимости, чтобы выиграть по-настоящему высокую награду.

Тот, кто вспомнит историю каждого из нас, поймет, что

подобные утверждения – полная чушь.

И вот я стою на поле за несколько секунд до свистка к началу важнейшей игры в своей жизни; и я снова чувствую себя маленьким Месутом. Тем самым мальчишкой, который когда-то каждый день спешил поиграть в «обезьянью клетку», как называлась наша спортивная площадка в Гельзенкирхене. Который проводил первую половину дня в школе и заранее радовался наступлению вечера, когда можно будет снова погонять мяч с ребятами. Который мог заиграться до темноты, забыв поужинать.

Для которого не имела значение ни погода, ни высота травяного покрытия газона. Который просто хотел играть и выигрывать. Без каких-либо напрягов и обязательств, просто потому, что это доставляет радость.

Как я люблю чувствовать себя ничем не обремененным! Это чувство упрощает любой матч. Как же легко. К счастью, оно не исчезает на протяжении всей игры. Я чувствую себя таким свободным. Ни секунды напряга. И в мыслях нет, что надо что-то доказывать миру. Или противостоять Лионелю Месси. Я не испытываю никакого трепета перед заслугами этого необыкновенного футболиста.

Мануэль Нойер сейчас в лучшей своей форме. Бенедикт Хёведес тоже на высоте. Жером Боатенг всегда оказывается в нужном месте в нужное время. Матс Хуммельс вселяет в нас уверенность. Бастиан Швайнштайгер сражается как лев – такие умирают, но не сдаются. Тони Кроос всегда знает, что делать с мячом. Кристоф Крамер не всегда улавливает, что делать, но тем не менее и он – важный член команды вплоть до его замены. При виде Томаса Мюллера аргентинцев бросает в дрожь. Мирослав Клозе прикладывает все усилия.

Для всех, кто сейчас стоит на поле, эта игра – важнейшая в жизни. Когда на 113-й минуте Андре Шюррле навешивает с фланга на Марио Гётце, я вдруг чувствую, что на моих глазах творится нечто из области магии. Марио принял мяч на грудь, посылает его левой ногой в ворота и забивает гол, решивший исход всей игры – 1:0.

Тому, что случилось потом, я до сих пор едва ли могу найти объяснение. В момент, когда звучит финальный свисток, на меня наваливается страшная усталость. Футболисты в голубой форме падают на землю, как подкошенные, зарываясь лицами в траву. Футболисты в белой форме тоже падают, в свою очередь, от счастья. Дело сделано, поэтому эмоции зашкаливают.

Я уж и не помню, что я тогда делал, кого когда обнимал,

кому что говорил. Я помню только, как все кружится. Я хочу плакать и кричать во все горло. Я хочу, чтобы это мгновение никогда не кончалось.

Легенда бразильской сборной Пеле как-то раз отметил: «Не будь «Мараканы», я бы не стал тем, кем я являюсь сейчас». Без «Мараканы» и нам всем было бы не стать теми, кем мы стали сегодня, а именно – первой европейской командой, которым удалось выиграть чемпионат мира в Южной Америке.

Хотел бы я подобрать такие слова, которые наиболее точно передают ощущение, когда ты поднимаешь золотой трофей высоко над головой. Но не могу. Ведь это чувство настолько сильно, что никто, ну по крайней мере я, не в состоянии его описать.

В ту ночь голова идет кругом, но это приятное ощущение. Вот ты еще на поле, а вот тебе уже вешают на шею медаль, а еще через секунду Филипп Лам поднимает кубок мира в ночи, и в нашу честь гремит роскошный фейерверк.

Происходит столько всего, что я даже не успеваю осознавать.

В какой-то момент передо мной оказывается Мишель Платини. Я даже не понял, откуда он так внезапно появился. Три раза подряд Платини становился лучшим футболистом Европы – в 1983, 1984 и 1985 годах. В составе туринского «Ювентуса» он завоевал все награды, какие только можно. «Я беру футболки далеко не у каждого, – сказал мне Платини в тот вечер. – Но твою я бы очень хотел себе на память. Для меня это была бы большая честь».

Когда футболист такого уровня просит у тебя на память футболку, ты отдаешь ее, не задумываясь. Слова Платини – пожалуй, самый большой комплимент, когда-либо сделанный мне. Это знак большого уважения, который останется только между нами. Очень интимное переживание.

Ради этого я даже с радостью перенес критику в мой адрес, которую снова позволили себе некоторые СМИ. В связи с тем, что я оказался единственным игроком сборной, который на официальной фотографии стоит с оголенным торсом, некоторые предположили, что я хотел похвастаться мускулатурой – какой же бред.

Когда я впервые прикоснулся к Кубку мира, у меня завертелись очень смешные мысли. Почему же он меньше, чем Кубок, которые получают победители Лиги чемпионов? Тот серебряный кубок с изогнутыми ручками высотой 73,5 см почти вдвое больше и ощутимо тяжелее. Впрочем, меня недолго интересовал этот вопрос – и мысли исчезли так же быстро, как появились.

Жаль, но мне пока незнакомо, что чувствуют родители, впервые взявшие на руки своего ребенка. Пока я испытал только целую бурю эмоций, когда мне дали подержать моих новорожденных племянниц Миру и Лину. Думаю, я прикоснулся к Кубку мира с тем же трепетом, как и к ним. Я сказал себе: «Он прекрасен».

Отъезд в отель, вечеринка и обратный путь в Германию пролетают на головокружительной скорости. Мы горланим все те же песни. Прихлопывая в такт. И фотографируемся с Кубком мира на память.

Что значит стать чемпионом мира, я понимаю, только когда мы проезжаем по Берлину и начинаем празднование у Бранденбургских ворот.

Я и подумать не мог, что наша игра может вдохновить столько людей. Что столько людей зарядились от нас хорошим настроением и мы привели их в такой восторг, подарив ощущение удовлетворения и счастья. В тот день мы видели столько улыбающихся людей.

Однажды я был на концерте Майкла Джексона. Меня поразило, с каким мастерством он выступает и насколько совершенна его хореография. Публика неистовствовала и наряду с ним горячо участвовала в концерте, что было очень заразительно. После концерта я задумался, каково это – стоять там, на сцене, и переживать такие минуты славы.

Подобное я пережил в Берлине. В тот момент я понял, что все было не зря. Каждая изнурительная тренировка. Каждый нагоняй в раздевалке. Резкая критика. Гнев турецких госслужащих по поводу паспорта. Каждый свисток. Каждое замечание.

Ведь все это в целом привело к тому, что сегодня я оказался на этой сцене, окруженный этими удивительными людьми.

Прошлым летом я хотел ощутить то же самое снова. Еще раз насладиться этим грандиозным футбольным счастьем. Еще раз ощутить, какой сплоченной становится команда, добившаяся таких высот. Еще раз удостоиться таких похвал.

Мы могли бы стать чемпионами Европы. Нам не было равных тогда, во Франции. Нам удалось одолеть наводящую страх сборную Италии. И мы провели отличную игру в полуфинале с хозяевами чемпионата.

Уже через полчаса французы совершенно выдохлись, оказались на грани срыва. Кого ни возьми – Гризманна, Жиру или Погба, – все они тяжело дышали, будто загнанные кони, томимые жаждой, на которых пахали в самое пекло. Когда я пробегал мимо, то слышал, как шумно они выдыхают, – такого я не наблюдал еще ни у кого. Они хватали воздух так, будто их с

минуту держали под водой. Мы очень многое сделали вполне удачно и были близки к тому, чтобы совершить еще один подвиг.

Но иногда этого вполне удачного многого оказывается недостаточно. Гол Гризманна, забитый с пенальти за несколько секунд до перерыва, вернул пошатывающихся французов к жизни. Они перевели дух у себя в раздевалке, собрались с силами и обыграли нас со счетом 2:0. После игры Жиру сам недоумевал, что это такое мы с ними сделали в первом тайме.

После игры я рыдал, как дитя; такое поражение было совершенно нестерпимо. В 2016 году мы должны были стать чемпионами Европы. Шансы были чрезвычайно высоки.

На обратном пути я почти не разговаривал. Высадившись во Франкфурте, я чуть ли не следующим рейсом улетел в Лос-Анджелес. Снова сбежал. Снова мобильник отложен в сторону. Я не хотел читать сообщений с утешениями. Не хотел слушать слова сочувствия. Никому не удалось бы подобрать нужных слов.

Финал ЧЕ я так и не посмотрел. Не было никакого желания наблюдать, как друг с другом играют команды, с каждой из которых одинаково хорошо бы расправились, должны были бы расправиться.

В 2016-м мы упустили свой шанс. Но он выпадает далеко не раз. Немецкой сборной вполне под силу завоевать титул чемпионов Европы. И это случится в 2020 году, я абсолютно в этом уверен. Так же как и в том, что моя коллекция английских наград еще далека от завершения.

Я становился обладателем кубков трех стран мира. Стал чемпионом Испании в составе величайшего футбольного клуба. Вдобавок я выиграл самый престижный футбольный титул. Доволен ли я своим урожаем? Ни капельки! Ведь их могло быть больше. Я непременно хочу выиграть Премьер-лигу. Я непременно хочу однажды держать в руках кубок Лиги чемпионов.

Но больше всего я хочу как можно чаще чувствовать магию этой удивительной игры, имя которой – футбол.

Послесловие
Большое спасибо, teşekkürler, gracias, thank you

Та фотография, на которой меня запечатлели с госпожой Меркель в 2010 году в раздевалке Олимпийского стадиона в Берлине, и поныне висит в моем офисе на Кёнигсаллее в Дюссельдорфе среди прочих вещей, с которыми у меня связаны по-настоящему важные воспоминания. Я не люблю выставлять себя напоказ. Мой лондонский дом вовсе не забит футбольными реликвиями. Честно говоря, там совсем не на что смотреть. Так было и в Мадриде. Нет ни коллекции футболок, ни фото с матчей, ни кубков. У меня нет потребности демонстрировать гостям, как я крут, с кем я знаком и где мне доводилось выступать. Мне претит все это. Не говоря уже и о том, что у меня в принципе не так много футболок. До сих пор я еще ни разу не просил у другого футболиста его футболку на память после финального свистка. Не такой я человек. Мне не хотелось бы кого-то с этим беспокоить. И незачем мне это.

Вероятно, в случае Зинедина Зидана я бы и сделал исключение, ведь этот легендарный футболист оказал на меня наибольшее влияние. Если бы мне выпало счастье играть с ним на одном поле, я бы определенно попросил у него его футболку. Но только в этом случае. А так в основном у меня собрана коллекция только своих футболок. Полные, то есть с трусами и гетрами, комплекты формы, в которой я играл за «Шальке», «Вердер», «Реал» и «Арсенал». И разумеется, форма сборной Германии с ряда чемпионатов. Кроме того, у меня хранится футболка Криштиану Роналду с его автографом, подаренная мне в Мадриде на прощание, а также футболка Серхио Рамоса, на которой он написал по-испански: «Моему братцу. Всего самого наилучшего. Было так приятно играть с тобой в одной команде. Твой Серхио».

В ноябре 2010 года, без малого месяц спустя после того незабываемого матча Германия – Турция, я летел из Мадрида в Берлин. «Реал» десять туров подряд возглавлял турнирную таблицу. По идее, в тот момент мне было бы не занимать уверенности в себе. Только что в матче с мадридским «Атлетико» я забил со штрафного, внеся вклад в победу со счетом 2:0. В первых десяти матчах сезона у меня было пять голевых передач и три гола. Но я ощущал себя букашкой, без намека на уверенность и спокойствие. Потому что вскоре мне предстояло выступать на

сцене с речью в прямом эфире.

Я нервно ерзал на своем месте. Снова и снова я повторял про себя текст речи, которую набросал. Мои ладони вспотели от волнения. Из-за этого расплывались буквы на бумажке, которую я раз за разом переписывал во время полета.

Я не мастак выступать на публике. Мне никогда не нравилось стоять в центре зала и произносить речи. Это мне совершенно не по душе. И определенно никогда не придется по душе. Есть прирожденные ораторы, которым достаточно переступить порог на чьем-нибудь дне рождения, открыть рот – и через несколько минут приковать к себе внимание всего зала, потому что у них такой захватывающий стиль изложения. Я восхищаюсь такими людьми. Но абсолютно не расстраиваюсь, что сам не обладаю талантом рассказчика.

Так было и в том самом 2010 году одним ноябрьским днем. Из берлинского аэропорта меня увезли на лимузине в Потсдам. «Мутлу, послушай еще раз», – попросил я братца, которому уже пришлось раз двадцать прослушать мою благодарственную речь. Потом в сто двадцатый и в двести двадцатый раз за сорокаминутную поездку.

Мы были приглашены в Метрополис-Халле на вручение премии «Бэмби» от медиаконцерна Хуберта Бурды. Мероприятие проходило в шестьдесят второй раз. В тот вечер я оказался в числе награждаемых. Церемонию вручения вела звезда сериала «Секс в большом городе» Сара Джессика Паркер. Среди гостей был модельер Карл Лагерфельд. На вечере также присутствовал американский актер Орландо Блум, который сыграл Уильяма Тернера в «Пиратах Карибского моря». Я также заметил Удо Линденберга и Барбару Шёненбергер. Здесь же была певица Шакира, которая летала со мной и другими членами сборной Германии в Южную Африку из Франкфурта, – на вечере она спела гимн чемпионата мира «Waka Waka».

Собралось так много интересных личностей. Но вместо того, чтобы перемолвиться с ними словечком, я цеплялся за братца и своего агента, сопровождавших меня. Я до сих пор злюсь на себя из-за того, что упустил шанс побеседовать с Джейн Гудолл, также присутствовавшей на церемонии вручения премии «Бэмби».

Тогда я даже не вполне представлял, насколько знаменита эта женщина-приматолог. Но до этого я видел множество документальных фильмов с ее участием. Я, повторюсь, большой фанат документалок. Я обожаю репортажи и постоянно смотрю фильмы о дикой природе – как живут шимпанзе, крокодилы, слоны, киты-великаны и пингвины. Я смотрел репортажи Гудал из джунглей Танзании, как она жила там среди шимпанзе и изучала

их повадки. Думаю, было бы так интересно узнать об этом побольше из первых уст.

Лучшей актрисой назвали Ханну Херцшпрунг. Лучшим актером – Флориана Давида Фица за роль в фильме «Винсент хочет к морю». Я вслушивался в хохот 800 гостей церемонии после очередной шутки комика Михаэля Миттермейера. Что это была за шутка, я даже не разобрал. Церемония проходила как-то мимо. Гром аплодисментов *едва долетал до меня*. Мысленно я уже стоял на сцене и произносил слова благодарности. Зал озарялся светом *софитов*. На шее у меня бечевкой болтался галстук, который я перевязывал двадцать раз, чтобы добиться нужной длины. Я то и дело прикладывался к своему стакану с водой, испытывая странную жажду. Как же говорить, когда в горле пересохло? Когда братец заметил, что я снова тянуть налить себе воды, он усмехнулся. «Успокойся же, – сказал он. – Все получится». Но вместо того, чтобы успокоиться, я почувствовал, что теперь мне нужно в туалет.

И вот на сцену выходит Назан Эккес. Началось. Я торопливо опрокидываю еще один стакан воды. «Я родилась в Кёльне. Мои родители – турки», – заводит она рассказ о том, как утвердилась в Германии. Называет эту страну своей родиной и своим домом. Здесь она добилась того, что было бы невозможно ни в одной другой стране.

Я пропускаю мимо ушей, о чем еще говорит Назан. Мое сердце бьется так сильно, что я слышу каждый удар. Я вижу, как на сцене шевелятся ее губы. Как она то заливается смехом, то задумчиво обводит взглядом зал. Звуки ее голоса я услышал лишь, когда посмотрел отрывки из церемонии на YouTube.

«Кое-кто с немецкими и турецкими корнями, – продолжает Эккес, – продемонстрировал нам этим летом, какой легкой и само собой разумеющейся может быть интеграция. И это – звезда чемпионата мира Месут Озил. Его желали видеть в сборной Турции. *Мы*[22] хотели во что бы то ни стало его заполучить. Но для Месута Озила было очевидно: он вырос в Германии, он учился здесь в школе. Тут живут его друзья. Так что он выбрал Германию. И в итоге все мы, и немцы, и турки, гордимся им. Когда Месут вел за собой бундестим в полуфинале чемпионата мира, он был своим для всех, кто переживал за него и в немецких пивных, и в турецких чайханах. Как немцы, так и турки обрадовались, когда он занял место в основном составе мадридского «Реала» среди лучших из лучших. С обеих сторон нашлись те, кто предъявлял Месуту Озилу претензии, но они были в явном меньшинстве. Их настойчиво подавляло большинство, испытывающее радость. В виде исключения одна

бульварная газета подметила очень верно: «Побольше бы нам таких Озилов. Но пока мы рады тому, что у нас есть один такой Озил!»

На звуки своего имени я реагирую. Мне чудится, что она произнесла «Месут Озил». Я кидаю беглый взгляд на Мутлу. Он смеется и кивает. Пока я делаю еще пару глотков, включают заставку. Меня объявляют образцовым случаем удачной интеграции. Ведущий объявляет: «Все мы гордимся игроками нашей замечательной сборной, неважно, какое у них происхождение. Месут Озил – *исключительный* спортсмен. То, как он сочетает в себе турецкое и немецкое, служит всем нам примером для подражания».

По тому, как я встал, подошел к сцене, застегнул свой пиджак, телезрители могли подумать, что в тот момент я исполнен спокойствия. Шесть ступенек преодолел я на пути к сцене, где стояла Назан Эккес. Шесть маленьких ступенек, каждая из которых стоила мне маленького усилия. Озил, который величественно выходит по туннелю на поле, выглядел словно лев, который начинает охоту за мячом. Озил, который полз со ступеньки на ступеньку на сцену, был, скорее, напуганным котенком.

К счастью, мне на помощь приходит Назан, рядом с которой на сцене я сразу почувствовал себя уютнее. Она сразу же берет меня за левую руку, удостаивая кивком и как бы говоря этим: я с тобой. Все хорошо. Она вручила мне статуэтку в виде олененка и послала мне вслед воздушный поцелуй.

Присутствующие в зале поднялись со своих мест. Они устроили стоячую овацию. Они аплодировали. И тут ко мне вернулась способность ясно слышать. Я совершенно отчетливо слышал аплодисменты. Видел радостные лица. В том числе и улыбку олимпийского чемпиона-тяжелоатлета Маттиаса Штайнера.

«В первую очередь я бы хотел поблагодарить за оказанную мне высокую честь, – услышал я со стороны свои слова. Слова вылетали у меня будто бы сами собой. – Я так счастлив. Интеграция означает стать частью целого. Ты вливаешься, не теряя самобытности. Интеграция ведет к появлению чего-то нового, ведет к расширению культурного разнообразия в Республике Германия. Большое спасибо. Teşekkürler. Gracias. Thank you».

Моя благодарственная речь длилась от силы 32 секунды. В какой-то момент, чего, надеюсь, никто не заметил, я сбился. Но договорил до конца. Это было невероятное ощущение – стоять на сцене с этой статуэткой в руках. Я был чрезвычайно горд, хотя,

должен сказать прямо, «Бэмби» точно так же заслуживал и Сами Хедира. Его мать – немка, а отец из Туниса. Они встретились в Хамматете на севере Туниса. Но Сами, как и я, родился в Германии, в местечке под названием Фелльбах-Ёффингер где-то в Баден-Вюртемберге. Он ничуть не меньше интегрирован, чем я.

На церемонии вручения «Бэмби» я был лаконичен и краток. Но я взвесил каждое слово. А не просто наболтал красивых фраз. Вместо этого я сказал о том, в чем сам глубоко был и буду убежден.

Интеграция – это похвально. Интеграция – это важно. Я бы хотел, чтобы интеграция всегда проходила с таким же успехом, как наш матч с Бразилией в полуфинале чемпионата мира – 2014, закончившегося со счетом 7:1. Между нами была полная гармония. Каждый пас прилетал куда надо. Никто не тянул одеяло на себя, все действовали как одна команда. Так же должно быть и в обществе, какими бы ни были корни у граждан: вместе всегда все получается.

Благодарности

Мне кажется, благодарность не всегда должна выражаться нескончаемым потоком пышных фраз. Я прекрасно знаю, что ничего не представлял бы собой без помощи, веры и поддержки очень многих людей. Если бы я мог устроить так, как задумал, то мне бы очень хотелось собрать из них две футбольные команды и погонять с ними мяч в «своей» обезьяньей клетке. Одним словом, там, где все начиналось. На моем – самом любимом на свете – футбольном поле на Ольгаштрассе в Гельзенкирхене. Пусть даже у него покрытие из шлакового щебня и обнесено железной решеткой. И не является ничем иным, как неровной поверхностью пятьдесят-шестьдесят шагов длиной и около тридцати шириной. Где невозможно выбить мяч за пределы поля, потому что он всегда отскакивает обратно. Где зимой опасно было сильно разбегаться, ведь о замерзшую поверхность поля можно было мгновенно ободрать себе руки.

Где я, без преувеличения, забил по меньшей мере три тысячи голов за двенадцать лет…

И неважно, как эти люди разделятся на команды. Кто какую позицию займет, также не имеет никакого значения. Несущественно и то, кто победит. Это был бы товарищеский матч особого типа. В котором бы приняли участие 22 человека, которые мне очень, очень дороги. Спасибо вам большое за все! Я вам очень благодарен!

Ваш Месут

Иллюстрации

Мы с братом: Мутлу покровительственно приобнял меня за плечо.

И поныне я доверяю ему на все сто

Моя мать Гюлизар всегда беззаветно поддерживала меня, брата и сестер

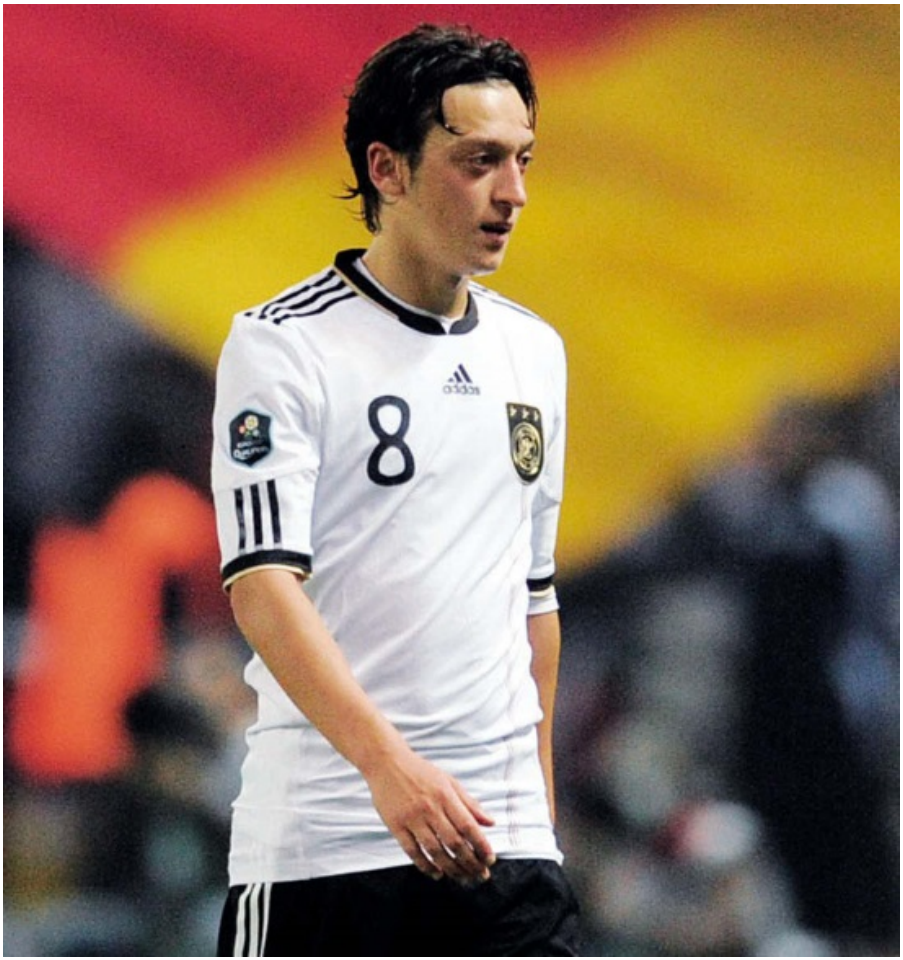
Тренировки с ранних лет: отсутствие экипировки игре не помеха.

Все, что нужно, – это верные друзья, мяч и пара ворот

Моим первым немецким другом стал Фабиан Мараун, с ним я

познакомился, когда играл за молодежную команду “Вестфалия 04” в лиге F.

Вот он сидит рядом со мной, с капитанской повязкой на руке



На фоне черно-красно-золотого флага: Внутренне я и с немцами, и с турками.

У меня немецкий ум и турецкое сердце

Какая неловкость: Появление канцлера Германии Ангелы Меркель застало меня врасплох. Иначе я никогда бы не вышел к ней с голым торсом

Я молюсь перед каждой игрой. Это вошло у меня в привычку с юношества, ей я не изменяю и по сей день

В сентябре 2007 года, в бытность игроком «Шальке». К сожалению, в то время я гораздо чаще находился у поля, чем на нем

Избавление: После печального расставания с «Шальке» благодаря Томасу Шаафу и Клаусу Аллофсу я воспрял духом и снова стал получать удовольствие от игры

Друзья навсегда: На фото я позирую с Джеком, Сердаром и Эркутом (слева)

В 2016 году я побывал в Заатари, лагере беженцев в Иордании.

Мне не забыть встречи с этими мужественными детьми

Этот паренек не отходил от меня, пока я был в Заатари.

«Я – это ты в детстве», – сказал он

Поразительно, как руководство «Вердера» выдержало этот шум в СМИ после кунг-фу удара Визе

Взрыв эмоций:

Я ликую, забив гол, обеспечивший бременскому «Вердеру» победу в Кубке Германии по футболу

Маленький бумажный шарик решил судьбу «Гамбурга» в полуфинале Кубка УЕФА 2009 года. Через год фанаты «Вердера» воссоздали этот шарик – вот как его почитали на берегах Везера

В августе 2010 года меня представили журналистам всего мира в качестве нового игрока мадридского «Реала». Честно говоря, мне не по вкусу буря фотовспышек. Моя сцена – футбольное поле

Товарищи по команде, которыми я горжусь: Сами Хедира, Лукаш Подольски и Бастиан Швайнштайгер. Фото с матча Германия—Австралия на чемпионате мира – 2010 в Южной Африке

Я обожаю животных, особенно львов. И маленькие львята потрясающие.

Мы с Польди позируем с должным уважением к этим острым когтям

Когда я впервые надел на себя форму игрока мадридского «Реала», я весь затрепетал. Это не какая-то там тряпочка. Ради такого можно все отдать

Серхио Рамос и Сами Хедира стали самыми близкими мне людьми в «Реале»

Наблюдая за Криштиану Роналду с близкого расстояния, сразу понимаешь, что значит работать по-настоящему

Я никогда не воспринимал игроков «Барселоны» как врагов, но меня буквально преследовала мысль, что их необходимо разгромить

Я никогда не робел перед Месси – бесспорно, выдающимся футболистом

В 2013 году я перешел в лондонский «Арсенал»

В 2009 году состоялось мое знакомство с Арсеном Венгером. Через четыре года он стал моим тренером

Сами Хедира – один из моих самых близких друзей

После того разгромного матча со сборной Италии на чемпионате Европы – 2012 ко мне подошел Андреа Пирло. Он приобнял меня и сказал пару таких слов, которые до сих пор свежи в моей памяти

В 2013 году у нас в семье произошло пополнение в лице Бальбоа. Ему четыре года; в футбол он играет с таким же удовольствием, как и я

Обладатели Кубка Англии. В 2015 году я защитил титул, завоеванный в 2014-м

Думаю, я прикоснулся к Кубку мира с тем же трепетом, как и к своим новорожденным племянницам. Я сказал себе:

«Он прекрасен»

Чемпионы мира! Свою футболку я только что подарил Мишелю Платини по его просьбе

Идеальный матч: в полуфинале со счетом 7:1 мы разгромили сборную Бразилии – хозяев чемпионата мира – 2014

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

Так в оригинале. В действительности Жулио Сезар, конечно, бразилец.

2

Так в оригинале. Видимо, в европейской обиходной традиции исчислять только «чистое», без учета дороги с поля и обратно, время перерыва.

3

Пренебрежительное прозвище ближневосточных иммигрантов, распространенное в немецкоговорящих странах.

4

Лам из Баварии, где региональное – или даже национальное – самосознание высоко развито.

5

В оригинале: Ein Leben lang – keine Schale in der Hand, целая жизнь – никакой чаши в руке. – *Прим. перев.*

6

Сеть бюджетных супермаркетов.

7

Цитируется по: Фергюсон, Алекс. Автобиография [*пер. с англ. А. Радкевича*]. М.: АСТ, 2014.

8

Приговоренной к семи годам лишения свободы за превышение служебных полномочий и находившейся на тот момент в заключении.

9

В полуфинале чемпионата мира 1982 года.

То есть в 2016 году.

11

Цитируется по: «Я – Златан» Златан Ибрагимович, Давид Лагеркранц; [*пер. с англ. Павла Андрианова и др.*]. – М.: Олма Медиа Групп, 2014.

12

Так в оригинале. В действительности Моуринью в том году выиграл Лигу чемпионов.

Понимать эту метафору надо именно в терминах автогонок, а не футбола.

То есть на пресс-конференции. – *Прим. авт.*

15

Цит. по: Криштиану Роналду. Одержимый совершенством. Кайоли Лука; пер. Звонарева Т. – М.: Эксмо, 2015.

16

Официальное название Кубка Испании.

17

Прим. ред. – отсылка к песне группы The Clash «London Calling».

18

В оригинале игра слов: использовано изобретенное журналистом слово Geldmeister, обыгрывающее термин Weltmeister (чемпион мира).

19

Знаменитые лондонские двухэтажные автобусы.

То есть с «Ливерпулем».

21

Диалог Бюхлера с Мертезакером цитируется по: Хонигстейн, Рафаэль. Немецкая машина футбола [*пер. с англ. Качалов А.*]. – М.: Эксмо, 2016.

Курсив авторский.